В. В. РОЗАНОВЪ.

Люди луннаго свѣта.

МЕТАФИЗИКА ХРИСТІАНСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Б/Р

В. В. РОЗАНОВЪ.

Люди луннаго свѣта.

МЕТАФИЗИКА ХРИСТІАНСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Б Р

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I—III
Лунный свѣтъ	1
„Бородатыя Венеры" древности	3
Подвижники ранняго христіанства	11
Третій полъ	25
Полъ какъ прогрессія нисходящихъ и восходящихъ величинъ	27
Сотвореніе „лица"	28—29
Вибрированіе пола	30—34
Типичное въ самцѣ и типичное въ самкѣ	34—37
Гдѣ и какая „душа" у человѣка	37—39
Наибольшее половое притяженіе	39—43
„Вѣчная женственность"	44
„Sainte prostituée" Египта	45—48
Линія безразличія въ полѣ	49
Мужское въ женскомъ	50
Женское въ мужскомъ	51
Муже-жены и человѣческая культура	52—53
Духовныя „содружества"	54
Праведность „блаженныхъ"	55
Абсолютный половой покой	56
Безсѣменность и „духовное рожденіе"	57

стр.

Колеблющіяся напряженія въ полѣ 58

Отъ наибольшаго къ наименьшему . . . . 59—71

Корневая близость религіознаго и полового . . 65—66

Родникъ идеи „конца міра" 67

Не „конецъ", а вѣчное обновленіе 68

„Благословенное" рожденіе 69

Организмъ есть и физика и метафизика . . . . 70—71

Умѣренныя степени полового влеченія . . 72

Важность половой сдержанности 73

Половой расцвѣтъ 74

Безконечность утробной жизни 75

Ростъ прямой или линейный 76

Ростъ боковой или размноженіе 77

Божескій планъ размноженія 78

Разрушеніе плана размноженія . . . . . 79—80

Совокупленіе у насъ и на Востокѣ . . . . . 81—82

Повтореніе родительскаго акта 83

О „чертогѣ брачномъ" 84

„Суббота" и утренніе „тамиды" 85

„Субботній" возрастъ юныхъ 86

„Многоженство" и „священныя блудницы" . . . 87—88

Линія безразличія въ полѣ 89

Разрушеніе домоводственности и хозяйственности 90—91

Бракъ какъ только душевная дружба 92

Дѣво-образные мужья . . . . . 93—94

Дѣва въ мужчинѣ 95

Вѣчное отрочество 96

Само-отрицаніе пола; духовная содомія и аскетизмъ . . . . . 97—100

Мужe-дѣвы и ихъ ученіе . . . . . 100—102

Прослойки содоміи у Л. Толстого . . . . . 103—108

Прослойки содоміи у Влад. Соловьева . . . . . 109—111

Ученіе содомлянъ о супружествѣ . . . . . 112—122

Содомъ рождаетъ идею, что соитіе есть „грѣхъ" 123—147

стр.

Передвиженіе пола изъ положительныхъ въ отрицательныя тяготѣнія 148

Колебанія пола въ индивидуумѣ и въ человѣчествѣ . . . . . 149—150

Случай перерожденія юноши въ дѣвушку . . . 151—168

Случай перерожденія женщины въ мужчину . . 169—171

Вѣчное дѣвство in natura rerum; само-оскопленіе . 172—173

О преподобномъ Моисеѣ Угринѣ . . . . . 173—189

Безсупружное супружество 190

Міровая безсѣменность живыхъ 191

Перемѣна типа исторіи . . . . . 192—193

Царство безсѣменныхъ святыхъ . . . . . 194—199

Дрожа отъ страха, семилѣткомъ, „у насъ на кухнѣ", въ Костромѣ, я слушалъ какъ говорилъ дѣдъ:

— Старые люди говорятъ, что кто Божественное Писаніе все до конца пойметъ, тотъ ума лишится

. . . . . .

И брезжилось что-то страшное. Какой-то запретъ, зарокъ. „Вѣдь кто сошелъ съ ума, тотъ уже никому не разскажетъ, что-же онъ *понялъ*", допытывался я въ своемъ умѣ. „Боже мой, Боже мой! *кто*-же это постигъ? и *отчего*-же этого постигнуть нельзя?"... „Хоть бы однимъ глазкомъ заглянуть—и потомъ умереть"

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Съ вытянутыми губами, съ лицомъ, сжатымъ въ одно страданіе, съ глазами полными слезъ—стояла передъ Чудотворнымъ образомъ Богородицы прекрасная женщина, не молодая, но и не старая... Она была въ пальто, въ шапкѣ (зима), и видно было, что все это ей тяжело, но на эту минуту она вся поднялась, какъ-бы стараясь достать глазами до глазъ Иконы, войти лицомъ въ Ея Лицо...

Полное, большое, привѣтное Лицо,—спокойное - спокойное и величавое-величавое—глядѣло на нее сверху..

Словъ не было. Ничего не было.

„Помоги, Владычица-Богородица!“ шепталъ голосъ возлѣ...

Но не больной: больная вся слилась въ безграничное хотѣніе, безграничную мольбу, въ надежду, сильнѣе которой нѣтъ... и плакала, плакала.

Но народъ ждалъ: надо было кончать. Блѣдной худой рукой больная взяла другую руку—она висѣла какъ не живая—и поднесла ее къ пунцовой лентѣ... Но ей хотѣлось обернуть больную руку въ ленту, а она могла только дотронуться: возьметъ ленту, чтобы обернуть, и рука падаетъ,—и тогда лента вовсе не достаетъ до руки. Быстро я взялъ руку и поднялъ: съ живостью она здоровой рукой обернула ее лентой... И смотря на свою руку, парализованную, рыдала, рыдала.

„Нужно-же уходить, народъ ждетъ“.

Неуклюже, опираясь на палку, больная стала повертываться...

Сейчасъ на ея мѣсто всталъ другой. Люди текли, текли...

Твердый, прекрасный русскій голосъ (съ провинціальнымъ оттѣнкомъ), читая произносилъ:

„...Не имамы иныя помощи, Владычица наша! Иного заступленія не имамы!..“

И такъ твердо, какъ тысяча лѣтъ сзади...

Больная подошла къ ступенькѣ солеи: надо было сдѣлать шагъ внизъ, и этого она не могла...

. . . . . .

„И не надо, не надо иной помощи! Ничего не надо! Самой медицины не надо: что̀ цѣлить тѣло—*надо душу исцѣлить*“...

Боже: да вѣдь эти толпы, здѣсь, вездѣ, ихъ тысячи,

милліоны... они непремѣнно *помышлялись-бы* отъ страха, безнадежности, отъ несчастія, *отъ дѣйствительнаго горя и дѣйствительной боли*, если-бы имъ не добрести вотъ сюда... И если бы они не знали, что *есть мѣсто, куда—добредутъ, и Богъ услышитъ*. Если бы вдругъ передъ ними ...закрылось все!!!

Какой ужасъ!!!

Тьма, ночь и отчаяніе.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

И да сіяютъ Образа эти вѣчно. Ибо уже лучше пусть померкнетъ *умъ*, нежели чтобы погасла *жизнь*

. . . . . .

И если даже мы *все* „поймемъ“, то самое это „пониманіе“ бросимъ въ огонь.

. . . . . .

Такъ вотъ для чего Богъ сдѣлалъ, чтобы „нельзя было понять“; или чтобы „всякій понявшій сходилъ съ ума“, и уже тогда не могъ ничего разсказать,—какъ шепталъ старый дѣдъ-приживальщикъ...

В. Р.

Спб., 16 Апрѣля 1911 г.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

„Бородатыя Венеры“ древности.

...„Кедеши Молоха и Астарты обязывались къ жертвамъ иного рода. Богъ разрушенія и *врагъ жизни* умилостивлялся *самоистязаніями и требовалъ уничтоженія той силы,* которая служила *къ продолженію существованія* на землѣ человѣческаго *рода,*—половой силы. Извѣстны были *огненныя очищенія* [1]) или *прохожденія черезъ огонь,* въ

---

[1]) „Они (раскольники XVII вѣка) все разспрашивали о *царѣ* ужасно интересовались *царемъ*, прислушиваясь, не *горитъ-ли* гдѣ нибудь, *сколько, когда* и пр.“, — говоритъ проф. Сикорскій въ изслѣдованіи о самозакопавшихся Терновскихъ старообрядцахъ (см. книгу „Темный Ликъ“ и въ ней главу — „Русскія могилы“). Въ этихъ разспросахъ уже чувствуется любящая страсть: „—И *страшно,* а имъ *хорошо!*“ „— У, какъ *боюсь,* а *испробовать*-бы“. Тутъ влечетъ, тянетъ. Что? Какой ужасъ! Мнѣ приходилось читывать въ медицинскихъ книгахъ, что нѣкоторыя женщины любятъ *оперироваться* (о *мужчинахъ* этого извѣстія нѣтъ). „Женщины особенно *религіозны*, женщины дали *все религіозное на землѣ*“, какъ-то обмолвилась въ разговорѣ со мною грустная Л. И. Веселитская (Микуличъ). И объ „операціяхъ“, и о „религіозности“ можно сопоставить. Есть какая-то религія грусти, есть какая-то религія ужаса и грусти, „далекая отъ земли“, „caelestis“... Тутъ какой-то другой корень, совсѣмъ иной, чѣмъ на какомъ держатся цвѣты, плоды, радость міра. Другой и *сильный*, другой и *необоримый*. Въ „Молохѣ-Астартѣ“ древніе и схватили, и уловили этотъ другой корень, и въ трепетѣ поклонились ему. „Ваалу—сонтія, дѣторожденіе! Молоху—смерть, самосожженіе, *царь* (у русскихъ), могила!“. Я хочу, однако, обратить вниманіе на то, что ощущеніе Молоха (и Астарты) не присуще сплошь

честь Молоха; жрецы его рѣзали себѣ тѣло и бичевали себя. Еще болѣе *распространено было скопчество*. Кедеши, т.-е. „святые", „священники" Молоха и Астарты, были кастрировавшіе себя такъ называемые galli. Сцены этого обряда, сопровождавшіеся неистовствомъ, поразительны. Греческіе писатели

человѣческому роду, а нѣкоторымъ какъ-бы *вкрапленнымъ* въ человѣческую породу *частицамъ*, индивидуумамъ, душамъ, которые *врожденно неспособны къ браку и никогда не будутъ имѣть дѣтей*, хотя и имѣютъ дѣторождную систему внѣшне правильно выраженною Это—„тѣ, которые не осквернились съ женами: ибо они—дѣвственники", и которые „послѣдуютъ за Агнцемъ всюду, куда онъ ни пойдетъ" (Апокалипсисъ). Чтобы знать, за какимъ „Агнцемъ" послѣдуютъ дѣвственники, нужно раскрыть громадный (12 фоліантовъ) атласъ научнаго путешествія Лепсіуса въ Египетъ, и обратить вниманіе на сфинксы-*бараны* (овны, „агнцы"), какіе рядами стояли при входѣ въ египетскіе храмы: форма головы ихъ нѣсколько удлинена и отступаетъ отъ натуры настолько, что даетъ почувствовать желаніе сказать ея фигурою о чемъ-то другомъ. Съ другой стороны, перелиставъ *весь* атласъ, мы встрѣтимъ „это другое", извлая которое художникъ-жрецъ тоже отступилъ отъ натуральнаго его вида и *сблизилъ* съ *головою барана*, особенно черезъ посредство опускающихся внизъ и закругляющихся роговъ. Хотя, впрочемъ, и рога отвѣчаютъ нѣкоторой линіи въ натурѣ вещи („этой другой вещи"). На всѣ эти сближенія я не имѣлъ-бы права, если-бы наблюденія новыхъ біологовъ не показали, что абсолютные, врожденные дѣвственники, иногда уничтожающіе у *себя* дѣторождныя органы, или сводящіе ихъ къ „нѣтъ". посредствомъ бандажей особаго рода,—у другихъ... „во всемъ послѣдуютъ агнцу", какъ объ этомъ разсказалъ,—по собственнымъ словамъ „въ дивирамбахъ", т.-е. поэтически и патетически, — Платонъ въ „Федрѣ". „И не опасайся (такой „дѣвственникъ") показаться безумнымъ, — онъ зажигалъ-бы (передъ отрокомъ-любимцемъ) *лампады*" (религія, обожествленіе за-живо, на землѣ еще). Все это не ясно въ отрывкахъ, но становится совершенно ясно, если годы продумать надъ темою, и много читать о ней. Египетъ и его *баранъ*-сфинксы были еще натуральной очевидностью въ эпоху написанія Апокалипсиса. Замѣтимъ также, что египетскія божества, культъ и *изображенія* (см. монеты) были распространены во всей Малой Азіи и въ *Сиріи*, гдѣ былъ написанъ „Апокалипсисъ". *В. Р—въ.*

передаютъ, что среди раздирающихъ (печальныхъ? грустныхъ? *В. Р.*) звуковъ музыки и пѣнія они рѣзали себѣ руки и бичевали себя; а юноша, которому приходила очередь оскопиться, срывалъ съ себя одежды [1]), и, что-то неистово выкрикивая [2]), хватался ножъ и отсѣкалъ свой дѣторождный органъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ бѣжалъ по улицамъ города, держа въ рукѣ отрубленный дѣторождный удъ, и, войдя въ первый попавшійся домъ,—потрясая показывалъ его найденной тамъ женщинѣ и бросалъ къ ея ногамъ [3]) (Movers: „Ueber d. Relig. d. Phoeniz". S. 684—685). Женщины въ честь Небесной Дѣвы, Астарты,—также обрекали себя на всегдашнее безбрачіе [4]).

---

[1]) Вѣроятно—блестящія, „мірскія", веселыя, нарядныя. И вообще все это весьма похоже на нашъ постригъ въ монашество, но лишь выражено *жестко* и *решительно*, „до конца", какъ это соотвѣтствуетъ наивной и откровенной тогдашней культурѣ. *В. Р—въ.*

[2]) Вѣроятно—подобное нашимъ „обѣтамъ отреченія": что онъ „никогда не взглянетъ на женщину, не соблазнится женщиною", и, можетъ быть, что „отнынѣ, сверхъ цѣломудрія, будетъ хранить и смиреніе, послушаніе" и проч. и проч. *Зерно* дерева, конечно, не похоже на дерево, но оба—одно: какъ безспорно имѣетъ что-то *одно* въ себѣ эта исторія съ „галлами" у древнихъ и у насъ постриженіе въ вѣчное дѣвство... *Хотя* и одного („не осквернились съ женами"), значитъ—одно! *В. Р—въ.*

[3]) Съ презрѣніемъ, какъ бы сдѣлали теперешніе (женскренніе и непослѣдовательные) монахи, будь они *физически* вѣрны *духовному* обѣту. „Вотъ—это *твое* (женщины)! *Мнѣ* его—не надо! Возьми свое добро и наслаждайся имъ: а я—другой! святой!" („кедешъ", „священникъ"; какъ у насъ „монахъ" всегда кажется „святымъ" сравнительно съ *оженимымъ* священникомъ. „Самый худой монахъ все-же лучше самаго добродѣтельнаго священника"—аксіома монастырей). *В. Р—въ.*

[4]) Совершенная аналогія посвященію у насъ въ монашество обоихъ половъ! „Аналогія" потому, что здѣсь и тамъ это—*религіозно*, тамъ и здѣсь это—*культъ*, религіозный обрядъ и религіозная церемонія, „церковное торжество" (какъ у насъ всякое „постриженіе"). Торжество чего? Ясно видно, вслухъ сказано (у насъ—съ оговорками, ибо, уже по Нестору, „греки издревле *льстивы* суть", т. е. уклончивы, непрямы, любятъ ласковыя слова, облекая въ нихъ жёстокую или ужасную

Въ связи съ такого рода посвященіемъ [1]) мужчинъ и женщинъ на служеніе Молоху и Астартѣ, и сопровождавшими его обрядами, находился преслѣдуемый Моисеемъ [2]) обычай, по которому *мужчины одѣвались въ платье женщинъ и наоборотъ* [3]). *Юноши какъ-бы обращались въ дѣвушекъ*, послѣ посвященія ихъ божеству, т. е. послѣ того, какъ они лиша-

дѣйствительность). Это — „торжество", т. е. достигнутая цѣль, давнишняя мечта „не имѣть ничего общаго съ женщинами", не касаться ихъ, не сквернится съ ними... „Гадко! мерзость!"—вотъ суть Федра, Платона, древняго „галла" и нашего монаха. Это *неодолимое физіологическое (и психическое) отвращеніе* и есть primum всего дѣла, тотъ στοχεῖον, элементъ, атомъ, — изъ какового и выросло все „дерево" тогдашняго и послѣдующаго аскетизма. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ! „Посвященіе", а не фактъ; религія, а не исторія. Не „нравы дикихъ", какъ, вѣроятно, уже изготовились сказать попики. *В. Р—въ.*

[2]) Религія плодородія, только плодородія,—у Моисея, у евреевъ, у Израиля. Историки не догадываются и законоучители не стараются объяснить въ классѣ на „урокахъ Закона Божія" (=закона чадородія), что уклоненія древнихъ евреевъ въ сторону поклоненія Молоху и Астартѣ были постоянныя попытки вторгнуться къ нимъ *монашеству*, дѣвственному духу, безбрачію; на что Израиль и пророки, увлекая и царей, говорили: „нѣтъ!" У насъ на урокахъ Закона Божія все это представлено такъ, что „пророки" и „благочестивые цари" Израиля были чуть не монахами, все постились и все молились, по примѣру Филарета Московскаго или „въ предтечу" Филарета Московскаго; а „гнусный культъ Молоха" отвлекалъ ихъ отъ этого ветхозавѣтнаго еще монашества въ сторону „оскверненія съ женами"... Забываютъ законоучители, что святому Давиду, до того старому, что онъ ничѣмъ не могъ согрѣться, яко-бы „монашествующіе" священники Іеговы подложили двухъ молоденькихъ дѣвушекъ! То-то католики не велятъ мірянамъ *самимъ* читать Библію, а наши озабочены изданіемъ „учебной Библіи", съ пропускомъ такихъ и аналогичныхъ мѣстъ! Но неизвѣстно, гдѣ „духъ святый", въ Библіи или въ семинаріяхъ и духовной цензурѣ. Послѣдніе еще никого не „спасли", а Библія выучила молиться весь родъ человѣческій. *В. Р—въ.*

[3]) Т. е. не то, что мужчина надѣнетъ платье, *которое сняла съ себя* женщина, и обратно: а мужчины одѣвались въ *женскія, женоподобныя* платья, въ платья *женскаго покроя* (теперешнія наши *духовныя одежды*); а женщины-„кедеши" одѣвали платье мужскаго покроя. Здѣсь и выступаетъ (у мужчинъ кедешей) „Агнецъ, за которымъ вы будете всюду слѣдовать"... Но не будетъ предупреждать біологическихъ наблюденій *В. Р—въ.*

лись дѣтородныхъ органовъ. Быть можетъ, въ этомъ отчасти выражалась и мысль о томъ, что божество есть нѣчто безразличное по отношенію къ поламъ [1]). На это указываетъ свидѣтельство древнихъ: согласно имъ, богиня Венера представлялась иногда андро-гиномъ (ἀνήρ + γυνή) и называлась и „Марсомъ" и „Венерою". Особенно *въ мистеріяхъ признавалась она utriusque sexus* [2]). Ее называли поэтому „Deus Venus", какъ и сирійскую богиню луны—„Deus Lunus" и „Dea Luna". На островѣ Кипрѣ была даже „бородатая Венера", „Venus barbatus". *Молохъ превращался въ Мелитту и наоборотъ.* Вотъ почему *мужчины* передъ Венерою *приносили жертву въ одеждѣ женщинъ*, а *женщины* передъ Марсомъ *въ мужской одеждѣ* [3]). „Invenies in libro magico praecepi", го-

[1]) Тупая мысль автора книги. Впрочемъ, естественная: проводитъ свою „духовность", что „Богъ есть *духъ*" и что все „религіозное" есть только *духовное*, безплотное, (яко-бы) безполое. О томъ, что самый *духъ* имѣетъ полъ, и духовныя явленія и таланты явно распадаются на мужественные и женственные, на мужскіе и женскіе—этого ему, конечно, не приходитъ на умъ. *В. Р—въ.*

[2]) *Обоюдо*-полою, *дву*-полою: такъ неужели-же обладаніе въ одномъ „я" обоими полами, такая „черезъ край" *полость*,—есть тоже что *внѣ*-полость, *безъ*-полость, сухое дерево или „чистая духовность". До чего духовные не понимаютъ даже *грамоты* тѣхъ предметовъ, о которыхъ пишутъ, и все между тѣмъ стараются „изъяснить". *В. Р—въ.*

[3]) Характерно... Мужчины, подходя къ *женскому божеству*, не осмѣливаются быть одѣтыми въ свое мужское одѣяніе, къ которому, очевидно, богиня питаетъ отвращеніе, а должны переодѣться въ женщину, въ каковомъ видѣ „пилигриммъ" уже допускается богинею передъ свое лицо... Но пусть (духовные объяснятъ) богиня-Дѣва не хочетъ, застѣнчива быть увидѣнною мужчинами, отвращается увидѣть мужчинъ. Но тогда зачѣмъ-же женщины передъ stella Martis являются мужчинами? Марсъ и вообще „мужской полъ" уже не пренебрегаютъ женщинами и

воритъ Маймонидъ о религіи сирійцевъ, „ut *vestimentum muliebre induat vir*, quando stat coram stella Veneris, similiter et *mulier induat loricam*, quando stat coram stella Martis". (Архимандритъ Хрисанѳъ: „Религіи древняго міра", т. III, стр. 302—303).

* * *

„Въ Сидонѣ, столицѣ Финикіи, Астарта—или „великая Астарта", какъ здѣсь называли ее,—была верховнымъ божествомъ и покровительницею города. Самыя свойства этой финикійской богини, по общему значенію сходной съ Ваалитъ и Ашерой, были, въ существѣ, совершенно отличны. Эта ἀστροάρχη—какъ, по своему, переводили ея имя греки—была Дѣвственница, Virgo Caelestis,—въ противоположность Ашерѣ. Характеръ ея *суровый и мрачный*, а *культъ требовалъ воздержанія и самоистязаній*, и соединялся обыкновенно съ культомъ Молоха. Ея поклонники обязывались къ *цѣломудрію* и должны были *приносить ей въ жертву свою страсть и свои чувственныя пожеланія*[1]). Санхоніатонъ и ее, какъ Ваалитъ и Истаръ, называетъ „звѣздою Венеры", но большинство греческихъ писателей признаютъ ее богинею

не избѣгаютъ ихъ встрѣчъ. Неправдоподобное въ Марсѣ,—очевидно это не вѣрно и въ Венерѣ. *Дѣва*-богиня, *stella* Venus, „*Небесная* Дѣва" говоритъ: „я хочу только *женщинъ*, мужской родъ мнѣ ненавистенъ"; *мужъ*-Марсъ, „*Небесный* (stella) Марсъ" говоритъ: „мнѣ *уродны* только *мужчины*, юбокъ и корсетовъ не выношу". Все это глубоко связано съ оскопленіемъ („галлы"); — и вообще *поклоненіе* объясняетъ *культъ* и, въ свою очередь, разъясняетъ себя и свою *метафизику* въ *культѣ*. *В. Р—въ*.

[1]) Если бы не обычный „двоящійся языкъ" духовныхъ авторовъ, какъ было-бы все ясно, какимъ свѣтомъ залилась-бы Библія. „Служительницы Астарты были *монахини*", „нечестивые цари Израиля и царицы, какъ Іезавель,—наполнили дворецъ свой *монахами* и *монахинями*",—каковыхъ стоитель Божій „порубилъ при потокѣ Кедронскомъ",

луны [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что Астарта представляетъ собою женскую половину Молоха, какъ Ашера—Ваала. Первоначально, конечно, она была тоже, что и Ваалитъ и Ашера, но впослѣдствіи, параллельно Молоху, который присоединился

когда они взывали къ своему глухому богу о дождѣ какъ и теперь они такихъ-же не очень слушаетъ „о дождичкѣ" И все было бы ясно! О, какъ все ясно! Изъ Финикіи, изъ Сиріи, уже за-долго до христіанства возникшее такъ монашество, „galli", силилось прорваться къ храму Іеговы, съ золотою виноградною гроздію въ немъ, гдѣ все было плодородіе и плодородіе, чадородіе и чадородіе! Но не удалось тогда;—пока „камня на камнѣ не осталось отъ храма" Іеговы, и вотъ тогда все „удалось"... Меланхолическіе звуки полились въ исторіи, и темныя монашескія тѣни забѣгали во всѣхъ храмахъ, отъ Рима до Вологды, отъ Іерусалима до Аранжуэца. *В. Р—въ*.

[1]) Миѳологамъ и историкамъ давно-бы пора оставить такія ничего не значущія выраженія, какъ „богиня луны", „божество солнца" и пр. Это какъ-бы объ Иверской Божіей Матери кто сказалъ: „божество врата" или „извѣстное божество городскихъ вратъ Китай-города" (въ Москвѣ). Разумѣется, въ древности говорилось о божествѣ *лунныхъ свойствъ*, о божествѣ *лунная характера*, вотъ этого *не рождающаго и сѣтящаго*, грустнаго, манящаго, нѣжнаго, *влюбляющаго въ себя* и *какъ-бы ласкающаго влюбленныхъ*, но именно только влюбленныхъ,—*до сближенія*. Всѣ женихи и невѣсты почему-то „смотрятъ на луну", чего и на умъ не приходитъ супругамъ, даже самымъ любящимъ, очень любящимъ. Совсѣмъ другой колоритъ любви. Супруги любятъ солнышко. Почему? Кто разгадалъ? Луна запрещаетъ „очень любиться", вотъ „сближаться"; „грозитъ съ неба пальчикомъ". — „Полюбуйтесь, помечтайте, но—и довольно". Это—монашеская любовь, прогулки по полю влюбленныхъ монахинь, грустныхъ, молчаливыхъ, не знающихъ, что дѣлать со своею любовью, не нашедшихъ тогда еще „предмета"... Это—несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничѣмъ не кончающаяся, которой положены роковые предѣлы. Мечтательное начало съ тѣмъ вмѣстѣ есть и жестокое: вѣдь *сантименталистъ* Руссо родилъ фурій террора, какъ былъ сантименталенъ и *Робеспьеръ*... Въ мечтахъ родится идеалъ: а идеалъ всегда бываетъ и особенно ощущаетъ себя оскорбленнымъ дѣйствительностью. Идеалъ и „лука" не знаютъ компромиссовъ... Луна и ночь — *уединенны*: опять — это *монашескій свѣтъ*! Все это совершенно

въ Ваалу, въ сидонской Астартѣ воплотилась *сторона этого Молоха—элементъ враждебный жизни* и ея развитію. По крайней мѣрѣ, типъ этой вѣчной *Небесной Дѣвы, суровой, услаждавшейся* кровавыми *жертвами, ближе всего подходитъ къ типу Молоха*... По всей вѣроятности, за нею оставалось значеніе не планеты Венеры, какъ за Ашерою, а луны"... (Тамъ-же, стр. 284—285).

обратно горячему солнышку (Ваалъ и Ашера), яскому, пекущему, выгоняющему изъ земли траву, выгоняющему изъ стволовъ древесныхъ сладкую камедь (сокъ), отъ котораго цвѣты расцвѣтаютъ, пестики цвѣтовъ опыляются, а тычинки и около-плодникъ цвѣтовъ наполняются нектаромъ. И, наконецъ, все зрѣетъ къ августу, когда тяжелыя гроздья, яблоки, всякіе плоды склоняютъ почти до земли вѣтки деревъ. Солнце—супружество (совокупленіе), солнце—фактъ, дѣйствительность. Луна—вѣчное „обѣщаніе", греза, томленіе, ожиданіе, надежда: что-то совершенно *противоположное дѣйствительному*, и—очень *спиритуалистическое! В. Р—въ.*

Подвижники ранняго христіанства

„*Иночество* глубоко коренится въ духѣ и сущности христіанства, и чтобы убѣдиться въ этомъ—стоитъ только раскрыть правдивыя сказанія лѣтъ древнихъ. Тамъ мы увидимъ, что оно появилось вмѣстѣ съ проповѣдью Евангелія, что съ самаго начала христіанства души, наиболѣе вѣрныя Евангелію, избирали путь отреченія отъ міра и мірскихъ привязанностей. „*Преподобные*" явились на землѣ въ лицѣ тѣхъ, кто всѣми силами души стремились *уподобиться* сладчайшему Іисусу.

„Вотъ почему еще въ Ветхомъ Завѣтѣ встрѣчаются слѣды монашества. Таковы были Назореи [1]), посвящавшіе себя

---

[1]) Черезъ всю богословскую и „святоотеческую" письменность и литературу проходитъ желаніе, притомъ искреннее и наивное, основанное на невѣжествѣ,—связывать „наши пожеланія" и „нашу увѣренность" съ ветхозавѣтными примѣрами, какъ *прецедентами*. Такъ и здѣсь. „Назореи суть ветхозавѣтные *аскеты*",—это вамъ тикнутъ въ споръ и малоученые миряне и многоученые богословы-академисты. На вопросъ, „почему",—отвѣтятъ: „Какъ-же, въ дни назорейства своего они *воздержевались* отъ сикера и вина".—„Ну?"—„Воздержаніе есть масло, а постничество есть суть монастыря: слѣдовательно, назореи были тоже, что теперешніе монахи. Воздержанники, постники"... Между тѣмъ, стоило-бы не только глазами читать буквы Ветхаго завѣта, но и душою вникнуть въ его музыку, чтобы понять, что „назореи" были „святые", „угождавшіе" Богу, но именно въ духѣ плодороднаго Ветхаго Завѣта: т.-е. они были *противоположностью* монашества! Съ чего начиналось назорейство? Великій этотъ законъ учредилъ Моисей, имѣвшій двухъ женъ (Сепфору и Эфіопянку) и ужъ, конечно, о монашествѣ не помышлявшій. Отъ

Богу по особенному обѣту, на время или на всю жизнь. Таковы были Илія, Елисей, и ученики пророческіе, соблюдавшіе

явелъ или, точнѣе, *разлилъ въ народѣ* обычай, обыкновеніе, которое привилось съ страстною горячностью, какъ, впрочемъ, естественно должно сладко привиться все, что помогаетъ чадородію и увеличиваетъ его,—увеличиваетъ не въ моментахъ разрѣшенія отъ бремени, беременности, а въ зачинающемъ его моментѣ, поднимая его энергію. Назорейство было обыкновеніемъ, но не обязательнымъ, не всеобщимъ и пассивнымъ, а поставленнымъ подъ законъ внутренней каждаго прихоти, фантазіи, позыва. „Есть охотка, становись назореемъ". Ужъ это должно-бы обратить на себя вниманіе нашихъ богослововъ и заставить ихъ спросить себя: „для чего оно?" „Хорошее дѣло" это „назорейство",—ну, пусть-бы исполняли *всѣ*. Вѣдь оно длилось недолго, вотъ какъ наши посты, и подъ силу было-бы и *народу*. Но Моисей сказалъ: „пусть по фантазіи". Въ чемъ-же тутъ дѣло? Да въ чемъ суть назорейства? Къ этому можно подойти, всмотрѣвшись въ обрядъ его. Вотъ я хочу быть назореемъ. „Тогда",—учитъ Моисей,—„ты поди въ Скинію свидѣнія („свиданія", „встрѣчи" съ Богомъ: ибо она была вѣчно наполнена „Славою Господнею", какъ-бы мы сказали теперь: „полна Св. Духа", „полна благодати"). Тамъ, купивъ жертвенное животное (не дорогое, овцу, т.-е. *обыкновеннѣйшее* у пастушескаго народа,—это въ видахъ доступности всѣмъ), *сними одежды съ себя*: и священникъ, служащій при храмѣ, положивъ къ ногамъ твоимъ это животное *обрѣетъ кругомъ твое тѣло*, такъ, чтобы срѣзанные волосы падали въ шерсть этого животнаго и смѣшивались съ волосами его". Послѣ того животное закалывалось и сжигалось на жертвенникѣ всесожженій, *вмѣстѣ съ волосами новаго назорея*, „въ сладкое благоуханіе Господу" (обычное прикладное слово о всѣхъ жертвахъ). Затѣмъ, „назорей" возвращался въ домъ свой, къ женѣ и дѣтямъ (безъ жены и дѣтей не было евреевъ), обязанный на дни „назорейства", срокъ коего онъ самъ для себя опредѣлялъ, „воздерживаться отъ сикера и вина", *какъ извѣстно расхолаживающаго* (разжижающаго) *кровь и разслабляющаго половыя силы*. Срокъ назорейства, избираемый обыкновенно на 30, или немного больше дней (по „фантазіи"),—былъ темпомъ изощренно-чистыхъ, глубоко-ясныхъ въ сознаніи, совокупленій: конечно, не малѣйше не преувеличенныхъ въ числѣ (что всегда ведетъ къ слюнявости и пакости, къ *частымъ слабенькимъ* совокупленіямъ), но безспорно болѣе, такъ сказать, полновѣсныхъ, зернистыхъ, содержательныхъ. Это какъ рожь набираютъ „на сѣмена",—всегда лучшую, крупнѣйшую, свѣжую. На это указываетъ бритье волосъ

цѣломудріе [1]) и нестяжательность и жившіе въ пустыняхъ, таковы были всѣ тѣ, которые, по слову Апостола, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, бѣдствія,

---

около половыхъ органовъ: какъ мы, готовясь дѣлать визиты — „брѣемся", къ праздинку „брѣемся", такъ бритье дѣторождныхъ органовъ явно знаменуетъ „праздникъ" ихъ, „торжество" ихъ. А что Моисеево „обрей все тѣло *кругомъ*", имѣло въ виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что, *безъ обращенія на нихъ вниманія*, не надо-бы новичку-назорею раздѣваться и священникъ могъ-бы просто обрѣзать ему голову. Наконецъ, выбривать мѣста „подъ мышками" можно было тоже лишь слегка откинувъ не тяжеловѣсную южную одежду. Въ ритуалъ входитъ и въ мысль Моисееву явно входило это: чтобы въ Скиніи Свидѣнія „назорей", т.-е. въ концѣ концовъ (въ теченіи года) весь народъ, всѣ зрѣлые евреи и еврейки, показались нагими, съ органами открытыми, видимыми, обнаженными „благодатнымъ воздухомъ" Скиніи. Назорейство было воздушною жизнью Израиля. И какъ мнѣнія имѣетъ отношеніе къ вотъ-вотъ сейчасъ вслѣдъ за нею имѣющему совершиться совокупленію,—также точно и назорейство. Это было храмовое „посвященіе", „благословеніе", „напутствіе" въ совокупленія. Съ монашествомъ оно имѣетъ только то подобіе, что „назорей" также чувствовалъ себя „посвященнымъ Богу", „посвятившимся": но „черезъ совокупленія, угодныя Богу", „посвященныя Богу", какъ и Богомъ указанныя, предписанныя („плодитесь, множитесь"), а не черезъ „постъ, скопчество и молитву" (монахи). Въ Талмудѣ, который есть „ограда закона",—исчислены яства и питія, понижающія и повышающія половую силу, половую предрасположенность, жажду. Между прочимъ, отъ чеснока и щуки— жаждутъ: отчего это и есть любимѣйшія, всегдашнія блюда плодовитыхъ евреевъ; отъ сикера и вина сила увядаетъ, какъ это подтверждала въ наши дни и наука. Мнѣ гдѣ-то пришлось прочитать въ статистической книгѣ, касавшейся при-уральскихъ нашихъ губерній, что вотъ въ такое-то время *уменьшенія* акцизнаго дохода, т.-е. сокращенія пьянства,—пропорціонально увеличилось число изнасилованій, т.-е. нетерпѣливыхъ, неудержимыхъ совокупленій. Нѣтъ пьянства—половой напоръ становится сильнѣе. И съ сильнымъ половымъ напоромъ народы не имѣютъ предрасположенія къ пьянству (евреи, мусульмане). *В. Р.—въ.*

[1]) Не помню, которому изъ пророковъ (богословы знаютъ) Богъ сказалъ: „Поди изъ *блудницы* и зачни съ нею". Пророкъ исполнилъ: — „Поди и еще зачни", повторилъ Іегова. И такъ до трехъ разъ. Да и вообще

озлобленія [1]),—тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли (Евр. XI, 37, 38). Таковъ былъ и Предтеча Господень.

„Но *въ полномъ совершенствѣ иночество раскрылось только въ Новомъ Завѣтѣ.* По словамъ аввы Піаммона, *новозавѣтное иночество ведетъ свое начало отъ самихъ Апостоловъ. Такимъ въ началѣ было и все множество первыхъ увѣровавшихъ во Христа.* Св. Василій Великій *въ самомъ обществѣ Господа Іисуса Христа и Апостоловъ видитъ первообразъ иночества* [2])... Дѣйствительно, нѣкоторые изъ Апо-

---

нужно-ли объяснять, когда это говоритъ каждая страница Библіи, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ *образовалось болѣе скотчество потомъ*, пресловутое нѣвство, „святое нѣвство", на *этомъ самомъ мѣстѣ* въ Ветхомъ Завѣтѣ росла, зеленѣла и вѣчно поливалась свѣжею водою („оживленія") густая-густая, высокая-высокая трава совокупленій! И та самая „святость", которая отнесена была потомъ къ нѣвству, она ранѣе принадлежала совокупленіямъ. Многоженство гораздо священнѣе считалось, чѣмъ одноженство: что видно изъ того, что, напримѣръ, одно-женкый Исаакъ былъ „такъ себѣ" у Бога, безъ знаменій, безъ посѣщеній, безъ особенныхъ ему обѣтованій,—многоженныхъ-же Аврама и Іакова. Онъ посѣщалъ, говорилъ съ ними, и точно всячески лелѣялъ и ласкалъ. Да и понятно: если „жённость" хорошо, то *много*-жённость лучше *одно*-женности, какъ „пять" больше, *лучше* „единицы", какъ полководецъ, выигравшій „три сраженія", лучше выигравшаго „одно", и учитель, обучившій „толпу" дѣтей лучше, угоднѣе Богу и нужнѣе въ міру, чѣмъ обучившій единственнаго ученика. *В. Р—въ.*

[1]) Гдѣ это въ Ветхомъ Завѣтѣ культъ „недостатковъ, бѣдствій, озлобленій"? Терпишь, когда приходится: а искать—грѣшно. Это ужъ въ Новомъ Завѣтѣ стали „изъязлять себя", и что̀ отчаяннѣе, горше—„испытывать *сладкую муку* язвъ"... Когда это пришло,—со „счастьемъ человѣческимъ" было кончено, и дверь въ Эдемъ, обѣщанный вторично человѣку (Апокалипсисъ)—на глухо заколотилась. *В. Р—въ.*

[2]) Все это и *такъ*, и *не такъ*... „Община Іисуса *уже была иноческою*", „была *образомъ и примѣромъ иночества*". Дѣйствительно, *все* въ этой общинѣ и она *сама* было „не отъ похоти мужскія рожденною,

столовъ, не вступившіе въ бракъ до своего призванія къ апостольству, *остались навсегда дѣвственниками*: св. Іаковъ, братъ Господень, сыны Зеведеевы—Іоаннъ и Іаковъ, и Апостолъ Павелъ. Ученики св. Апостола Павла, Титъ и Тимоѳей, подобно своему наставнику, *оставшись безбрачными*, всецѣло посвятили себя на служеніе Господу. *Дщери* пер-

---

ни отъ похоти женскія"... Уже въ ней ничего не было „отъ плоти" всѣ устремленія—„духовныя", всѣ интересы—„духовные", и община эта была, конечно, зачаткомъ и прообразомъ „духовенства", греко-россійскаго, латинскаго, германскаго. Кой-кто изъ нихъ былъ женатъ по какимъ-то *боковымъ* способомъ, но центрально, по главнымъ образомъ. Какъ и духовенство всемірное съ тѣхъ поръ имѣетъ семью „какъ сбоку припёку", „дозволенную" (у насъ), замѣненную „экономами и служанками" (у католиковъ). Везлѣ отъ семьи остались „поскрёбыши", клавъ: сердцевина была вынѣта. Сердцевина величія, сердцевина яркаго признанія, сердцевина вѣрности и доблестей. Точно вокругъ семьи, этого „райскаго дерева", этого „древа жизни", походилъ больной, калѣка: и заразилъ ее калѣчествомъ своимъ, „убогимъ видомъ". Но это былъ именно только *видъ* убогости: на самомъ дѣлѣ подъ убожествомъ скрывался Сильный, Сильнѣйшій. Передавъ семьѣ „убожество" свое, самъ онъ началъ расти,—о, тоже въ этотъ идеалъ „убожества", но въ сущности—„яко-бы убожества": поднялась сатанинская гордость „смиреннаго видомъ", и не даромъ 1-й основатель пастства опредѣлилъ себя: „servus servorum Dei", „*рабъ рабовъ* Господнихъ". Въ „рабскихъ чертахъ", „прикрашивая", „сгибаясь",—всѣ они замесли голову свою за облака. Вернемся къ темѣ. да, *женаты* были нѣкоторые Апостолы; но чтобы у котораго-нибудь изъ нихъ *родился ребеночекъ*—этого не только нигдѣ не сказано въ Евангеліи, но какъ-то и представить себѣ нельзя, чтобы объ этомъ было на его страницахъ сказано. *Весь духъ его малѣйшаго-бы.* „Плотская радость", „плотское счастье"—это „древо жизни" растетъ. Тогда какъ въ Евангеліи оно нигдѣ уже не растетъ... Какъ съ пришествіемъ Христа прекратились жертвоприношенія, — т.-е. та древнѣйшая часть всякой религіи, тотъ ея *первый* камень, который уже описанъ подробно у сыновъ перваго человѣка, Адама, —такъ *самъ* Христосъ явился какъ-бы *послѣдній рождённый со славою* женами человѣческими, послѣ Котораго прекратились *настоящія* рожденія, и осталась лишь тѣнь ихъ, схема ихъ, даже скрадъ ихъ, безъ сока и сладости. *В. Р—въ.*

водіаконовъ Филиппа и Николая *пребывали въ дѣвствѣ* [1]). Климентъ, ученикъ апостольскій, писалъ уже окружныя *посланія къ дѣвственницамъ* [2])... *Съ самыхъ временъ апостоль-*

[1]) Вотъ! Начинается этотъ культъ „старыхъ дѣвъ", маринадъ изъ „похоти мужскія и женскія", который квасится въ собственномъ уксусѣ, вмѣсто того, чтобы давать лозу. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ! И такое величественное это слово: „дѣвственницы", „дѣвственники". Но это хорошо—безсемейнымъ: а горькіе старики-семьянины, видя, какъ взрослыя дочери ихъ, и одна, и другая, и шестая, оставляются „безсѣменною эпохою" за флагомъ, горько плачутся про себя, а вслухъ называютъ ихъ „старыми дѣвками" Климентъ поэтому написалъ не „Посланіе къ дѣвственницамъ", а „Посланіе къ старымъ мухоморамъ", отъ яда коихъ — черезъ мглу вѣковъ — произошли теперешніе наши „бульвары" и „городскіе сады", гдѣ такіе-же мухоморы, на исходѣ увядающей, никому не нужной, никому не потребовавшейся ихъ молодости, бѣгаютъ, высунувъ языкъ, за гимназистами, за студентами, за столоначальниками, за кѣмъ-нибудь, за кѣмъ угодно. О, Боже: да вѣдь и жизнь нажита, и какъ ихъ осудить! Это уже не человѣколюбивый Талмудъ, по одному изъ правилъ коего если у отца есть дочь особенно непривлекательная, то отецъ всетаки обязанъ, хоть за деньги, ей пріобрѣсти временнаго мужа. На вѣки-то, на нашъ „вѣчный бракъ"—и „за деньги" на многихъ нельзя жениться; ну, а *временно*—при свободѣ хоть на завтра развода—конечно уже не было такого урода изъ дѣвушекъ, которую „познать" рѣшительно отказался-бы всякій. При заповѣди „плодородія" естественно вытекло это мудрое правило, что, какъ только у дѣвушки лобокъ началъ покрываться волосами (см. у пророка Іезекіиля),—такъ отецъ и мать *обязаны* были привести ей на ложе, кто-бы „вошелъ" къ ней и зачалъ въ ней. И ужъ, конечно, нельзя было ожидать отказа, когда сестра упрашивала своего брата, холостого или женатаго—все равно, совокупиться съ ея дочерью, хотя-бы сколько-нибудь разъ, хотя-бы до первой беременности, когда (въ случаѣ нестерпимаго ея безобразія) онъ могъ быть замѣненъ другимъ мужемъ (механизмъ развода, законъ родственныхъ браковъ), опять не вѣчнымъ, опять какимъ-нибудь. Вотъ ужъ тамъ и „ленъ курящійся" не загашивался", и „трость надломленная"—не переламывалась. Замѣтимъ, что великая есть доблесть, великое служеніе Богу (вотъ *гдѣ* настоящее „монашество" какъ „жертва Богу") заключается въ женитьбѣ на тѣхъ дѣвушкахъ, вдовахъ, вообще женскихъ существахъ, которыя „никому не понадобились", „никому не нравятся", некрасивенькихъ, слабенькихъ,

скихъ идетъ почти *непрерывный рядъ свидѣтельствъ* церковныхъ писателей *о дѣвственникахъ и дѣвственницахъ*. Св. Игнатій, св. Іустинъ мученикъ, апологеты Аѳинагоръ и Минуцій Феликсъ, Оригенъ, Тертулліанъ, св. Меѳодій Тарскій, св. Кипріанъ—говорятъ намъ о существованіи въ древней Церкви подвижниковъ и подвижницъ, отрекавшихся отъ міра для нераздѣльнаго служенія Господу [1]).

„Послѣ Апостоловъ, изъ подвижниковъ и подвижницъ перваго вѣка, намъ извѣстны святыя: *Ѳекла, Зинаида и Филонида, Евдокія и Телесфоръ*.

„Св. Ѳекла, послѣ проповѣди Апостола Павла и Варнавы въ Иконіи, увѣровавъ въ Господа, оставила своего жениха [2]).

невидненькихъ: но „тяжкихъ бременъ" не надо возлагать, и, конечно можно надѣяться на охотную женитьбу на такихъ лишь при многоженствѣ, которое да будетъ благословенно *между прочимъ именно и за это*, что при многоженствѣ возможно брать некрасивыхъ, космическихъ „сиротъ", космическое „убожество", производя отъ него иногда красивѣйшія лозы: ибо „убогія" съ лица своего, *въ полѣ* бываютъ часто геніальны, воспріимчивы, страстны, „похотливы". Увѣренъ, что доля избранничества Богомъ Магомета объясняется любовью и вѣрностью его, еще въ 17 лѣтъ, къ 40-лѣтней милой Хадиджѣ: только на небесахъ извѣстно, а не у пустыхъ людей, какъ было отрадно Богу, что онъ такъ любилъ и никогда—уже женившись на другихъ—не обидѣлъ свою Хадиджу, бывшую тогда „беззубою старухою", какъ ее ревниво называла младшая изъ Магетовыхъ женъ, прекрасная Аиша. Хотя онъ безумно любилъ ее, послѣднюю: но не переставалъ и въ это даже время любить, ласкать и нѣжить Хадиджу. За Хадиджу ему и послалъ Богъ побѣды и успѣхъ и далъ Свои слова пророчества. *В. Р—въ.*

[1]) Читай: „*для угожденія* Богу отрекавшихся отъ *исполненія воли* Божіей, *заповѣди Господней*" *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ... Начались эти „оставленія жениха", „ухожденія въ монастырь", прообразъ скорбныхъ Лизъ Калитиныхъ... Но оставимъ уродство. Ну, вотъ оно произошло. И пусть осталось-бы въ молчаніи, какъ эмпирическій фактъ, не переходя ни въ принципіальное *да*, ни въ принципіальное *нѣтъ*. Но этого не случилось: о немъ *записали*, его *прославили*, прославили „оставленіе жениха", т.-е. *безмужество*. О, по-

Послѣ чудеснаго избавленія отъ огня въ Иконіи и звѣрей въ Антіохіи, съ благословенія Апостола Павла, „иде въ Селевкію и вселися въ пустѣмъ мѣстѣ на нѣкоей горѣ близъ Селевкіи, и тамо живяше въ постѣ и молитвахъ и богомысліи"—до 90 лѣтъ своей жизни. Память ея 24 сентября.

„Святыя Зинаида и Филонида были сродницами Апостола Павла. „Оставльше своя стяжанія и всего отрекшеся міра",—онѣ пришли въ Виваиду, и тамъ, близъ города Димитріады, „въ нѣкоемъ вертепѣ житіе свое провождаху".—Язычники, „нощію нападше, каменіемъ побиша ихъ, и тако блаженнымъ сномъ уснувши"... Память ихъ 11 октября.

„Святая Евдокія прежде была блудницей въ Иліополѣ и обладала огромнымъ богатствомъ. Ее обратилъ ко Христу „инокъ нѣкій, именемъ Германъ", который въ своей обители „имяше братій семьдесятъ иноковъ". Искренно раскаявшись, св. Евдокія въ святомъ крещеніи возродилась (въ 96 году) къ новой жизни, и, раздавъ всѣ свои сокровища, вступила „въ монастырь дѣвическъ, въ пустыни". Скончалась мученическою смертію уже въ 152 году, проживъ царствованія Домиціана, Нервы, Траяна, Адріана и Антонина. Память ея 1 марта.

„Святый Телесфоръ проводилъ, до своего избранія въ папы, отшельническую жизнь. Скончался мученическою смертію (128—139 г.).

„Изъ второго вѣка извѣстны своею подвижническою жизнію: *святый Фронтонъ*, имѣвшій подъ своимъ руководствомъ до 70 иноковъ и построившій монастырь въ пустынѣ Нитрійской, *св. Параксева*, раздавшая по кончинѣ

истинѣ, какъ „благочестиво есть въ Пустынной Аравіи посадить хотя одно въ жизни дерево",—такъ въ нашей цивилизаціи старыхъ дѣвъ и безпутныхъ холостяковъ „благочестиво есть" бросить въ огонь хоть одну изъ этихъ старо-печатныхъ книжонокъ, въ кожаныхъ переплетахъ и съ мѣдными застежками. *В. Р—въ.*

родителей все имущество и принявшая иноческій чинъ, впослѣдствіи пострадавшая за Христа, *св. Наркисса*, епископъ Іерусалимскій. Оставивши престолъ, онъ удалился въ пустыню, гдѣ и пробылъ до конца дней своихъ въ подвигахъ иноческихъ. *Св. Евгенія*, римлянка, дочь намѣстника александрійскаго, въ царствованіе императора Коммода, обратившись ко Христу чтеніемъ Свящ. Писанія, тайно удалилась изъ дома родительскаго и по дорогѣ встрѣтила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасій и Іакинѳъ. „Слышу, яко Елій, епископъ христіанскій", сказала она слугамъ, „созда адѣ монастырь, въ немже черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалятъ Бога пѣснями". Увидавъ Елія, построившаго монастырь, она приняла св. крещеніе, вмѣстѣ съ евнухами. *Переодѣтая въ мужскую одежду*, Евгенія принята была въ мужской монастырь, „*юноша подобна одѣяніемъ и остриженными власы*". „Въ монастырѣ живяше,—добрѣ иночествуя и работая Богу". Избранная по смерти аввы въ *настоятели*, она подверглась низкой клеветѣ. Явившись на судъ къ намѣстнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой полъ и происхожденіе. Впослѣдствіи основала женскій монастырь, въ которомъ была настоятельницею. Жизнь свою окончила мученически. Память ея 24 декабря.

„Въ III вѣкѣ прославился своими подвигами св. *Никонъ*. Родомъ изъ Неаполя, онъ, послѣ св. крещенія, отплылъ на островъ Хіосъ, гдѣ на горѣ Ганосъ былъ крещенъ епископомъ Кизическимъ Ѳеодосіемъ, укрывавшимся въ пещерахъ отъ гоненія со множествомъ иноковъ. „По пріятіи крещенія святаго, блаженный Никонъ живяше въ пещерномъ томъ монастырѣ, учася божественнымъ книгамъ и иноческому присматриваяся житію: тоже и самъ облеченъ бысть во иноческій образъ кротости ради своея".

„Св. *Галактіонъ* и *Епистима*—изъ г. Емеса въ Фини-

кій. Св. Галактіонъ, будучи христіаникомъ, *но волѣ родителей былъ обрученъ* съ язычницею Епистимою. Обративъ ее ко Христу, онъ *убѣдилъ ее вести дѣвственную жизнь* [1]). Ночью они удались изъ дома и пришли къ Синаю, и тамъ, близъ горы Публіона, Галактіонъ вступилъ въ мужской монастырь, а Епистима—въ женскій. „Подвиги его и труды кто изрещи можетъ? Никогда не видѣнъ бысть праздненъ, но или дѣлаше что монастырю потребно, или моляшеся; постъ его бѣ безмѣренъ, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикій же цѣломудрія и чистоты своея бѣ хранитель, яко во вся лѣта постничества своего соблюдашеся опасно, *да не видитъ лица женска*" [2])... Впослѣдствіи Галактіонъ и Епистима сподобились мученическаго вѣнца. Память ихъ 5 ноября.

„*Св. Пансофій*, родомъ изъ Александріи, по смерти отца своего Антипата, раздавъ все свое имущество, удалился въ пустыню. Скончался мученикомъ въ царствованіе Декія. Память его 15 января. Въ то же царствованіе пострадалъ за Христа инокъ діаконъ *Авивъ*. Память 6 сентября.

„*Св. Анастасія Римляныня*. Близъ Рима, на уединенномъ и незнаемомъ мѣстѣ,—находился женскій монастырь. Круглой сиротой Анастасія, трехъ лѣтъ, была взята на воспитаніе игуменіей Софіей. Она выросла красавицей, но „вся уметы вмѣнивши, уневѣстися Христу, и день и нощь въ молитвахъ служаше". На 21 году отъ роду скончалась мученически. Память ея 29 октября".

(Изъ переводнаго творенія Руфина: „Жизнь пустынныхъ отцовъ").

---

[1]) Вотъ!.. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ! „Не надо Евы." До чего явенъ бунтъ противъ Бога, не *со стороны* откуда-то, но *изъ Адама-же* извлекшаго жену ему; и тѣмъ показавшаго, какое это *внутреннее существо* вещей, не придуманное, не посторонее, не случайное. „Уже въ тебѣ, Адамъ—*есть Ева*: которая и выходитъ во-благовременіи" (= бракъ). *В. Р—въ.*

Благочестивому читателю

„Послѣ плачевнаго отпаденія отъ Бога въ человѣкѣ произошла печальная перемѣна. Въ немъ образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его къ землѣ, къ благамъ и наслажденіямъ міра сего. Это было вполнѣ естественно: не направляясь болѣе вверхъ, къ живому, святолюбящему Богу, какъ къ высочайшей цѣли желаній, духъ человѣческій по необходимости низвергается внизъ, въ міръ земныхъ благъ, съ безпокойно-страстнымъ желаніемъ наполнить образовавшуюся, съ удаленіемъ отъ Бога, пустоту. И вотъ—нѣтъ конца, нѣтъ насыщенія... Не насытится око зрѣніемъ; не наполнится ухо слышаніемъ; и вотъ—„все суета и томленіе духа" (Еккл. 1, 8, 14). Множество *конечныхъ* цѣлей никогда не удовлетворитъ духа съ его *безконечными* стремленіями [1]).

„Ни у одного народа это всецѣлое увлеченіе внѣшнимъ міромъ не выразилось въ такой яркой, вполнѣ законченной—до художественности—формѣ, какъ у древнихъ грековъ. Всѣми силами души, всѣми своими стремленіями они погружены были во внѣшній чувственный міръ, смотря на земную жизнь, какъ на законченное цѣлое, и почти совсѣмъ не задумываясь о жизни вѣчной. Какъ дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина развертывается предъ нами въ пѣснопѣніяхъ Гомера! Земная жизнь человѣческая во всѣхъ ея проявленіяхъ предстаетъ здѣсь предъ нами, вся облитая лучами чарующей поэзіи.

„Никогда земля и небо не сіяютъ столь лучезарнымъ блескомъ, какъ послѣ грозы, бури и проливнаго дождя. Такъ и въ пѣсняхъ Гомера „мы ощущаемъ какъ въ цѣломъ,

---

[1]) О, семинаршина, о глупая семинаршина! И еще туда же философствуетъ... *В. Р—въ.*

такъ и въ частяхъ—свѣжую, цвѣтущую юность человѣчества" (Шеллингъ). Весь міръ полонъ дивной гармоніи! Нигдѣ нѣтъ разлада—ни въ жизни природы, ни въ жизни человѣческой. Даже несчастія, даже слезы—не портятъ того жизнерадостнаго ощущенія, которое получается при чтеніи Гомера. Они лишь не болѣе, какъ игра свѣта и тѣни въ чудно-прекрасной картинѣ. Все божественно и все человѣчно! Смыслъ жизни—въ самой жизни, въ наслажденіи ея дарами.

„Сладко вниманье свое намъ склонить къ пѣснопѣвцу, который-
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье, какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая, какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми, какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ!"
. . . . . .

„Но вотъ—пришло Евангеліе. Оно открыло міру новый, невѣдомый язычеству, смыслъ жизни. Передъ очами міра засіяла новая красота, передъ которою поблекла красота міра сего. Въ міръ явилась Божественная Мудрость, научившая людей *жить для смерти и умирать для жизни*. Огонь, низведенный Спасителемъ на землю,—попалилъ прежнюю и воспламенилъ новую жизнь на ней...

„...Вмѣсто героевъ, увлекавшихся борьбою, вмѣсто гостей, увѣнчанныхъ миртомъ и розами [1]), вмѣсто веселыхъ

[1]) Да, *психологическое* основаніе для перелома, конечно, было, но не было основанія *религіознаго*, т. е. относящагося „до вѣчности" и въ себѣ самомъ заключающаго „вѣчность". Вся древняя цивилизація *износилась, истерлась*... Стрѣляли, стрѣляли изъ пушки—и она обратилась въ „кувалду": нарѣзы сгладились, стволъ измялся, вся она „деформировалась"... Вчера сытъ, сегодня сытъ, *всегда* былъ сытъ: нужно и поголодать, *хочется* поголодать, гигіенично поголодать. Но это—фе-

хороводныхъ пѣсенъ—явились другіе люди, съ другими стремленіями. Не чарующія дубравы, не свѣтлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады,—нѣтъ,—ужасающія египетскія пустыни, одинокія

номены, психическія состоянія, *перемѣны* бытія *жизнь*! Нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ перемѣнъ, пульса. Вотъ въ смыслѣ „пульса" покаяніе и постъ, пустыня и молитва, были нужны. Но, повторяемъ это феноменъ который никогда *не смѣлъ* переходить въ религію, въ которомъ *не было содержанія* для религіи! Въ этомъ все дѣло. Но я затѣмъ вопросъ, гдѣ „изначальная правда" и гдѣ „первородный грѣхъ", въ свѣтломъ-ли взаимодѣйствіи съ природою, или „въ облачкахъ" души человѣческой, которыя тоже есть, есть онѣ *извѣчно*, прорѣзываютъ самую чистую радость, самый безмятежный, казалось-бы, покой? Здѣсь не въ силахъ *разгадать*, я передамъ, *что чувствую*: хотя я вѣчно казалось-бы, „защищаю язычество", но на свѣтломъ пиру Эллады и я выбралъ-бы, сѣлъ-бы рядомъ и заговорилъ-бы съ той, которую такъ хорошо очертилъ поэтъ

Но, *въ разговоръ веселый не вступая*,
Сидѣла тамъ *задумчиво* одна,
И въ *грустный* сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена...

Интереснѣе! Да не только интереснѣе,—*лучше! Монашеская* красота извѣчно побѣдитъ внѣшнюю, плотскую, мясную, тѣльную: какъ Рафаэль побѣдилъ-же Рубенса... и „суровая" Астарта-Дѣвственница побѣждала юную, полно-бедренную, грудистую Венеру. Удивленъ я былъ, разсматривая карѳагенскія монеты (см. Müller: „Монеты Африки") съ изображеніемъ на нихъ Астарты-Таниты. Это очень рѣдкія монеты, выбитыя въ эпоху Цезаря и Августа *въ самомъ Карѳагенѣ*, тогда какъ болѣе древнія карѳагенскія монеты, чеканившіяся въ сицилійскихъ колоніяхъ, всѣ носятъ на себѣ изображенія другихъ божествъ. Я былъ не только удивленъ, но пораженъ: на монетѣ изображена голова *теперешней, нашей монахини*, не только съ чертами пожилого и суроваго лица „ханжи-игуменья", но голова и покрыта какимъ-то монашескимъ куколемъ, некрасивымъ узкимъ покрываломъ. Весь *стиль*—монахини! Въ добавокъ и прямо къ ужасу—позади головы стоитъ крестъ, длинный латинскій „крыжъ", т. е. „крестъ на крестъ" двѣ прямыхъ линіи, поперечная ближе къ верхнему концу, и безъ всякихъ нашихъ

пещеры—вотъ что теперь привлекало взоры и вниманье цѣлаго свѣта. Суровые подвиги воздержанія, умерщвленія плоти, страшныя лишенія, слезы сокрушенія, непрестанная молитва, отреченіе отъ суетныхъ радостей міра—вотъ что вдохновляло этихъ новыхъ людей"...

Предисловіе священн. М. І. Хитрово къ переводу „Жизни пустынныхъ отцовъ" *Руфина*.

„православныхъ" перекладинокъ! Между тѣмъ это—подлинная языческая монета, внѣ всякаго вѣдѣнія христіанства вычеканенная, и посвященная Танитѣ-Астартѣ, „женской половинѣ" Молоха,—въ честь коей, какъ и Молоха, сожигали дѣтей! Значитъ, эта „меланхолія"—извѣчна! И краткій „рай", конечно, долженъ былъ смѣниться „грѣхопаденіемъ". Душа человѣческая, сама *душа* его, а не обстоятельства его жизни, рождена съ „облачкомъ"... Которое мы или видимъ, или ждемъ, или воспоминаемъ. Въ „Астартѣ-Молохѣ" древніе, повидимому, отнесли это „облачко души человѣческой" къ извѣчному, къ небесному: провидѣли въ самомъ Богѣ-*Творцѣ* это „облачко", или уже въ Немъ-то—цѣлую „тучу", „грозы и молніи".. Мы тутъ, конечно, ничего не можемъ сказать, гдѣ „да", гдѣ „нѣтъ". Мой окончательный взглядъ заключается въ томъ, что все должно быть введено въ свою „мѣру": должна быть размѣрена и радость и грусть, свой чередъ и законъ—одному, чередъ и законъ—и другому, безъ „диктованія условій" которымъ-нибудь, и къ абсолютно свободному выбору человѣка. Почтимъ монастыри; но почтимъ и того, кто никогда въ монастырь не заглядываетъ. И только скажемъ ему: „братъ нашъ, будь въ удовольствіяхъ прекрасенъ какъ эллинъ, и не переходи никогда въ сиротство" (способъ веселиться у христіанъ); а монастырю скажемъ: „не наводи ермлъ скорби на лицо свое не разыгрывай *театръ* скорби съ комедіей въ душѣ"... *В. Р—въ*.

ТРЕТІЙ ПОЛЪ.

Полъ какъ прогрессія нисходящихъ и восходящихъ величинъ.

Во всѣхъ фактахъ, которые мы привели, христіанскихъ и до-христіанскихъ, мы имѣемъ въ зернѣ дѣла какое-то органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и не внушенное, отвращеніе къ *совокупленію*, т. е. къ соединенію *своего* дѣтороднаго органа съ *дополняющимъ* его дѣторднымъ органомъ другого пола. „Не хочу! не хочу!“—какъ крикъ *самой природы*, вотъ что̀ лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ, казалось-бы столь противо-природныхъ, религіозныхъ явленій. Крикъ... „самой природы“: и мы должны предположить, что въ томъ какъ-бы міровомъ котлѣ, гдѣ замѣшивалась каша всемірной насущности, всемірной наличности, уже содержались какіе-то элементы этого противоборства, этой протовоприродности; что уже тамъ, въ этомъ первозданномъ или, вѣрнѣе, до-мірозданномъ котлѣ бурлили *теченія* и *противо*-теченія, ходили круги кипящей матеріи туда, сюда, *винтомъ*, кругообразно, а *отнюдь не по прямой линіи*: и когда она застыла и родился *оформленный* міръ,—мы такъ и видимъ въ немъ эти застывшія и переданныя намъ, т. е. *вложенныя въ природу существъ*—движенія „туда“, „сюда“, „винтомъ“ и, словомъ, *не по прямой линіи*. Полъ былъ-бы совершенно ясное или довольно ясное явленіе, если-бы онъ состоялъ въ

періодически совершающемся совокупленіи самца и самки для произведенія новой особи: тогда это было-бы тоже, что́ стихія кислорода и водорода, образующія „въ соединеніи“ третье и „новое существо“—*воду*. Но кислородъ и водородъ „*противо*-теченій“ не знаютъ: и если-бы мы увидали, что вдругъ не частица кислорода, *жадно* соединяясь (какъ всегда въ химическомъ сродствѣ) съ частицею водорода—порождаютъ *каплю воды*, а, напротивъ, частица водорода, которая-нибудь одна и исключительная, вдругъ начинаетъ тоже „съ жадностью“ лезть *на себѣ подобную частицу* водорода-же, убѣгая съ отвращеніемъ отъ дополнительной для себя частицы кислорода, мы сказали-бы: „чудо! *живое*! индивидуально-отличное! *лицо*!!“ *Индивидуумъ* начался тамъ, гдѣ вдругъ сказано закону природы: „стопъ! *не пускаю* сюда!“ Тотъ, кто его не пустилъ—и былъ первымъ „духомъ“, *не* —„природою“, *не*—„механикою“. Итакъ, „лицо“ въ мірѣ появилось тамъ, гдѣ впервые произошло „нарушеніе закона“. Нарушеніе его какъ единообразія и постоянства, какъ нормы и „обыкновеннаго“, какъ „естественнаго“ и „всеобще-ожидаемаго“.

Тогда намъ понятны будутъ „противоборства“ въ „котлѣ“, какъ такой процессъ, въ которомъ „отъ вѣка“ залагалось такое важное, универсально-значительное для Космоса, универсально-нужное міру начало какъ *лицо*, *личность*, индивидуализмъ, какъ „*я*“ въ мірѣ. „Я“ борется со всякимъ *не*-„я“: суть „я“ и заключается въ томъ, чтобы вѣчно утверждать о себѣ:—„не *вы*“, „не *они*“. Суть „я“ именно въ *я*. Это и не добро, и не зло: точнѣе, „добро“ *я* заключается въ обособленіи, въ несмѣшиваніи, въ противоборствѣ всему, а „зло“ *я* заключается въ слабости, въ уступчивости, въ томъ, что оно хотя-бы ради „гармоніи“ и для избѣжанія „ссоры“ *мирится* съ другимъ, *сливается* съ нимъ. Тогда есть „мораль“, но нѣтъ *лица*: ну, а важно или не важно „лицо“ для міра—объ этомъ будутъ судить уже не одни моралисты. Безъ „лица“ міръ не имѣлъ-бы сіянія, цвѣта „облака“ людей, народовъ, генерацій... И, словомъ, безъ „лица“ нѣтъ *духа* и *генія*.

Когда міръ былъ сотворенъ, то онъ, конечно, былъ цѣлъ, „законченъ“: но онъ былъ *матовый*. Богъ (боги) сказалъ: „дадимъ ему *сверканіе*!“ И сотворили боги—*лицо*.

Я все сбиваюсь говорить, по-старому, „Богъ“, когда давно надо говорить *Боги*: ибо вѣдь ихъ *два*, Эло-*гимъ*, а не Эло-*ахъ* (ед. число). Пора оставлять эту навѣянную намъ богословскимъ недомыслiемъ ошибку. Два Бога—*мужская* сторона Его, и сторона—*женская*. Эта послѣдняя есть та „Вѣчная Женственность“, міровая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. „По образу и подобію Боговъ (Элогимъ) сотворенное“ все и стало или „мужомъ“ или „женою“, „самкою“ или „самцомъ“, отъ яблони и до человѣка. „Дѣвочки“—конечно въ Отца Небеснаго, а мальчики—въ Матерь Вселенной! Какъ и у людей: дочери—въ отца, сыновья—въ мать.

Но я нѣсколько отвлекся въ космологическую сторону отъ изысканія первоначальнаго зерна, которое лежитъ въ основѣ „безбрачныхъ“ явленій. Міровое „не хочу“ самца въ отношеніи самки, и самки въ отношеніи самца, не было подвергнуто до послѣдняго времени наблюденію, и только XIX-ый вѣкъ началъ собирать въ этомъ направленіи факты. Факты эти приводятъ къ безспорному заключенію, что „полъ“ не есть въ насъ,—въ

человѣчествѣ, въ человѣкѣ,—такъ сказать „постоянная величина", „цѣльная единица", но что онъ принадлежитъ къ тому порядку явленій или величинъ, которую Ньютоно-Лейбницевская математика и философія математики наименовала величинами „текущими", „флюксіями" (Ньютонъ). Обращеніе вниманія на эти величины привело одновременно Ньютона и Лейбница къ открытію „исчисленія безконечно малыхъ" (дифференціальное исчисленіе),—которое, между прочимъ, интересно въ томъ отношеніи, что черезъ него впервые *мертвая* математика, или какъ-бы мертвая, мертвая въ ариѳметикѣ и вообще пока она занимается „постоянными величинами"—получила доступъ, получила силу *дотронуться*, *коснуться* и *живыхъ* (органическихъ) явленій, „вѣчно текущихъ"... Вотъ такая-то „вѣчно текущая" величина въ насъ или, точнѣе, существо въ насъ есть *полъ* нашъ, какъ наша „самочность", что мы суть *или* „самецъ" *или* „самка". Вообще—это такъ: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого „такъ" лежитъ и *не такъ*: противоборство, противотеченіе, „флюксія" (Ньютонъ), „*не*" отрицающееся всякаго „*не я*". И, словомъ—*жизнь*, начало жизни; *лицо*, начало лица...

Предположеніе, что *полъ* есть „цѣльная величина" и вообще *не* „текущее", породило ожиданіе, что всякій самецъ хочетъ самки и всякая самка хочетъ самца; ожиданіе, до того всеобщее, что оно перешло и въ требованіе: „всякій самецъ *да пожелаетъ* своей самки" и „всякая самка *да пожелаетъ* себѣ самца"... „Плодитесь и множитесь", конечно, это включаетъ. Но на всегда останется тайною, отчего-же при *универсальномъ* „плодитесь, множитесь", данномъ *всей* природѣ, *одинъ* человѣкъ былъ созданъ въ единичномъ лицѣ—*Адамъ*! Изумленіе еще болѣе увеличится, если мы обратимъ вниманіе, что позднѣе изъ Адама вышла Ева, „мать жизни" (по еврейски—„мать *жизней*", яйце-носная, живо-родящая „ad infinitum"): т. е. что въ существѣ Адама *скрыта была и Ева*, будившая въ немъ грезы о „подругѣ жизни"... Адамъ, „по образу и подобію Божію созданный", былъ въ скрытой полнотѣ своей *Адамо-Евою*, и самцомъ и (in potenta) самкою: кои раздѣлились, и это—было сотвореніемъ Евы, которою, какъ мы знаемъ, закончилось твореніе новыхъ тварей. „Больше новаго не будетъ". Ева была послѣднею новизною въ мірѣ, послѣднею и окончательною новинною.

Лишь въ силу всеобщаго ожиданія: „всякій самецъ хочетъ самки" и т. д., образовалось и ожиданіе, что самыя спариванія самцовъ и самокъ имѣютъ течь „съ правильностью обращенія луны и солнца", или по типу „соединяющихся кислорода и углерода", *безъ исключенія*. Но все живое, начиная отъ грамматики языковъ, имѣетъ „исключенія": и полъ, т. е. начало *жизни*, былъ-бы просто *не живъ*, если-бы онъ не имѣлъ въ себѣ „исключеній", и, конечно, тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ болѣе живъ, жизненъ, жизнеспособенъ, животворящъ... Не всѣ знаютъ, что уже въ животномъ мірѣ встрѣчаются, но лишь въ болѣе рѣдкомъ видѣ, рѣшительно всѣ или почти всѣ „уклоненія", какія отмѣчены и у человѣка: у человѣка-же, можно сказать, нельзя найти двухъ самочныхъ паръ, которыя совокуплялись-бы „точка въ точку" одинаково. „Сколько почерковъ—столько людей", или наоборотъ: и совершенно *дико* даже ожидать, что если ужъ человѣкъ такъ *индивидуализированъ* въ столь ничтожной и не представляющей интереса и нужды вещи, какъ почеркъ,—чтобы онъ не былъ индивидуализированъ также въ совокупленіяхъ. Конечно, „сколько людей — столько *лицъ*, *обособленій* въ теченіи половой жизни".

Это не только всеобщее „такъ": но было-бы порочно, преступно, „нищелюбиво" и „нищеобразно", и совершенно уродливо, если бы это не было „такъ". Всякій „творить совокупленіе *по своему* образу и подобію", рѣшительно не повторяя никого и совершенно не обязанный никому вторить: какъ въ почеркѣ, какъ въ чертахъ лица...

„Всеобщее ожиданіе" въ области, гдѣ вообще нѣтъ и *не должно* быть „всеобщаго", породило ропотъ, осужденіе, недовольство, пересуды: „отчего та *пара* совокупляется не такъ, какъ *всѣ*", причемъ разумѣется собственно—„не такъ, какъ *Я*"... Отвѣтъ на это многообразенъ; „да *вы*-то точь-ли въ точь живете такъ, какъ *всѣ*?" или: „я не живу какъ *вы* по той причинѣ, по которой вы не живете такъ, какъ *я*". Но, въ итогѣ, эти „всеобщія ожиданія", присмотрѣвшись къ которымъ можно-бы замѣтить, что самыхъ-то „ожиданій" столько, сколько людей, но только это особенное въ каждомъ затаено про себя,—они породили давленіе *моральнаго закона* тамъ, гдѣ въ общемъ его не можетъ быть, такъ-какъ вся-то область эта—*біологическая*, и *не* „моральная", и *не анти*-„моральная", а просто—*своя*, „другая" [1]). Моральный законъ, неправо вторгнувшись въ не свою область, разслоилъ совокупленія на „нормальныя", т. е. ожидаемыя, и „не нормальныя", т. е. „не желаемыя", причемъ эти „не желаемыя" не желаются тѣми, которые ихъ не желаютъ, и въ высшей степени желаются тѣми, которые ихъ желаютъ и въ такомъ случаѣ исполняютъ. Все возвращается собственно къ тому, „что есть", какъ и естественно въ біологіи: но около того, что

[1]) Единственный изъ богослововъ, ясно это понявшій и послѣдовательно и пламенно выразившій,—М. М. Тарѣевъ. См. его „Основы христіанства", т. IV, „Христіанская свобода".

„есть"—съ тѣхъ поръ приставился рабъ, бѣгущій за торжественною колесницею жизни, хватающійся за спицы ея колесъ, обрызгиваемый изъ подъ нея грязью, падающій въ грязь, вновь встающій, догоняющій, опять хватающійся за спицы и неумолчно ругающійся. Онъ представляетъ собою тѣ „ожиданія всѣхъ", которыхъ въ наличности нѣтъ съ абсолютнымъ тожествомъ, но къ которымъ равнодушно присоединились и тѣ, которые далеко отступили отъ нормы: равнодушно по интимности самой этой области, о которой каждый думаетъ про себя, что ее не уконтролируетъ „общее правило", и по стыдливости этой области, гдѣ каждый „свое особое" хоронитъ особенно глубоко, и нѣтъ лучшаго средства схоронить это „особое", какъ присоединяясь къ „общему правилу" и осуждая все „особое". Отъ совокупности этихъ обстоятельствъ и условій вытекла необыкновенная твердость, можно сказать „незыблемость" моральнаго закона въ половой сферѣ, которая въ дѣйствительности не только всегда была „зыбка", но, можно сказать, ни въ одной точкѣ своей и ни на одну минуту не переставала волноваться, и представляла вѣчный океанъ, съ величественными въ немъ теченіями, съ бурями, водоворотами, съ прибоемъ и отбоемъ у всякой отдѣльной скалы... „Незыблемость" правила шла параллельно совершенной „зыбкости" того, къ чему оно относилось; и, собственно, „зыбкость"-то и была единственнымъ *внутреннимъ* правиломъ, изъ самой сущности стихіи вытекающимъ... Семейныя добродѣтели восхвалялись и содомитами, о вредѣ онанизма писали и онанисты, а отшельники пустынь, совокуплявшіеся съ полевою птицею и лѣснымъ звѣремъ, не умѣли допустить, чтобы мужчина могъ имѣть сношенія на протяженіи своей жизни болѣе, нежели съ тремя женщинами, и женщина

болѣе, чѣмъ съ тремя мужчинами тоже на протяженіи всей жизни (недопустимость 4-го брака у христіанъ, т.-е. по требованію „святыхъ" христіанства). Все это не такъ безразлично. Конечно, всѣ таятся—и потому никто особенно не страдаетъ отъ „общаго правила"; но выпадаютъ случаи объявленія, обнаруженія: и тогда поднятые камни побиваютъ „отступника" отъ того, къ чему рѣшительно никто „не прилежитъ". Между тѣмъ полъ—именно океанъ: и въ немъ не зародится „водоворотъ" тамъ, гдѣ ему „не указано быть", вѣковѣчныя теченія его не перестанутъ и не спутаются, не расширятся и не съузятся; и все останется такъ „какъ есть" и „предуказано" и въ томъ случаѣ, если правило исчезнетъ подъ давленіемъ истины, что оно вмѣшалось въ область, существенно *не свою*.

Здѣсь все принадлежитъ наблюденію и ничто исправленію.

* * *

„Свое" у каждаго выражается прежде всего въ *силѣ*, въ *напряженіи*. Здѣсь мы имѣемъ рядъ степеней, которыя удобно выражаются рядомъ натуральныхъ чиселъ:

... + 7 + 6 + 5 + 4 + 2 + 1 = 0 — 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7...

Наибольшая напряженность въ смыслѣ возможности удовлетворить и въ смыслѣ постоянной жажды удовлетворенія указываетъ на наибольшую степень самочности, — самца *въ противолежаніи* его самкѣ и самки *въ противолежаніи* ея самцу. Наибольшій самецъ есть наичаще, наиохотнѣе и наимогущественнѣе овладѣвающій самкою; и наибольшая самка есть та, которая томительнѣе, нѣжнѣе и кротче другихъ подпадаетъ самцу.

Подъ наслоеніемъ суевѣрій, страховъ, въ особенности предположеній и пересудовъ, у человѣчества образовалось совершенно невѣрное представленіе образа „настоящаго самца" и „настоящей самки", т. е. человѣчество,—народы, и единичные люди,—совершенно неправильно осложнили наибольшую половую силу второстепенными, добавочными чертами, и притомъ не только психическими, но даже и физическими. Въ общемъ представленіи романистовъ, драматурговъ, мѣщанъ и „общества"—это что-то огромное, шумное, голосъ громкій, манеры наглыя, оскорбительныя; „онъ" и „она" стучатъ, гремятъ, никому не даютъ покоя; что-то неудобное для всѣхъ, смущающее. „Нахалъ" и „разухабистая баба"—вотъ предполагаемо люди, отъ которыхъ матери и отцы должны уберегать дочекъ, прятать подростающихъ сыновей. Такіе-то будто-бы „соблазняютъ" и „совращаютъ", насилуютъ и растлѣваютъ. Но было-бы печальное потомство отъ сихъ пустыхъ стучащихъ бочекъ; тогда какъ родъ человѣческій, „плодящійся", „множащійся", вовсе однако не таковъ: живъ, энергиченъ, неутомимъ, неистощимъ. Настоящія силы—не стучатъ. Настоящая сила скорѣе стелется, ползетъ. Не буйволъ, ревущій въ степи, есть господинъ степи, а ягуаръ, прячущійся въ тростникѣ. Скорѣй полу-испугъ, полу-догадку выразила народная мудрость, русская и китайская. Русскіе говорятъ: „въ *тихомъ* омутѣ черти водятся", а о китайцахъ мнѣ привелось прочитать, что у нихъ будто-бы есть поговорка: „когда женщина походитъ на *ангела*, то берегись и знай, что въ ней сидитъ дьяволъ". Въ обоихъ случаяхъ старые люди, сложившіе поговорку, какъ-бы предупреждаютъ молодыхъ, указывая имъ не довѣряться наружнымъ признакамъ, предполагать за ними обратное внутреннее содержаніе. Поговорки эти, конечно, сло-

жены не въ отношеніи только пола: но онѣ едва-ли бы сложились въ этой общей формѣ, если-бы половая жизнь, половые образы, фигуры, играющія такую выдающуюся роль во всякой народной, общинной и частной жизни, стояли въ рѣзкомъ противоположеніи тезисамъ этихъ поговорокъ. Очевидно,—нѣтъ! И китайцы, и русскіе указали, что половая страсть не „реветъ въ полѣ", а скорѣе крадется въ лозняхахъ; что это что-то на видъ „тихое" и иногда даже „ангелоподобное",—по крайней мѣрѣ у женщинъ. Но здѣсь мы должны войти въ небольшое разсужденіе. Съ перваго же раза очевидно, что „наибольшій самецъ" долженъ выглядѣть, долженъ имѣть всѣ сопутствующія вторичныя качества совсѣмъ иныя, чѣмъ „наибольшая самка",— именно уже потому, что онъ *противостоитъ* ей, что онъ есть другой ея *полюсъ*! У очень мужественныхъ мущинъ растетъ большая борода: неужели-же изъ этого мы заключимъ, что совершеннѣйшая женщина должна тоже имѣть бороду, или хоть тѣ маленькіе усики, которые иногда появляются у женщинъ. Между тѣмъ предположеніе, что женщина самка должна быть „разухабиста", — именно подобно предположенію, что у Жанны д'Аркъ или Дездемоны, у Офеліи и Татьяны росли усики. Конечно, это глупо, и въ такой мѣрѣ, что можно, отмѣтивъ ее, и не останавливаться на опроверженіи.

Нѣтъ, самецъ и самка — они *противоположны*, и только! Отсюда—всѣ выводы, вся философія и истина. *Наибольшая противоположность* мужчины и женщины и выразитъ *наисильнѣйшій въ нихъ полъ*! Т.-е. чѣмъ менѣе „мужеподобна" женщина—тѣмъ она самочнѣе; какъ чѣмъ менѣе „женоподобенъ" мужчина — тѣмъ наиболѣе онъ самецъ. Паллада-Аѳина, „воительница" и „мудрая"—не замужня, не мать, и вообще очень мало самка. Въ ней

возраста нѣтъ; она не знала дѣтства, не будетъ бабушкой. Параллеленъ ей, *мужеподобной*—только *женоподобный* Ганимедъ, который никогда не будетъ отцомъ, мужемъ и дѣдушкой. Явно, что въ *противостоянiи* своемъ, наибольшій самецъ и наибольшая самка суть:

1) герой, дѣятель;

2) семьянинка, домоводка.

Одинъ будетъ:

1) дѣятеленъ, предпріимчивъ, изобрѣтателенъ, смѣлъ, отваженъ; и, пожалуй—дѣйствительно „топаетъ" и „стукаетъ"; другая-же:

2) тиха, нѣжна, кротка, безмолвна или мало-молвна.

„Вѣчная женственность"—прообразъ одной.

„Творецъ міровъ"—прообразъ другого.

Есть какое-то тайное, невыразимое, никѣмъ еще неизслѣдованное не только соотношеніе, но полное тожество между *типичными качествами* у обоихъ половъ ихъ половыхъ лицъ (дѣторождныхъ органовъ) съ ихъ душою въ ея *идеалѣ*, *завершеніи*. И слова о „сліяніи душъ" въ бракѣ, т.-е. въ половомъ актѣ, вѣрно до потрясающей глубины. Дѣйствительно,—„души сливаются" у этихъ особей, когда они слиты, сцѣплены въ половомъ соединеніи! Но до чего противоположны (и отъ этого *дополняютъ* другъ друга) эти души! Мужская душа въ идеалѣ—*твердая, прямая, крѣпкая, наступающая, движущаяся впередъ, напирающая, одолѣвающая*: но между тѣмъ вѣдь это все—почти словесная фотографія того, что стыдливо мужчина закрываетъ рукою!.. Перейдемъ къ женщинѣ: идеалъ ея характера, поведенія, жизни и вообще всего очерка *души*—*нѣжность, мягкость, податливость, уступчивость*. Но это — только *названія* качествъ ея дѣторождnаго органа. Мы въ *однихъ и тѣхъ-же словахъ*,

терминахъ и понятіяхъ выражаемъ *ожидаемое* и *желаемое* въ мужчинѣ, въ душѣ его, въ біографіи его, въ какихъ терминахъ его жена выражаетъ наединѣ съ собою „желаемое и ожидаемое“ отъ его органа; и, взаимно, когда мужъ восхищенно и восторженно описываетъ „душу“ и „характеръ“ жены своей,—онъ употребляетъ и *не можетъ избѣжать употребленія* тѣхъ словъ, какія употребляетъ мысленно, когда—въ разлукѣ или вообще долго не видавшись—представляетъ себѣ половую сферу ея тѣла. Обратимъ вниманіе еще на слѣдующую тонкую особенность. Въ *психикѣ* женской есть то качество, что она *не жестка, не тверда, не очерчена рѣзко и ясно*, а, напротивъ, ширится какъ *туманъ*, захватываетъ собою *неопредѣленно далеко*; и, собственно—не знаешь, гдѣ ея *границы*. Но вѣдь это-же все *предикаты увлажненныхъ и пахучихъ тканей ея* органа и вообще половой сферы. Домъ женщины, комната женщины, вещи женскія—все это не то, что вещи, комната и домъ мужчины: они точно размягчены, растворены, точно *вещи* и *мѣсто* превращены въ ароматистость, эту милую и теплую женскую ароматистость, и душевную и не только душевную, съ притяженія къ которой начинается „влюбленность“ мужчины. Но всѣ эти качества—лица, біографіи и самой *обстановки*, самыхъ *вещей* — суть качества воспроизводительной ея сферы! Мужчина никогда „не наполнитъ ароматомъ“ весь домъ: психика его, образъ его, дѣла его—шумны, но „не распространяются“. Онъ — дерево, а безъ запаха; она — цвѣтокъ, вѣчно ахучій, далеко пахучій. Каковы — *души*, таковы и *органы*! Отъ этого-то въ сущности *космогоническаго сложенія* (*не* земного только) они и являются изъ всего одни плодородными, потомственными, сотворяютъ и

далѣе, въ безконечность, „по образу и подобію своему“. Душа—отъ души, какъ искра—отъ пламени. вотъ дѣторожденіе!

* * *

Въ европейской литературѣ есть книжка, и даже, пожалуй—книжонка, изъ которой, какъ это ни непріятно, только и можно почерпнуть нѣкоторые факты половой жизни: такъ какъ Европа, проникнутая христіанскимъ гнушеніемъ къ полу, не допустила ни философовъ, ни поэтовъ заняться собираніемъ здѣсь любопытныхъ фактовъ, и только „грязные медики“, все равно копающіеся во всякихъ экскрементахъ, во всякой вони, болѣзняхъ, нечистотахъ, не брезгающіе ничѣмъ, не побрезгали „и этимъ“. Но, въ сущности, даже и они побрезгали. О дифтеритѣ, который *убиваетъ дѣтей*, все же они говорятъ не этимъ отталкивающимъ тономъ, не съ этимъ отталкивающимъ чувствомъ, какъ о *дающихъ жизнь* половыхъ органахъ и о самой половой жизни, половой дѣятельности. Напримѣръ, мнѣ было передано объ одномъ парижскомъ свѣтилѣ медицины, который въ сочиненіяхъ своихъ серьезно проводилъ ту мысль, что „женатые и замужнія, если они, не довольствуясь имѣющимся у нихъ удовлетвореніемъ половой страсти, обращаются на сторону, т.-е. измѣняютъ—мужъ женѣ или жена мужу,—то они суть явно ненормальные люди, душевно-больные; и что, какъ таковые, они не могутъ быть оставляемы на свободѣ въ благоустроенномъ обществѣ, а должны запираться на замокъ, въ психіатрическихъ лечебницахъ или-же просто въ тюрьмахъ“. Любопытно, что кажется ни одного не было случая, чтобы съ медицинской стороны предложено было такъ поступить съ сифилитиками: и это нельзя объяснить только тѣмъ, что они

дають хлѣбъ врачамъ, а уже Фурье замѣтилъ, что „доктора очень любятъ, когда страну посѣщаютъ хорошіе лихорадки, тифы и т. п.“; нѣтъ, тутъ больше и печальнѣе: медицина, „христіанская медицина“, дѣйствительно не видитъ „ничего особеннаго“ въ сифилисѣ, считаетъ его картиною здоровой структуры общества; а совокупленія, и особенно когда они счастливы, обильны, когда они „приливаютъ“ какъ океанической приливъ—они считаютъ „вырожденіемъ“ и „паталогіей“, и предлагаютъ запереться отъ нихъ обществу. Есть „крещеные люди“; но вѣдь есть и „крещеныя профессіи“ и даже, наконецъ, есть „крещеныя науки“: въ ихъ обществѣ очутилась и медицина, и это ничего, что ея столпами были тоже совершенно „крещеные“, даже до погруженія семи разъ въ купель, Фохты, Молешоты и Бюхнеры, не опознавшіе себя младенцы...

Книжка или книжонка, о которой мы говоримъ—Крафтъ-Эбинга: „Половая *психопатія*“. Πάθος значитъ „страданіе“: то, отъ чего *кричатъ*, на что имѣющіе ее—*жалуются*. И хотя никто изъ описываемыхъ въ книжкѣ лицъ не „кричалъ“ и не „жаловался“ Крафтъ-Эбингу, но онъ собралъ ставшіе извѣстными ему факты въ книжку „о страданіяхъ пола“, не имѣя для этого даже того основанія, какое имѣлъ-бы *механикъ*, занятый давленіями, толчками и вообще дѣйствіями на *вещественныя массы*, наименовать „патологическою физикою“ явленія электричества, гальванизма, или явленія свѣта, гдѣ эти *массы* отсутствуютъ.

Мнѣ лично половая жизнь ни изъ разсказовъ, ни изъ книгъ не извѣстна въ большей степени, чѣмъ какъ это узнаешь случайно. Но я предпошлю извлеченіямъ изъ Крафтъ-Эбинга кое-что, что мнѣ, однако, пришлось узнать: ибо, всегда этою жизнью интересуясь, я дополнительными разспросами, когда было можно, а также и смотрѣніемъ куда слѣдуетъ, открывалъ подробности, опущенныя у „испуганнаго“ Крафтъ-Эбинга. Первый разъ мнѣ пришлось прочесть о наибольшей самочности лѣтъ 20 назадъ въ извѣстныхъ „Запискахъ“ о своей жизни Н. И. Пирогова, нашего великаго хирурга. Тамъ, описывая разные свои переѣзды и поѣздки въ началѣ служебной дѣятельности, онъ между прочимъ упоминаетъ о встрѣчѣ—сколько помнится гдѣ-то въ западномъ краѣ, около Риги или Пскова,—должно быть съ университетскимъ своимъ товарищемъ. Именно, онъ у него остановился на перепутьи. Товарищъ оказался женатымъ, недавно,—и на совершенно молоденькой женщинѣ, лѣтъ 16-ти. Въ мимолетной встрѣчѣ онъ ему жаловался, что хотя очень любитъ свою жену и доволенъ ея характеромъ, но чувствуетъ себя изнеможеннымъ отъ ея постояннаго желанія совокупляться. Здѣсь нужно отмѣтить и то, что самъ онъ былъ очень молодъ, и, слѣдовательно, не изношенъ; и то, что въ ту пору 30-хъ или 40-хъ годовъ „развращающаго чтенія“ еще не было; или, по крайней мѣрѣ, на него еще не могла натолкнуться женщина, столь юная, что она, очевидно, только-что вышла „изъ подъ крыла матерняго“. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ *естественное, не возбужденное*, глубоко *природное* влеченіе въ такой силѣ и напряженіи, какому, во всякомъ случаѣ, не отвѣчало тоже природное и молодое влеченіе молодого мущины, но какъ самца—обыкновеннаго. Это наблюденіе показываетъ, что „самочность“ не есть постоянная величина, приблизительно одинаковая у всѣхъ, но что она варіируетъ: въ одномъ „самца“ болѣе, „самки“ болѣе, чѣмъ въ другомъ, и это не есть ни плодъ развращенія, ни плодъ возбужденія, или дурного воспитанія. О слѣдующемъ случаѣ мнѣ

пришлось слышать: однажды въ кружкѣ женщинъ изъ „общества", средняго и скромнаго, зашли „суды и пересуды" о дѣвицахъ и женщинахъ ихъ круга; и нѣкоторыя очень осуждали такихъ-то и такихъ-то лицъ своего пола „за ихъ выдающееся нескромное поведеніе, развязность манеръ, рѣчей" и пр. Тогда ихъ прервала одна изъ слушавшихъ, замужняя женщина: „вообразите, всѣ о комъ вы говорите—*скромныя* дѣвушки, ни мало не заслуживающія вашего порицанія; но вотъ эти—и она назвала нѣсколько скромнѣйшихъ дѣвушекъ и женщинъ—сущія подлюги: я знаю отъ мужа своего, что тѣ, о комъ вы говорите дурно—были и остаются невинными, не смотря на всяческое ухаживаніе мущины, на всѣ его усилія, а эти скромницы совсѣмъ напротивъ..." Мнѣ позднѣе привелось узнать два случая, когда жены не только не удерживали своихъ мужей отъ ухаживанія „съ послѣдствіями", но толкали ихъ на такое ухаживаніе, какъ бы любопытствуя черезъ нихъ о полѣ окружающихъ женщинъ и дѣвицъ; и разразившаяся гнѣвомъ или, во всякомъ случаѣ, порицаніемъ—была очевидно или можетъ быть изъ такихъ женщинъ. Здѣсь, однако, слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующее. Очевидно, что эти „падавшія" женщины и дѣвицы не „заготовили"-же себѣ „скромности" на случай ухаживанья, въ предположеніи, что она понравится или привлечетъ: въ общемъ—она вѣдь отпугиваетъ, предупреждаетъ самое начало ухаживанья; очевидно, онѣ ничего не думали, ничего не ожидали, но были *дѣйствительно скромны* и именно *скромнѣе остальныхъ*; онѣ были ихъ женственнѣе, добродѣтельнѣе, и въ мѣру этого *самочнѣе*; были, такъ сказать, болѣе нѣжны, ароматисты, пластичны; и... „упали" не отъ того, что были слабѣе другихъ въ сопротивленіи, но отъ того, что приближеніе и видимое желаніе мущины возбудило въ нихъ отвѣтный токъ такой силы и напряженія, который повалилъ ихъ: какъ мучнистость колоса тянетъ стебель его къ землѣ, какъ отрывается и падаетъ на землю самое налитое, сладкое, сахаристое яблоко, а не яблоко-сморчокъ, неотрываемо сидящее на своемъ стеблѣ, кислое, жосткое, безвкусное. „Нахально вели себя", по укоризнѣ собесѣдницъ, безполыя, почти безполыя женщины и дѣвушки; у нихъ вѣрно были и „усики" на губѣ, и „разухабистыя" манеры, какъ у писарей; громкій и жесткій голосъ, мужицкая походка. Тѣ же сидѣли тихо въ уголкѣ; не ходили—а плыли, или скользили по полу; были застѣнчивы, конфузливы, стыдливы... Онѣ были добродѣтельны: какъ *героизмъ* въ мущинѣ, конечно, есть добродѣтель,—такъ главная добродѣтель въ женщинѣ, семьянинкѣ и домоводкѣ, матери и женѣ, есть изящество манеръ, миловидность (другое, чѣмъ красота) лица, ростъ небольшой, но округлый, сложеніе тѣла нѣжное, не угловатое, умъ проникновенно-сладкій, душа добрая и ласковая. Это — тѣ, которыхъ помнятъ; тѣ, къ которымъ влекутся; тѣ, которыя нужны человѣку, обществу, націи; тѣ, которыя угодны Богу и которыхъ Богъ и избралъ для продолженія и поддержанія любимаго своего рода человѣческаго. Часто онѣ бываютъ и не красивы, но какъ соловей: ибо за то „поютъ, какъ никто"...

О слѣдующемъ случаѣ я имѣлъ случай разспросить: мнѣ и еще одному писателю передавала пожилая женщина, что ея молодой другъ испытываетъ то несчастіе, на какое жаловался Н. И. Пирогову его университетскій товарищъ. „Онъ недавно женатъ, самъ молодъ, военный—и почти болѣнъ отъ жены, до бѣгства, до желанія развестись. Говоритъ, что ее могли-бы насытить только три мужа. И удивительно,—это такая милая дама. Онъ

ничего не можетъ сдѣлать, потому-что, ненасытная сама, она вѣчно его возбуждаетъ, и онъ не въ силахъ уклониться отъ исполненія ея желаній.

— Вы говорите, она пріятная женщина?

— Чрезвычайно. Наблюдая ее въ обществѣ, никакъ нельзя предположить, что у нея такой... исключительный аппетитъ. И какой голосъ: такого нѣжнаго, глубокаго голоса я ни у одной женщины не слыхала!

„Голосъ"... но вѣдь это то, чего *не поддѣлаешь*! Это уже не „кокетство скромностью", которую еще можно поддѣлать: это—сама *душа*, вѣрнѣе говорящая о сокровищницѣ сердца, о характерѣ, чѣмъ взглядъ, чѣмъ улыбка. Все поддѣльно, кромѣ *голоса*. „*Задушевный голосъ*"... И вотъ у такой женщины, которая, судя по отзыву мужа, носила въ себѣ утроенную самочность — голосъ былъ „нѣги, какой я ни у кого не слыхала": и шелъ явно отъ „души"—утроенно человѣчной, небесной...

„Вѣчная *женственность*"... какъ совершенно другой полюсъ, какъ діаметрально противоположная вещь несокрушимому *мужеству*, *напору*, смѣлости, *упругости*, *твердости* самца... она есть только сердечная, умственная, бытовая, манерная, нравная фотосфера, распространяющаяся около утроенной, удесятиренной *самочности* ея. Молчаливая: но съ какимъ говоромъ въ душѣ! „Вѣчная молчальница": какъ кто-то сказалъ и о мужчинахъ-*герояхъ*, что „они—прежде всего *молчальники*".

Эта-то „вѣчная женственность", какъ проявленіе повышенной самочности, и лежитъ объясненіемъ въ основѣ древняго факта, неразгаданнаго историками,—такъ называемой „священной проституціи". „La *sainte* est toujours *prostituée*", пишетъ объ египтянахъ въ большой своей „Исторіи Востока" Масперо. Что за загадка? Какимъ образомъ глубокому и серьезному народу, каковы были

египтяне, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ наблюдателей и новыхъ историковъ, — какъ имъ пришло на умъ *религіознымъ* именемъ „sainte" именовать тѣхъ особыхъ существъ, тѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ существъ, которыя неопредѣленно и безпрѣдѣльно отдавались мужчинамъ, были „prostituée"?.. Неужели имя „sainte" мы могли-бы кинуть толпящимся у насъ на Невскомъ „проституткамъ", — этимъ чахлымъ, намазаннымъ, пьянымъ, скотски ругающимся и хватающимъ васъ за рукавъ особамъ? Ну вотъ передъ человѣчествомъ *впервые* стоятъ два понятія, два признака: „святая"—это понятіе небеснаго, Божьяго; и простой фактъ, что „всѣмъ отдаетъ себя". И невинный человѣкъ, первозданнымъ глазомъ взглянувъ на оба факта, долженъ сотворить ихъ *соединеніе* или *разъединеніе*, т.-е. сказать или: „prostituée est sainte", или „prostituée est grande pecheuresse", „великая *грѣшница*!" Вообразите: *первый* народъ сказалъ—„psostituée est *sainte*"... Что-же это такое? Не имѣлъ онъ *вкуса*, глаза? Не умѣлъ обонять, ничего не понималъ въ характерахъ человѣческихъ? Но тогда „совокупность цивилизаціи египетской", сумма „всѣхъ прочихъ ея качествъ" разила-бы... какъ наша Невская проститутка, и тогда едва-ли бы Масперо, Бругшъ, Ленорманъ стали изучать эту вонючую гадость. „Очень интересно"... Тутъ можетъ покопаться медикъ, но что тутъ дѣлать историку *культуры*?! Египетская культура приковала къ себѣ вниманіе *безчисленныхъ* ученыхъ, этихъ скромныхъ и добродѣтельныхъ тружениковъ, своимъ безпримѣрнымъ изяществомъ, соединеннымъ съ глубиною и торжественностью:

Выхожу одинъ я на дорогу
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ:
Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ двухъ послѣднихъ строчкахъ написана какъ-бы эпитафія надъ всею могилою Египта. Что-то пустынное... молчаливое... устремленное къ Небу, религіозное... и, какъ тонко замѣчаетъ Брушъ, „не меланхолическое, но глубоко радостное въ себѣ, восторженно счастливое при этой сдержанности языка и скромности движеній!" Такъ это и есть на рисункахъ Египта: въ необозримыхъ изданіяхъ, въ необозримыхъ фоліантахъ, гдѣ воспроизведено все нарисованное ими за четыре тысячи лѣтъ жизни, культуры, я встрѣтилъ только *одинъ* рисунокъ сбора винограда, гдѣ одинъ, очевидно полупьяный, мужчина повисъ, обнявъ за шею двухъ тоже не весьма трезвыхъ своихъ друзей, и „пишетъ мыслете" съ ними. Сцѣнка—полная реализма, какую я не встрѣчалъ въ рисункахъ греческой живописи; но и она—скорѣе милая, чуть-чуть смѣшная, но нисколько не нахальная. Сала, грязи—я не встрѣтилъ нигдѣ въ этихъ безчисленныхъ фоліантахъ, —грязи „сальнаго анекдотца", кое-чего „во вкусѣ Боккаччіо". Ничего, ни разу: и между тѣмъ сколько повторяющихся, какъ стереотипъ, фигуръ, гдѣ и „они" и „онѣ" съ плодами и цвѣтами, съ жертвами идутъ къ громадной статуѣ Озириса, „Судіи мертвыхъ"—статуѣ „всегда cum fallo in statu erectionis", какъ грустно замѣчаетъ архимандритъ Хрисанѳъ въ „Исторіи древнихъ религій".

И вотъ „sainte—prostituée"... Есть и рождаются иногда исключительныя, рѣдкія младенцы-дѣвочки, вотъ именно съ этою „вѣчною женственностью" въ себѣ, съ голосомъ неизъяснимо-глубокимъ, съ рѣдкою задумчивостью въ лицѣ, или, какъ описалъ Лермонтовъ—

...въ разговоръ веселый не вступая
Сидѣла такъ задумчиво одна,
И *въ грустный сонъ душа ея младая*
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И она расцвѣтаетъ въ sainte prostituée... какъ вѣчную *податливость* на самый слабый зовъ, какъ нѣжное *эхо* въ отвѣтъ на всякій звукъ...

Есть вѣдь „всемірные педагоги",— ну, въ желаніяхъ, ну—въ поэзіи; есть „всемірные воины", какъ древніе скандинавы; всемірные мудрецы—Сократъ, Спиноза: какъ-же не быть, естественно *кому-то быть* и „всемірною женою", всемірною какъ-бы „матерью", всемірною „невѣстою".. Она „невѣстится" передъ всѣмъ міромъ, для всего міра, — какъ вѣдь и всѣ вообще дѣвушки въ 14—15 лѣтъ „невѣстятся" *непредумышленно передъ кѣмъ*, передъ всякимъ, передъ *всѣми* (чуть-чуть „sainte prostituée", проглядываетъ). Изъ такой врожденной дѣвочки-дѣвушки-женщины какъ-бы истекаютъ потоки жизни,—и ей мерещится, „будто я *всѣхъ* родила", „*все* родила"... И волосы ея, и очи, и сосцы, и бедра, и чрево... таковы, что первозданный невинный взглядъ египтянина уловилъ и назвалъ, и торжественно воскликнулъ, или скорѣе богомольно прошепталъ — „sainte". Масперо договариваетъ: „египтянки *изъ лучшихъ семействъ*, дочери жрецовъ и знатныхъ военачальниковъ, достигнувъ зрѣлости — отдавались кому хотѣли и сколько хотѣли, и такъ проводили много лѣтъ, что не вредило будущему ихъ замужеству: такъ какъ по минованіи этой свободной жизни ихъ охотно брали въ жены лучшіе и знатные изъ воиновъ и священниковъ". Почему не взять, если она „sainte?" Какъ не прельститься, если она „religieuse et sainte?" Какъ не понадѣяться, что она будетъ вѣрною женою и преданною материнству матерью, если она уже испила все и насытилась всѣмъ, ни мало однако не истощившись— ибо истощаются *торопясь*, напр. „наши", а этимъ куда-же было спѣшить? — и въ естественные годы спокой-

ствія и равновѣсія, безбурности и тихости, выбрала себѣ лучшаго и *одного*. Онъ также ее не ревнуетъ, какъ она его къ тому возрасту молодости, когда онъ проводилъ жизнь какъ и она: хотя навѣрное къ этимъ „saintes" влеклись и пылкіе, совершенно невинные юноши, первозданнымъ взглядомъ своего возраста подмѣчая въ нихъ подлинную „sainteté", за которую все отдаютъ. Однако, Масперо не договорилъ (или не зналъ), что этихъ „saintes psostituée" было немного въ каждомъ городѣ и всей странѣ: ибо вообще немного рождается въ странѣ и городѣ, въ годѣ и десятилѣтіи, Василіевъ Блаженныхъ, Спиноз, Малебраншей, Кольцовыхъ, Жуковскихъ. „Не *всѣ* вмѣщаютъ слово сіе, но *кому дано*" (природно, отъ Бога). Огромное большинство египтянокъ, безъ сомнѣнія, имѣли инстинктъ какъ и наши: т.-е. сразу-же выбирали себѣ мужа—одного и на всю жизнь, или выходя за второго, третьяго, четвертаго... седьмого (бесѣда Іисуса съ *семи*-мужнею самарянкою), въ случаяхъ смерти или разлада, не болѣе. Женщина, познавшая только семерыхъ мужчинъ, когда ни законъ, ни религія, ни родители ей не ставили предѣла и хотѣли и ждали отъ нея бо́льшаго — конечно есть умѣреннѣйшая въ желаніяхъ женщина, врожденно тихая и спокойная! Какъ наши „всѣ".

Нужно только имѣть въ виду эту нумерацію:

...+8+7+6+4+3+2+1 ±0—1—2—3—4—5—6—7±...

„Sainte prostituée" есть + 8, + 7 + 6... По мѣрѣ приближенія къ низшимъ цифрамъ, къ + 3, + 2, + 1, — тембръ голоса грубѣетъ, взглядъ становится жостче, манеры рѣзче, „нахальства больше", какъ сказали-бы семинаристы. Появляются типичныя ихъ „поповскія дочки",

которыя выходятъ въ замужество съ мѣшкомъ опредѣленнаго приданаго, и всю жизнь счастливы, составляя „приданое къ своему приданому". не весьма сладки для попа и діакона, но „ничего себѣ", „терпится". Наконецъ наступаетъ „±0". Обратите вниманіе на знаки и „ − " и „ — ". Такія не мертвы; хотя абсолютно никогда не „хотятъ". „Кое-что" по части „+" въ нихъ есть: но оно связывается „кое-чѣмъ" по части „—". Такимъ образомъ въ нихъ нѣтъ *одолимѣйшаго* тяготѣнія—къ „самцу"; но двѣ какъ-бы стрѣлки, обращенныя остріями въ разныя стороны: къ „самцу"—одна, а другая?.. Законъ прогрессивности, какъ и то, что здѣсь все происходитъ только между *двумя* полами, указываетъ, что вторая стрѣлка и не можетъ быть ни къ чему еще направлена, кромѣ какъ къ *самкѣ*-же. Самка ищетъ самки; въ первой самкѣ значитъ соприсутствуетъ и самецъ: но пока онъ такъ слабъ еще, едва рожденъ, что совершенно связывается остатками самки, угасающею самкою; которая, однако, тоже связана вновь народившимся здѣсь самцомъ. „Ни туда, ни сюда". Голосъ страшно грубъ, манеры „полу-мужскія", куритъ, затягиваетъ и плюетъ, баситъ. Волосы растутъ дурно, некрасивы, и она ихъ стрижетъ: „коса не заплетается"; нѣтъ дѣвицы, а какой-то „парень". Гдѣ здѣсь „вѣчная женственность?

...Сидѣла тамъ задумчиво одна.
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена!

Нѣтъ, ужъ объ такой этого не скажешь: ходитъ на курсы, на митинги, споритъ, ругается, читаетъ, переводитъ, компилируетъ. „Синій чулокъ" съ примѣсью политики, или политикъ съ претензіями на начитанность. „Избави Богъ такую взять въ жены": и ихъ инстинктивно не берутъ (хотя берутъ дурнушекъ, некрасивыхъ,

даже уродцевъ), ибо дѣйствительно „какая-же она жена", когда въ ней едва-едва „+ 1" самки, а то и вовсе „ ' О". Если бы, „паче чаянія", у нея и родился ребенокъ—она не съумѣетъ вынуть грудь и накормить его; „не Мадонна, а вахмистръ". И мужа ей совсѣмъ не нужно, она скучаетъ съ нимъ, убѣгая неудержимо въ „общественныя дѣла", въ разныя „организаціи", притворную „благотворительность", въ основѣ-же—въ шумъ, бѣганье, возню, суету. Мужчина, „воинъ и гражданинъ" (стрѣлка самца),—уже полу-пробужденъ въ ней; и только вотъ не растутъ усики. И она не умѣетъ носить на себѣ *по настоящему женское платье*: оно на нее не такъ надѣто, неуклюже, и все какъ-то коротитъ, безъ этихъ длинныхъ и красивыхъ линій, волнующихъ мужчину. Ихъ и не любятъ мужчины. Но ужъ начинаютъ любить женщины: „какой славный *товарищъ* эта Маша".

И, наконецъ, все переходитъ въ чисто *минусовыя* величины: „она" волнуется между своимъ поломъ, бросаетъ страстные взгляды, горячится, чувствуетъ себя разгоряченною около женщинъ, дѣвушекъ. Косы ихъ, руки ихъ,—шея ихъ... и, увы, *невидимыя* перси, и, увы! увы!—вовсе скрытыя части, вся „женская тайна"—все ихъ неизъяснимо волнуетъ и тянетъ, тѣмъ сильнѣе, до муки, до страдальчества, что это такъ на вѣки закрыто для нихъ,—именно, именно для *нихъ*-то и закрыто, открываясь только *для мужчины, мужу*. Танталовы муки: такъ близко, постоянно вокругъ, даже и видится при небрежномъ раздѣваньи, при купаньи; но невозможно *внимательно взглянуть*, не умеревъ сейчасъ-же со стыда. Міровая преграда,—въ самомъ устроеніи вещей, въ планѣ міра. „Ничего нѣтъ ближе локтя, *своего*: но *невозможно* укусить!!"

Муки Тантала: безконечно *отодвинутое* исполненіе, невозможно оно, не будетъ, никогда!

Слезы, тоска, мечты. Грезы. Стихи, много стиховъ. Философія,—длинная философія! Кстати, и нѣкоторое призваніе къ ней. „Вахмистръ въ юбкѣ" усваиваетъ легко и Маркса, и Куно-Фишера,—и вообще умственно, духовно, идейно, словесно, *рабочe* куда *выше* „слабаго пола".

Законъ этотъ конечно примѣнимъ и къ мужскому полу. Какъ онъ здѣсь выразится?

Тамъ „пробиваются усики", здѣсь—укорачивается борода—все это не въ физическомъ, а преимущественно въ духовномъ, нравномъ, бытовомъ, сердечномъ отношеніи, но отчасти также и въ физическомъ. Сѣверные норманы, какъ ихъ описываетъ Иловайскій,—пожалуй лучше всего живописуютъ первоначальнаго самца, „+8", „+7" мужской прогрессіи: „Въ мирное время, когда не было ни съ кѣмъ войны, они выѣзжали въ поле, и, зажмуривъ глаза, бросались впередъ, разсѣкая воздухъ мечами, какъ-бы поражая враговъ; а въ битвѣ они безъ всякаго страха кидались въ самую сѣчу, рубили, наносили раны и гибли сами, думая перейти по смерти въ Валгаллу, которую также представляли наполненною героями, которые вѣчно сражались". Неукротимая энергія,—какъ и у турокъ, потрясшихъ Европу храбростью и войнами. Раннія войны латинянъ и вѣчная „междоусобная борьба" раннихъ эллиновъ тоже имѣетъ въ основѣ себя вѣроятно этого-же самца, который не знаетъ куда ему дѣваться отъ сжигающаго жара,—и кидается туда и сюда, въ битвы, въ приключенія, въ странствія (Одиссей и эпоха Генриха Мореплавателя). Все это первоначальное грубое ворочанье камней культуры. Вулканъ ворочаетъ землю, повидимому безобразя ее, разбивая

ее, разрывая ее: но на самомъ дѣлѣ это уже *начало* культуры, ибо это уже не есть недвижность мертваго *материка*. Островокъ культурнѣе материка, „маленькая землица" всегда принимаетъ первый лучъ Божій, *разбитость, расшибленность* чего-либо вообще есть *первый шагъ къ культурѣ*.

Но одно—разбить косную массу на куски; и другое—начать обработывать куски. Бой и шлифованье—разные фазисы одного процесса, но требуютъ они совсѣмъ разныхъ качествъ.

Вотъ здѣсь-то, во всемірной потребности *шлифоваться*, и выступаетъ роль $+2, +1 \pm 0$ пола, $-1, -2$ его.

Борода начинаетъ укорачиваться, пылъ—опадать, а въ характерѣ, дотолѣ жосткомъ, грубомъ, *непереносимомъ* для „ближняго", начинаетъ проступать мягкость, дѣлающая удобнымъ и даже пріятнымъ сосѣдство. Являются „ближніе", и въ территоріальномъ и въ нравственномъ смыслѣ; является „родство", въ смыслѣ духовномъ и переносномъ, а не въ одномъ кровномъ. Все это по мѣрѣ того, какъ самецъ отъ высокихъ степеней „+8, „+7" переходитъ къ умѣреннымъ и совсѣмъ низкимъ: „+3", „+2", „+1". Въ этихъ умѣренныхъ степеняхъ зарождается бракъ, какъ привязанность одного къ *одной*, какъ довольство *одною*; и, наконецъ, появляется таинственный „±0", полное „не волѣнье" пола, отсутствіе „хочу". Нѣтъ жажды. Гладь существованія не возмущена. Никогда такой не вызоветъ „на дуэль", не оскорбится,—и ужъ всего менѣе „оскорбитъ". Сократъ, сказавшій, что онъ легче *перенесетъ обиду*, чѣмъ *нанесетъ* ее—тутъ, въ этихъ гранкахъ; какъ и міровое: „Боже, *прости имъ*—не вѣдятъ-бо что творятъ". Вообще выступаетъ начало *прощенія*, кротости, міровое „не противленіе злу". Платонъ Каратаевъ—тутъ-же, около Сократа; какъ и Спиноза, мирно писавшій трактаты и наблюдавшій жизнь пауковъ. Все—выразители мірового „не хочу". „Не хочется"... Созерцательность страшно выросла, энергія страшно упала, почти на *нуль* (Аміель, Маркъ Аврелій). Мечты длинны, мечты безконечны... Все существованіе—кружевное, паутинное, точно солнышко здѣсь не играетъ, точно это еле-зародилось и существуетъ въ какомъ-то темномъ, не освѣщенномъ углѣ міра. Тайна міра. Въ характерѣ много луннаго, нѣжнаго, мечтательнаго; для жизни, для *дѣла*—безплоднаго; но удивительно плодороднаго для культуры, для цивилизаціи. Именно—паутина, и именно—кружево, съ длинными нитями изъ себя, *завязывающимися со всѣмъ*. Въ характерѣ людей этихъ есть что-то меланхолическое, даже при ясности и спокойствіи вида и жизни; меланхолическое безотчетно и безпричинно. „Міровая скорбь", „Weltchmerz"—здѣсь коренится, въ этомъ таинственномъ „не хочу" организма. Здѣсь цвѣтутъ науки и философія. И наконецъ „±0" разлагается въ „+0" и „—0": первый отмираетъ,—въ немъ вѣдь *ничего* и не было? И остается „—0", который быстро переходитъ въ „—1", „—2", „—3" и проч.

На низкихъ, первоначальныхъ степеняхъ, „—0", „—1" мы наблюдаемъ это въ формѣ извѣстныхъ *двойныхъ* содружествъ; не въ формѣ товарищества, шумнаго и обширнаго, съ забавами и „предпріятіями", но всегда—дружба только *двухъ*, тихая, безшумная. Если вы присмотритесь, то эти „два" стоятъ всегда въ контрастѣ, духовномъ, бытовомъ, характерномъ и даже физическомъ: и одинъ какъ-бы *дополняетъ* другого. Есть взаимная дополняемость и отсюда получается житейская гармонія и сліянность. Жизнь, можно сказать, перепол-

нена этими странствующими и стоячими діадами (сцѣпленіе двухъ), которыя вообще всегда образуютъ красивое явленіе, привлекая взоръ всѣхъ тишиною, незамутненностью своею,—тѣмъ, что никому не мѣшаютъ и явно довольны спокойнымъ довольствіемъ,—довольны своимъ существованіемъ. Гоголь первый далъ намъ такую діаду въ извѣстномъ сосѣдствѣ знаменитыхъ „Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича". Злой Гоголь ихъ поссорилъ: но обыкновенно они не ссорятся, и одинъ хоронитъ другого. Изъ-за чего имъ ссориться? Еще замѣтите это въ живописи Тургенева: онъ нарисовалъ цѣлый рядъ такихъ діадъ—„Хорь и Калинычъ", „Чертопхановъ и Недопюскинъ", отчасти Лежневъ и Рудинъ (вода и огонь), кажется еще нѣсколько, много. Чаще всего одинъ покровительствуетъ, другой—покровительствуемъ, одинъ—жёстокъ, жестокъ, грубъ, рѣзокъ, другой—нѣженъ, мягокъ, податливъ. „Точно мужъ и жена, мужчина и женщина". Но ничего нѣтъ, еще ничего нѣтъ. У Достоевскаго это выражено въ идиліи „Честнаго вора", гдѣ этому слабому и безхарактерному человѣку, къ тому-же запивающему, покровительствуетъ трезвый, тихій и милый портной. Перефразируя наблюденіе первыхъ христіанъ: „у язычниковъ самыя *добродѣтели* ихъ суть только красивые *пороки*", можно сказать, что у этихъ діадъ „самые *пороки* становятся какъ-то *невинны*". У другихъ людей въ *воровствѣ* сказалась-бы хищность, безсовѣстность; и на него отвѣтили-бы боемъ. Но у этихъ самое воровство добродѣтельно: „*Честный* воръ". Да и въ самомъ дѣлѣ „честный": до того кроткій, что его и обругать не придетъ въ голову никому, не то что побить; но самъ онъ до того милъ и праведенъ, что отъ одного тихаго укора—повѣсился. Воистину, „таковыхъ есть царство небесное"... Дѣлаютъ-

ли что они—добро имъ, не дѣлаютъ—добро же. Не воруютъ—хорошо, а украли—тоже хорошо. Какъ-то безъ вредно, безъ „послѣдствій". И любодѣйствуютъ они—тоже хорошо, и не любодѣйствуютъ—хорошо-же. Впрочемъ, они почти никогда не любодѣйствуютъ. „Не хочется". Ни Хоря, ни Калиныча, ни Чертопханова, ни Недопискина, ни „Лишняго человѣка" (см. „Дневникъ лишняго человѣка") мы не умѣемъ представить себѣ „съ бабою" или „около дѣвицы". Эти діады, или пассивныя одиночки—до такой степени есть *начинающіеся праведники*, линіи *начинающейся христіанской праведности*, такой особенной, такой типичной, съ кроткими глазами, съ опущенными руками, съ тихимъ взоромъ, взоромъ—длиннымъ, задумчивымъ, что невозможно усомниться въ томъ, что уже задолго до христіанства въ нихъ началось христіанство, или что Евангеліе, само *въ этой-же категоріи явленій существующее*, встрѣтившись съ этимъ теченіемъ—слилось съ нимъ, „обнялось" съ нимъ, и они-то соединеннымъ русломъ своимъ и произвели то, что мы именуемъ „исторіею христіанства", „исторіею христіанской цивилизаціи", „исторіею Церкви". Я сказалъ: „и Евангеліе *въ этомъ ряду*". И въ самомъ дѣлѣ, это—его откровенный глаголъ. „*Безстыдное зачатіе*"—вотъ съ чего оно начинается, съ требованіемъ признать его—оно выступило. Это есть то *чудо*, то „неизрѣченное", „не вмѣщающееся въ разумъ", не бывающее и невѣроятное, о чемъ, услышавъ, всѣ засмѣются, такъ-какъ это есть „дважды-два-пять" пола: и, между тѣмъ, безъ согласія на это „чудо" и „безсмыслицу"—вы не христіанинъ, „не крещеный". А какъ только это приняли и этому покорились, какъ только увѣровали въ это половое „дважды два—пять", такъ

вы „христіанинъ", „крещены", „въ сынахъ спасенія" и „Царствія Божія".

„—Въ Православную Святую Церковь вѣруешь?

„—Вѣрую.

„—И въ Божію Матерь тоже вѣруешь?

„—Вѣрую.

„— А ну, сынку, перекрестись.

„Приходившій крестился. Тогда кошевой говорилъ ему:—„Ступай".

Такъ совершался, по Гоголю, пріемъ въ Православную Сѣчь, эту азбучную общину мужиковъ-рыцарей.

„Безсѣменное зачатіе"... но что́ оно такое? Это „+0" пола, „—0" пола, или „±0" пола, какъ хотите опредѣляйте, принимайте: но только какъ въ половомъ мѣстѣ вы поставили *значущую величину*, все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь*—вы отвергли, ниспровергли Евангеліе и христіанизмъ. Самая его суть и есть „±0" пола. „Въ этомъ не" „что-нибудь" его, а *все оно*. Церковь до такой степени на этомъ яростно настаиваетъ, что ее невозможно ничѣмъ такъ оскорбить, какъ и дѣйствительно нельзя-бы ничѣмъ ее такъ ниспровергнуть, какъ утвержденіемъ, намекомъ, предположеніемъ, что въ І. Христѣ или Божіей Матери было что-нибудь *настояще*-половое, а не только „схема", „очеркъ", да и то лишь *словесный*, „дѣвы-женщины", „учителя-мужчины". „У Іисуса были *братья*"—сказано въ Евангеліи; „она не знала Іосифа, *дондеже не родила* (т.-е. *пока* не родила) Іисуса".—„Нѣтъ! нѣтъ!" восклицаетъ Церковь: „Божія Матерь была *монахинею*, монахинею *въ существѣ* и только безъ формы, и *ничѣмъ инымъ она и не могла быть*, потому-что *иначе и не началось-бы христіанство, какъ что-то совсѣмъ новое въ мірѣ*! „И эти братья Іисуса суть его *двоюродные братья*, или что-то другое,

а не родные братья: ибо *у Божіей Матери не могло быть дѣтей, она монахиня*". Открывая Евангеліе, конечно, видимъ, что какъ будто оно опрокидываетъ этотъ крикъ Церкви: сказано „братья Господни" и „дондеже не роди Іисуса". Но вчитываясь глубже, больше, вчитываясь годы, „до сѣдыхъ волосъ", „до посѣдѣнія"—видимъ, что втайнѣ, не въ буквальномъ смыслѣ, а *въ духѣ своемъ*, Евангеліе поддерживаетъ этотъ крикъ Церкви, и даже именно оно и породило его собою, какъ вопль, какъ неистовое и страшно-*увѣренное въ себѣ* утвержденіе!! Конечно, Божія Матерь монахиня, какъ и рожденный Ею — монахъ-же, безъ пострига, безъ формы, безъ громкихъ словъ, безъ чина исповѣданія, но въ существѣ—*таковы именно*! Иначе зачѣмъ-бы и говорить о „безсѣменномъ зачатіи", и подчеркивать потомъ, страстно и мучительно: „*не* отъ похоти мужскія и *не* отъ похоти женскія" (зачать Іисусъ). Итакъ, „безсѣменное зачатіе"—это разъ; и, затѣмъ, зачатый такъ и Самъ былъ *безсѣменъ*: *это*-то и есть новое и оригинальное, по чему Его и нарекли „сыномъ Божіимъ", „бого-человѣкомъ", и приняли, и поклонились Ему—какъ *таковому именно*. Какъ только въ образъ Его, въ Ликъ Его вы внесете сѣменность, сѣме-несеніе: такъ вы и разрушили, раскололи, уничтожили этотъ Ликъ. Согласились вы на него—вы приняли Христа, „новаго Бога"; нѣтъ—и вы отвергли Его, вы—не христіанинъ.

Но „безсѣменность" въ видимомъ, ясномъ, признанномъ очеркѣ мужчины, въ какомъ ходилъ Іисусъ, это и есть „±0" пола, то таинственное явленіе, какое не неизвѣстно въ біологіи. Понятенъ глубочайшій интересъ, глубочайшее волненіе, съ какимъ мы должны-бы, ученые обязаны-бы, давно начать къ нему приглядываться.

Колеблющіяся напряженія въ полѣ.

Дабы у читателя не могло остаться сомнѣнія въ объективной вѣрности моихъ наблюденій-размышленій, я приведу факты изъ медицины.

Наибольшее половое напряженіе.

„R. L., купецъ 36 лѣтъ, былъ консультируемъ мною въ Апрѣлѣ 1899 г., по поводу появленія эрекціи и слѣдовавшихъ иногда за этимъ сѣмяизверженій, среди дня, безъ всякаго повода. Родители были, по его показанію, здоровы. L. — нормальнаго, достаточно крѣпкаго тѣлосложенія, съ 29 лѣтъ женатъ. *Сурово воспитанный въ своей юности*, уже съ 12 лѣтъ сталъ тайно мастурбировать, считая въ среднемъ одинъ, два раза въ день. 16 лѣтъ имѣлъ первый coitus и съ той поры имѣлъ весьма много половыхъ сношеній съ самыми различными женщинами. Онъ допускаетъ число половыхъ сношеній съ одною женщиною, съ которой былъ въ связи, около 250—300 въ годъ. Въ брачной жизни его половой аппетитъ, если можно такъ выразиться, былъ настолько великъ, что жена его неотступно просила его для ея облегченія гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ удовлетворять свою похоть. Половое *возбужденіе* особенно *вспыхивало* у него *при работѣ*. Во время занятій въ конторѣ, у него внезапно,

моментально наступало, безъ какого-либо возбужденія, состояніе эрекціи, сопровождавшееся сильнымъ возбужденіемъ и дрожаніемъ всего тѣла. Похоть была такъ велика, что онъ долженъ былъ бросать занятія, чтобы какъ можно скорѣе имѣть coitus съ первымъ встрѣчнымъ женскимъ субъектомъ. Холодные души (ручнымъ аппаратомъ Moosdorf Hochhäusler'a), примѣнявшіеся по моему совѣту, лишь весьма рѣдко могли ослабить его satyriasis, порою отдаляя лишь на нѣкоторое время приступы. Несравненно лучше дѣйствовалъ бромъ въ соединеніи съ лупулиномъ, „геср. шипучая бромистая соль". (Проф. *Ролландеръ*: „Половое влеченіе" стр. 80—81).

Наблюденія надъ половымъ влеченіемъ высокихъ степеней у женщинъ очень многочисленны. Я приведу слѣдующія:

„Д-ръ Гарнье сообщаетъ слѣдующій фактъ:

„Генріеттѣ С. 31 годъ. Съ самаго ранняго возраста одинъ видъ мальчиковъ дѣйствовалъ на нее съ непонятной возбуждающей силой. Выйдя замужъ очень молодой, она не могла найти въ супружескихъ отношеніяхъ удовлетворенія своей почти безпрестанной потребности въ половомъ актѣ. Она обзаводилась множествомъ любовниковъ и приводила въ глубокое отчаяніе своего мужа, такъ-какъ безнравственное поведеніе ея получило огласку.

„Когда ее вдругъ охватывала непреодолимая потребность полового акта, она пыталась бороться со своимъ желаніемъ, но вскорѣ оказывалась до того всецѣло въ его власти, что выбѣгала на улицу и принималась охотиться за самцомъ.

„Но помимо такихъ непреодолимыхъ импульсивныхъ припадковъ,—и въ нормальномъ своемъ состояніи ей достаточно встрѣтить крѣпкаго, хорошо сложеннаго мужчину, чтобы почувствовать себя охваченной жаждой совокупленія,

одно представленіе о которомъ способно, впрочемъ, вызвать у нея спазмы полового вожделѣнія; такія спазмы бываютъ у нея по шести и по семи разъ въ одинъ и тотъ же день".

„Вотъ другой поразительный случай. Женщина съ дѣтскаго возраста испытывала необычайное влеченіе къ половымъ наслажденіямъ.

„Когда ей было всего 8 лѣтъ, на нее дѣйствовалъ возбуждающе видъ сов окупляющихся животныхъ, причемъ ее неудержимо влекло прикоснуться къ нимъ.

„Въ 17 лѣтъ она вышла замужъ за человѣка 36 лѣтъ, очень крѣпкаго, объятія котораго по нѣсколько разъ сряду оставляли ее все-же неудовлетворенной; случалось даже часто такъ, что послѣ троекратныхъ естественныхъ сношеній ей необходимы были лесбійскіе пріемы для того, чтобы чувственность ея вполнѣ насытилась.

„Въ 49 лѣтъ, будучи уже матерью восьмерыхъ дѣтей, она овдовѣла. Послѣ двухъ мѣсяцевъ абсолютнаго воздержанія, желанія снова начали неотступно осаждать ее. Умомъ ея непрерывно владѣло одно—по ночамъ самые эротическіе сны, въ бодрствующемъ состояніи самыя сладострастныя мысли и представленія.

„Побѣжденная ими, она поддалась рукоблудію и только такимъ образомъ могла бороться со своими безпрестанно томившими ее желаніями, *не давая подозрѣвать никому объ этомъ половомъ возбужденіи своемъ*". (*Скромность. В. Р.*).

„Д-ръ Трэла сообщаетъ очень интересный случай сильнаго полового влеченія.

„Г-жа V., средняго роста, но очень сильнаго сложенія, обладавшая очень приличнымъ выраженіемъ лица, большой учтивостью въ обращеніи и разговорѣ, большой сдержанностью въ манерахъ, поступила ко мнѣ въ пріютъ 17 января 1854 года.

„Будучи спрошена обо всемъ необходимомъ, она превосходно отвѣчала на всѣ вопросы, принялась за работу и, не смотря на свои 69 лѣтъ, дѣлала все очень быстро и хорошо: всегда спокойно и ровно настроенная, всегда усидчиво работающая, она послушно отправлялась, когда ее звали, за столъ или на прогулку.

„Рѣшительно ничто ни въ наружности ея, ни въ поступкахъ не могло внушить, за все время ея пребыванія въ лечебницѣ, ни малѣйшаго подозрѣнія о ея ненормальности.

„Въ теченіе цѣлыхъ 4 лѣтъ *ни одного непристойнаго слова, ни одного жеста*, ни малѣйшаго движенія, которое обнаружило бы волненіе или раздражительность, или нетерпѣніе. Она превосходно сознавала, что она въ заключеніи, но злоупотребить свободой была абсолютно неспособна.

„Всю свою жизнь, отъ ранней юности, она отыскивала мужчинъ и отдавалась имъ. Молодой дѣвушкой она приводила въ отчаяніе своихъ родителей, подвергая ихъ своимъ поведеніемъ позору и униженію.

„Отличаясь *самымъ послушнымъ, самымъ привѣтливымъ и самымъ веселымъ характеромъ, она краснѣла при всякомъ обращеніи къ ней, опускала глаза каждый разъ, когда оказывалась въ многолюдномъ обществѣ:* но стоило ей очутиться наединѣ съ мужчиной—старымъ-ли или молодымъ, или даже съ ребенкомъ,—она внезапно и мгновенно преобразовывалась, подымала юбки и нападала съ самой дикой энергіей на того, кто сдѣлался предметомъ ея изступленной любви. Въ такіе моменты это была настоящая Мессалина, но *всего за нѣсколько мгновеній до того ее можно было принять за невинную дѣвушку.*

„Иногда ей случалось натолкнуться на сопротивленіе и

даже на серьезное внушеніе, но гораздо чаще она встрѣчала добровольное согласіе.

„Несмотря на неоднократныя приключенія такого печальнаго рода, ея родителямъ удалось выдать ее замужъ, причемъ они надѣялись, что это положитъ конецъ ея разстройству. Но для нея замужество явилось только лишнимъ скандаломъ.

„Она любила своего мужа неистовой любовью, но такъ же неистово она любила всякаго мужчину, съ которымъ случай приводилъ ее остаться наединѣ, и обнаруживала въ такихъ случаяхъ столько предусмотрительности и ловкости, что сбивала съ толку всякій надзоръ и очень часто добивалась, чего хотѣла.

„Подъ первымъ попавшимся и тутъ же на мѣстѣ придуманнымъ предлогомъ, она зазывала къ себѣ то рабочаго, отрывая его отъ работы, то случайно прохожаго на улицѣ, то молодого мастерового, то слугу, то мальчика, возвращающагося изъ школы.

„*Разговоры*, которые она съ ними заводила въ подобныхъ случаяхъ, *были* до такой степени *невинны*, что всякій направлялся за ней вполнѣ довѣрчиво, нисколько не задумываясь.

„Неоднократно случалось, что такой гость билъ или обкрадывалъ ее—но это не мѣшало ей снова зазывать къ себѣ.

„Этотъ образъ жизни она продолжала вести даже тогда, когда сдѣлалась бабушкой.

„Однажды она зазвала къ себѣ мальчика 12 лѣтъ, увѣривъ его, что мать его должна придти къ ней. Она дала ему конфектъ, цѣловала его, ласкала, но потомъ, когда она хотѣла раздѣть его и начала непристойно прикасаться къ нему, инстинктивная нравственность ребенка возмутилась, онъ ее ударилъ и убѣжалъ. Дома онъ все разсказалъ своему брату, молодому человѣку 24 лѣтъ; тотъ пошелъ въ укаженный мальчикомъ домъ, и безжалостно побилъ скверную женщину, сказавъ ей на прощанье

— „Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ расправляться своимъ судомъ, чтобы не пачкать оглаской свое имя имѣя дѣло съ подобными особами. Надѣюсь, что этотъ урокъ отобьетъ у васъ охоту продѣлать еще разъ подобное съ кѣмъ-нибудь другимъ.

„Во время этой сцены зашелъ зять женщины; онъ сразу догадался обо всемъ раньше, чѣмъ услышалъ слово, и сталъ на сторону того, кто учинилъ этотъ быстрый самосудъ.

„Ее заточили въ монастырь. Тамъ *ее нашли такой доброй, такой кроткой и послушной,—розовой и невинной какъ молодая дѣвушка*,—что никто не хотѣлъ вѣрить возможности того, чтобъ она когда-нибудь могла совершить малѣйшій проступокъ; ее рѣшили освободить отъ искупленія, такъ она *завоевала симпатіи* и довѣріе всего населенія монастыря ревностью, съ которой она *предавалась религіознымъ обрядамъ*.

„Но, едва очутившись на свободѣ, она снова начала попрежнему скандалить. И такъ проходила вся ея жизнь.

„Она отравила всю жизнь своего мужа и своихъ дѣтей. Но они надѣялись, по крайней мѣрѣ, что на помощь ей явится время, что, когда она постарѣетъ, умѣрится пожиравшее ее пламя. Они ошибались, однако. Чѣмъ болѣе она предавалась этимъ излишествамъ и чѣмъ болѣе она тучнѣла, тѣмъ неудержимѣе становилось ея разстройство.

„Непостижимо, какимъ образомъ, при такихъ низменныхъ склонностяхъ и такихъ позорныхъ привычкахъ, могла ущѣлѣть такая *кротость въ выраженіи лица, такое спокойное достоинство манеръ*,—какъ могъ сохраниться такой *молодой голосъ и такая прозрачная ясность взгляда*,

„Когда она овдовѣла, дѣти не могли ее оставить жить у себя, для нихъ она была предметомъ ужаса; они назначили ей пенсію и предоставили ей устроиться отдѣльно.

„Когда она стала старухой, она вынуждена была оплачивать благосклонность, которую ей оказывали, и такъ какъ маленькой пенсіи, которую она получала, ей для этихъ надобностей не хватало, то она *работала съ неутомимой энергіи*, чтобы имѣть возможность заводить много любовниковъ.

„При взглядѣ на эту женщину, *вѣчно бодро трудящуюся* надъ иголкой, обходящуюся безъ очковъ въ 70 слишкомъ лѣтъ, *всегда чисто и опрятно одѣтую*, съ *простой и честной наружностью*, съ *открытымъ лицомъ*,— никто никогда не догадался бы обо всѣхъ продѣланныхъ ею гадостяхъ. Когда намъ все это разсказали, мы совершенно не повѣрили бы, если бы не получили вскорѣ несомнѣнныхъ доказательствъ.

„Мы видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ жалкихъ негодяевъ, получавшихъ отъ нея плату за свое мерзское ремесло. Они являлись къ намъ разсказывать, *какъ она трудолюбива*, увѣряли насъ *въ ея безупречной нравственности*—и все это въ надеждѣ, что ее освободятъ и они снова будутъ получать свою плату.

„При всемъ отвращеніи, которое намъ внушали эти проходимцы, мы не могли удержаться, чтобы не вырвать у одного изъ нихъ признаніе о подробностяхъ ихъ безстыдной любви.

„Эта презрѣнная женщина, это чудовище сохранило до послѣдняго дня жизни *свое спокойствіе*, *свою неизмѣнную кротость и честную наружность*. Она умерла 27 мая 1853 г., *73-хъ лѣтъ отъ роду*".

Разсказъ вполнѣ поразительный, достойный долгихъ, многолѣтнихъ размышленій. Что такое этотъ субъектъ? Несла въ себѣ какъ-бы трехъ человѣкъ, имѣла тройной запасъ жизни! Если „человѣкъ" есть зло, если „жизнь" есть зло,—осудите ее. Другого мотива для осужденія она не дала замѣтить въ себѣ.

Всѣ приведенные случаи заимствованы изъ книги доктора Жаффъ Кофейлоза. Наблюденія свои онъ сопровождаетъ еще слѣдующимъ, которое повторяется и въ другихъ книгахъ о томъ-же предметѣ.

„Въ числѣ подобныхъ женщинъ нерѣдко встрѣчаются такія, у которыхъ *сильнѣйшія половыя стремленія соединяются съ проявленіями религіознаго экстаза*. Онѣ посвящаютъ себя чрезмѣрнымъ подвигамъ благочестія, при самомъ строгомъ аскетизмѣ; то разыскиваютъ мужчинъ, потерявъ сонъ, и произносятъ рѣчи, въ которыхъ *сквернословіе смѣшано съ мистическими идеями*. Онѣ напоминаютъ, по своимъ манерамъ, богомолокъ, но при этомъ жестикуляція ихъ бываетъ часто непристойна.

„Бредъ ихъ,—говоритъ Бушеро,—бываетъ *то религіозный, то эротическій*,—безъ малѣйшаго перехода это слѣдуетъ одно за другимъ".

„Въ томъ самомъ случаѣ, въ которомъ одинъ наблюдатель нашелъ-бы *религіозную манію*,—другой наблюдатель, если онъ явится свидѣтелемъ слѣдующаго припадка, будетъ имѣть основанія признать *эротическую манію*".

Послѣднее наблюденіе не объяснимо *никакъ* съ медицинской точки зрѣнія: ибо отчего-бы женщинамъ сильнѣйшаго полового возбужденія не бредить: 1) винокъ, 2) картами, 3) базаромъ, толпою, улицей, 4) банями, трактиромъ, кабакомъ? По *бытовой близости* этихъ предметовъ должно бы быть такъ. *Но этого никогда нѣтъ*. И оттого нѣтъ, что сближенные въ быту онѣ *корнями* лежатъ какъ бы въ противоположныхъ полушаріяхъ. Бредъ какъ явленіе, гдѣ наименѣе участвуетъ преднамѣреніе и сознанье, всегда указываетъ корневую близость вещей, соединяетъ космологически-родственное, метафизически-родственное. Также точно совершенно

необъяснимы эти феномены и съ аскетическо-христіанской точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія *безтѣлесно-духовной, скопческо-религіозной*: ибо, очевидно, если-бы дѣйствительно *религія* заключала въ себѣ *плото-умерщвляющіе* идеалы, если-бы она *съ половымъ не имѣла ничего общаго* и даже была-бы *противоположна* ему, *исключала-бы* его, —то повышеніе половой импульсивности сопровождалось-бы *безбожіемъ, голизной и опустошенностью* религіознаго чувства, *паденіемъ* религіи, *не упоминаніемъ о ней*, въ бреду-ли, на яву-ли, *никогда*! *Разнос* религія и полъ—и нѣтъ ихъ *соединенія* въ бреду, въ словахъ, въ мысли! Но если мы допустимъ то, что *полъ* и *дѣйствительная истинная религія* имѣютъ не только корневую близость, но и корневое тожество, единство, сліянность или, точнѣе, *цѣлость одного и того-же существа*, то всѣ эти феномены не только объяснятся, но мы о нихъ скажемъ, что „иначе и не могло быть“... При этомъ я совершенно допускаю, что „половой бредъ“ въ этихъ медицинскихъ случаяхъ есть „ерунда“, какъ „ерундою“ же является и религіозный бредъ этихъ субъектовъ: *это уже не мѣняетъ дѣла и ничего не измѣняетъ въ заключеніяхъ*. Вѣдь и обычный бредъ обычныхъ сумасшедшихъ есть, однакоже, *психическій* бредъ или *логическая нелѣпость*: все-таки тѣмъ не менѣе *логическій*, все-таки тѣмъ не менѣе *психическій*, изъ этого *моря*, изъ этого *океана* взятый. Поэтому какъ только „эротическій бредъ“ путается съ „религіознымъ бредомъ“—мы заключаемъ съ неизбѣжностью, что „та капля“ и „эта капля“—изъ *одного моря*! Иначе нельзя: вѣдь никто-же лепетъ *идіота* не отнесетъ къ *кожнымъ явленіямъ*, маніакальныя идеи не назоветъ *феноменомъ перерожденія мускульной ткани*, и проч. Такой „абдекарабды“ никто не скажетъ: но значитъ и

разъединить полъ и религію было-бы научною „абдекарабдою“. Если „бредовыя“, т.-е. нелѣпыя явленія, лежатъ тѣмъ не менѣе *рядомъ*: то, очевидно, *мѣрныя* и *спокойныя* явленія двухъ этихъ порядковъ текутъ не только рядомъ же, но это есть даже *одна текущая рѣка*, однѣ *воды*, дающія въ одной части *спокойную и ясную религію*, какъ наше *отношеніе къ Богу*, какъ *связь съ Небомъ*, какъ чувство Судьбы и Провидѣнія, какъ мистику и трепетъ передъ „міромъ Инымъ“, „міромъ Еще“, поверхъ эмпирической наличной дѣйствительности; и въ другой части влекущія къ *сближенію*, къ совокупленію, къ рожденію дѣтей, къ жизни безконечной здѣсь на землѣ... Только христіанство могло отвернуться, или, какъ теперь очевидно, *попыталось* отвернуться отъ этого, и черезъ это потрясти очаги рожденія, разрушить нѣдра міра, какъ-бы проколоть иглою *міровой зародышъ*, зародышевое *начало міра, зародышевую сущность міра*. Попыталось и не успѣло ибо люди все таки рождали, „во грѣхѣ“ (съ идеею грѣха) рождали, „въ скверно“—но рождали. „Рождали“, „рождали“... ихъ проклинали, звали къ *другому* (дѣвство, монашество, аскетизмъ)—но все-таки они рождали и рождали: и *въ этомъ одномъ* христіанство, какъ выразился Достоевскій, и „не удалось“. А „не удалось“ оно въ этомъ одномъ, то „не удалось“—и во всемъ: ибо *это*-то и есть „все“ его,—сущность, основаніе и цѣль. Но уже *постановка* этой *цѣли* естественно вела къ идеѣ „конца міра“, къ распространенію чувства, что „*конецъ* пришелъ“, „конецъ *близокъ*“ и даже „*у дверей стоитъ*“: ибо цѣль эта именно включала „конецъ міра“, но не какъ *существо* и *истину*, а какъ *зовъ*, какъ *пожеланіе* какъ *черный идеалъ*! Такимъ образомъ „безсѣменное зачатіе“, поставленное какъ „А“ въ Евангеліи, уже содер-

жить его „Ѳ"—конецъ, катастрофу, „падающія звѣзды" и „сѣрный огонь съ неба", и „возстаніе мертвецовъ", сихъ „гражданъ" новаго вѣка и „страшный судъ". „Чѣмъ началось, тѣмъ и кончится"... Наоборотъ, „святое рожденіе" воскрешаетъ древнія, до-христіанскія Небеса: „мертвымъ" совершенно незачѣмъ исходить изъ могилъ, потому-что земля не пустынна, на могилахъ выросли новые цвѣты, съ памятью первыхъ, съ благоговѣніемъ къ первымъ, даже *въ сущности повторяющіе въ себѣ тѣхъ первыхъ*. Смерть есть не смерть *окончательная*, а только способъ *обновленія*: вѣдь въ дѣтяхъ въ точности *я живу*, въ нихъ *живетъ моя кровь и тѣло*, и, слѣдовательно, буквально *я не умираю вовсе*, а умираетъ только мое *сегодняшнее имя*. Тѣло-же и кровь *продолжаютъ жить*; и въ *ихъ дѣтяхъ*—снова, и, затѣмъ опять въ дѣтяхъ—*вѣчно*! Только-бы, значитъ, „рождалось", и—„я никогда не умру". Точно „снимаются сапоги": „одни сапоги", „другіе сапоги"... а „ходитъ въ нихъ—одинъ". Этотъ „одинъ нѣкто" и есть „Адамъ"-„я"-„безковечный потомокъ нашъ", мѣняющій паспортъ, мѣняющій лица, ремесла и обитаемыя страны, учащійся или хлѣбопашествующій, несчастный или счастливый, но—„одинъ". Такимъ образомъ, смерть—у правильныхъ субъектовъ и при правильной жизни безболѣзненная (склерозъ артерій, лопнувшій сосудъ и смерть даже безъ крика, безъ вздоха, безъ *всякаго ощущенія*)—есть просто *способъ вѣчно обновленнаго* и, слѣдовательно, вѣчно *молодого, юнаго лица* земли въ сущности при *томъ-же ея обитателѣ*, при одномъ *жителѣ*... При этомъ зачѣмъ-же покойникамъ „выходить изъ могилъ", когда они преспокойно *продолжаютъ жить на ней*, но не въ старомъ и тягостномъ для себя самихъ состояніи, а въ чрезвычайно счастливомъ состояніи полнаго мужества,

цвѣтущей юности и беззаботнаго дѣтства! Что за счастье прожить 1.000.000 лѣтъ старикомъ: лучше прожить „60 лѣтъ + [60 × 3] + [60 × 3 × 3] + [60 × 3 × 3 × 3]" и т. д. Т.-е. жить „цѣлымъ рядомъ" семей уже на своихъ глазахъ, цѣлой колоніей—черезъ 200 лѣтъ, цѣлымъ селомъ—черезъ 400 лѣтъ, цѣлымъ народцемъ—черезъ 1.000 лѣтъ! При этомъ взглядѣ—праведны усилія къ накопленію земныхъ сокровищъ, *обезпечивающихъ существованіе*: больше скота, больше земли, больше плодородія, жатвы, посѣвовъ, больше домовъ, крѣпче города, больше труда и запасовъ (денегъ); и еще другое *съ равнымъ напряженіемъ усиліе*—воспитаніе: ибо только воспитанный человѣкъ живетъ хорошо, есть „счастливое *я*", „хорошее *я*".

При этомъ сліяніи религіи и пола только и является „благословенное рожденіе": не въ томъ поддѣльномъ и фальшивомъ видѣ, что оно „разрѣшено попомъ", а въ томъ, что оно „угодно Богу", и притомъ изъ существа своего, по существу своему. Тогда *неудержимость* рожденія становится понятною, какъ исполненіе воли *Всемогущаго, Всеволящаго*. Тогда удерживать его никто не станетъ: рождается столько, сколько „хочется", и волна рождаемости есть волна этого „хочется", то подымающаяся, то опускающаяся, не сдерживаемая въ одномъ, не сдерживаемая въ другомъ,—какъ молитва, чередующаяся съ отдыхомъ. Много рождается—хорошо, одинъ рождается—хорошо, ни одного не рождается (у кого-нибудь)—это его индивидуальное несчастіе, какъ скинутаго со счетовъ человѣчества, но въ общемъ и *для самого человѣчества*—и это хорошо! Все—хорошо, ибо все—безопасно; „нѣтъ" у одного возмѣщается обиліемъ у другого: примѣры, приведенные изъ нашего яко-бы

„истощеннаго" поколѣнія, показываютъ, до чего волна временами подымается высоко. Не надо статистики населенія, ничего не надо никакой заботы Только бережнымъ взоромъ надо слѣдить, истинные священники истинной вѣры должны-бы слѣдить, чтобы ни одна щепочка, ни одна соринка, ни одна злоба, ссора, ненавидѣніе, случайное несчастное совпаденіе (неудачный бракъ, недостаточное число формъ брака) не мѣшало чистымъ волненіямъ этого „хочется", чтобы никто не *нудилъ себя* и *ни къ чему не нудилъ*...

Душа, ея неземныя предчувствія, ея метафизическія тревоги, ея томленіе по Богѣ—все объясняется какъ *врожденные дары*, *врожденныя сокровища*, если самая душа, вложенная въ $^1/_2$ изъ матери и въ $^1/_2$ изъ отца, черезъ ихъ половое сліяніе, есть въ то же время „капля метафизическаго существа", капнувшая въ земныя условія, въ этотъ мигъ ихъ сліянія. Тогда, очевидно, есть два Неба: внѣшнее—на которое *мы смотримъ*, и внутреннее—*которымъ мы живемъ*: и оно, тоже со звѣздами и солнцемъ, какъ бы выстилаетъ внутренность насъ, соприсутствуетъ каждой частицѣ нашего организма,—*физической въ тоже время какъ и метафизической*. Тогда есть два глаза—физическій, такого-то устройства и изъ такихъ-то веществъ, и метафизическій—который *видитъ*. „Видитъ", „слушаетъ", „живетъ" въ насъ метафизика;—запутанная вся въ *физику*, въ соки, кости, мускулы, нервы. Это и *одно*, и *не одно*. Одно—въ раздѣленіи, не одно—въ сліяніи. Нѣтъ крупинки въ насъ, ногтя, волоса, капли крови, которые не имѣли-бы въ себѣ „духовнаго начала". И какъ я, умеревъ, раздѣляюсь на *смертную половину*—вотъ что положатъ въ могилу, и что *во мнѣ при жизни* было

„персть" и прахъ, ничто и могила, и на *часть живую* вотъ что останется въ дѣтяхъ: такъ во всякомъ [illegible]скѣ и кровинкѣ есть „гробъ" и „персть", чему—умереть, и эта кровинка (ея часть) меня не живитъ, а тянетъ къ низу, если-же она въ глазу—то я ею *не вижу* и даже отъ нея происходятъ *болѣзни*; и есть въ этой-же кровинкѣ то, что „къ жизни", чѣмъ она *видитъ*, что *поправляетъ начавшееся заболѣваніе*, что *помогаетъ врачу* лечить это ея „духъ" и „жизненность", ея подъемъ и „вставаніе"... Какъ полъ „встаетъ" и „падаетъ" и это его *суть*: такъ, по типу этого, „встаетъ" и „падаетъ" *все* въ насъ, въ организмѣ нашемъ, въ душѣ нашей, въ жизни нашей, даже въ судьбѣ нашей! Такимъ образомъ человѣкъ весь есть только трансформація пола, только модификація пола, и *своего* и *универсальнаго*; что, впрочемъ, и понятно, иначе и быть не можетъ, такъ-какъ онъ *весь* вѣдь и составленъ только изъ двухъ половинокъ, отъ матерняго тѣла, отъ отцовскаго тѣла, отдѣлившихся въ половыхъ ихъ органахъ и въ страстномъ половомъ актѣ. Ничего *третьяго*, ничего *не полового* тамъ не было: и, слѣдовательно, неоткуда взяться ничему *третьему* въ насъ, ничему *не половому*... И даже когда мы что-нибудь дѣлаемъ или думаемъ, хотимъ или желаемъ яко-бы внѣ-пола, „духовно", даже что-нибудь замышляемъ *противо*-полое—это есть *половое*-же, но только такъ закутанное и трансформированное, что не узнаешь лица его. Такъ гусеница ползаетъ, а бабочка летаетъ,—но обѣ онѣ *одно существо*: куколка-же и совсѣмъ лежитъ, какъ мертвая—однако и это *то*-же *существо*. Человѣкъ, изъ полового акта вышедшій и изъ страстно-половыхъ частицъ сложенный, есть во всемъ своемъ „я", „цѣломъ" и „дробномъ"—половое-же существо, страстно-дышащее поломъ и только имъ, въ битвахъ, въ пустынѣ, въ от-

шельничествѣ, въ аскетизмѣ, торговлѣ, но въ самомъ чистомъ и святомъ видѣ, въ самомъ нормальномъ—въ семьѣ. Торговля и политика — куколки и гусеницы; а мотылекъ, „душа" — семья, отецъ-мать, сынъ-дочь, братъ-сестра, свекоръ-сноха, свекровь-невѣстка, тетки-дяди, дѣды-внуки, родъ, кругъ, родной народецъ.

Умѣренныя степени полового влеченія.

Это—тѣ обычные, какія мы знаемъ и испытываемъ. Примѣровъ ихъ не для чего приводить. Лютеръ предполагалъ и предлагалъ двукратное или троекратное въ недѣлю совокупленіе: но полагая, что не безъ причины „день *седьмый* суббота—Господу Богу твоему", я бы предложилъ или посовѣтовалъ всякой семьѣ удерживаться въ предѣлахъ одного недѣльнаго совокупленія: дабы для другихъ трудовъ жизни, для тренія жизни, для скорбей и тягостей ея, всегда имѣть бокалъ *жизненности* въ себѣ *наполненнымъ до краевъ*, и такъ именно, чтобы влага была *дугою* надъ краями. Пусть изливается, что не можетъ держаться, что „черезъ край". „Небо" должно быть именно въ насъ, густое, темно-синее, съ налившимися звѣздами, съ жгучимъ солнцемъ, полною луною: „вотъ-вотъ" просыплется и упадетъ; но не просыпай его, береги его. Тогда будешь нѣженъ къ людямъ, привязчивъ, памятлавъ, милосердъ, слово-охотливъ, дѣло-охотливъ, труженикъ безъ усталости, работа будетъ не тяжела, скорбь не будетъ переходить въ отчаяніе и меланхолію, люди станутъ нравиться, природа нравиться, будешь путешествовать, торговать, увеличивать имущество. И дѣти будутъ очень здоровы и очень талантливы. Мы должны помнить, что ко всему въ мірѣ мы привязываемся черезъ сѣмя свое; какъ

всѣмъ въ мірѣ мы пользуемся для сѣмени своего. Однако, чтобы не впадать „въ постъ", мы не должны выпускать изъ виду, что въ мірѣ *по* человѣка совокупленія происходитъ рѣдко, между тѣмъ ласки совершаются все время,—и что *въ природѣ нѣтъ ничего не цѣлесообразнаго*. Слабѣетъ и холодѣетъ человѣкъ, когда его бокалъ не полонъ: итакъ, пусть онъ и будетъ постоянно полонъ, т. е. совокупленію должно быть дано мѣсто тогда, когда внутреннее вино и геній вотъ-вотъ поднимается черезъ край. Но все остальное и на все остальное въ прелести мужской для женщины-жены и въ прелести женской для мущины-мужа — сохраняетъ свое мѣсто и имѣетъ свое право. Остальные шесть сутокъ дневной трудъ все-таки долженъ имѣть себѣ награду въ обаятельности, нѣжности, поцѣлуяхъ, взорахъ, прикосновеніяхъ, ласкахъ, и болѣе всего, конечно, въ словахъ, въ рѣчахъ: и носимое въ чревѣ дитя можетъ получить полноту даровъ только тогда, когда мужъ лелѣетъ и ласкаетъ чрево жены, такъ, чтобы истома и сладкое волненіе въ немъ никогда не прекращалось, никогда-бы оно не замирало и не костенѣло, не мертвѣло... Можно такъ сказать, что какъ мать кормитъ ребенка по выходѣ изъ чрева молокомъ и даетъ *тѣло ему изъ молока своего*, такъ до рожденія она еще *непосредственные и прямые*, „изъ кишки въ кишку", кормитъ все его существо, кровь его, кости его, нервы его и *присущую всему этому метафизику* (вторая духовная половина всякой частицы тѣла) совокупленіями своими и вообще чревными трепетаніями; и по участію въ нихъ мужа можно даже продолжить и сказать, что эти девять мѣсяцевъ оба они совмѣстно питаютъ ребенка, притомъ питаютъ такими частицами внутренняго существа своего, которыя несравненно драгоцѣннѣе, значущѣе и могуще-

ственнѣе, чѣмъ молоко, это сравнительно рациональное и земное вещество. Изъ молока *цѣльнаго человѣка* не выходитъ, а изъ сѣмени выходитъ; молоко не растетъ, не вырастаетъ, а росинка сѣмени растетъ въ полнаго человѣка и живетъ въ немъ до 70 лѣтъ. Такъ природа расположила свои цѣли и средства. Полу-импотентная, полу-содомическая (по отвращенію къ совокупленію) мысль, что: 1) совокупленіе-де *должно* ослабить силы матери, 2) когда эти силы *нужны ребенку*,—должна читаться наоборотъ: 1) когда матери такъ нужны силы для вынашиванія плода,—2) тогда мужъ долженъ дать ихъ ей черезъ совокупленіе. Ибо кому-же, кромѣ совершенныхъ лгуновъ и лицемѣровъ, неизвѣстно, что въ совокупленіи, если оно *предварительно желается женщиною*, если она къ нему предрасположена — она получаетъ силы, получаетъ новую свѣжесть, получаетъ расцвѣтъ въ себя! Кому неизвѣстны анемичныя, блѣдныя, съ хлорозомъ, нервныя дѣвицы до замужества: и что за фантазія повергать въ нѣкое подобіе всего этого беременную женщину?! А между тѣмъ, женщина 30-ти лѣтъ, съ прерванными привычными совокупленіями,—есть что-то еще болѣе страдальческое и несчастное, нежели „дѣвица 17 лѣтъ до совокупленій": ибо извѣстно, что *вдовы* страдаютъ отъ недостатка совокупленій еще гораздо сильнѣе, чѣмъ дѣвицы; а всякая беременная, покинутая ласками мужа, есть „соломенная вдова" на девять мѣсяцевъ [1]).

[1]) Проф. Розанвъ, на стр. 78, закончивъ объясненіе *побочныхъ действій* совокупленія на всю сѣть органовъ женскаго тѣла и, между прочимъ, на питаніе, на отправленія кишокъ (важнѣйшее, на *кровь*, онъ пропустилъ по невинному медицинскому невѣдѣнію), говоритъ, впрочемъ всякому навѣстную, истину: „Этимъ всѣмъ объясняется навѣстный фактъ, что *весьма часто* случается, когда дѣвушекъ, вступившихъ въ замужество блѣдными, истощенными

Что такое совокупленіе?

Боковой ростъ человѣка. Въ утробной жизни своей младенецъ, проживая *въ земныхъ* измѣреніяхъ девять мѣсяцевъ, въ *измѣреніяхъ абсолютныхъ* проживаетъ вѣка. *Абсолютными измѣреніями* мы называемъ тѣ единственно значущія для всякаго измѣряемаго существа мѣры, какія проистекаютъ *изъ его собственнаго существа*, изъ *величины* и *количества* перемѣнъ *въ немъ*. Земныя мѣры — это мѣры по *явленіямъ на землѣ*: обернулась земля около оси—*сутки*, обошла земля около солнца—*годъ*. Явно, что для утробнаго младенца, который не видитъ ни солнца, ни земли, этихъ *мѣръ* нѣтъ, потому что нѣтъ этихъ, *для насъ существующихъ*, перемѣнъ. Для него есть перемѣны *въ себѣ*: и вотъ то, что изъ *маковой росинки* онъ превращается въ 7-ми фунтовое существо, изъ *пузырька* въ *человѣка* — есть какъ-бы билліонъ лѣтъ! Въ первый годъ жизни ребенокъ лишь удваивается: сосчитаемъ прогрессирующія *удвоенія* маковой росинки (зачатіе) до 7-ми фунтоваго вѣса и объема (роды), и мы получимъ число „оборотовъ" этой росинки около себя, число *лѣтъ* ея! Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что *въ утробной жизни* своей младенецъ проживаетъ *столько лѣтъ*, сколько вся природа *прожила до его рожденія*: не менѣе! Но вотъ онъ родился. Темпъ развитія сейчасъ-же

уже *черезъ нѣсколько недѣль* нельзя бываетъ узнать: онъ превращаются въ *цветущихъ, дышащихъ здоровьемъ* женщинъ, тогда какъ раньше всѣ примѣнявшіеся, самые разнообразные, методы леченія ничего не могли подѣлать противъ ихъ жалкаго вида и худощавости". Вотъ такую-то гадость, такой опіумъ и мертвечину,— совѣтуютъ „лекарственно" принимать беременной женщинѣ моралисты (Толстой въ „Крейцер. Сонатѣ", и за нимъ цѣлыя толпы писакъ).

замедляется, но все еще очень быстръ: въ двѣнадцать мѣсяцевъ ребенокъ удваивается, въ слѣдующіе двѣнадцать онъ увеличивается еще на ½, потомъ въ двѣнадцать на ⅓, на ¼ и т. д: *чѣмъ далѣе* — тѣмъ *онъ медленнѣе растетъ*. Вѣдь продолжай онъ развиваться съ быстротою утробной жизни, и къ 10-ти годамъ онъ поднялся-бы выше Страсбургскаго собора, а къ старости касался-бы головою облаковъ!

Этого нѣтъ. Отчего? Что-же происходитъ? Вѣроятно съ того момента еще утробной жизни младенца, когда у него обозначаются половые органы, когда вообще выдѣляется въ немъ полъ, въ немъ начинаютъ на счетъ *удлиненія* или *линейнаго* (вверхъ) *роста* отлагаться залоги для *будущаго воспроизведенія*: и чѣмъ ихъ *отлагается болѣе*—тѣмъ все *замедляется* и *замедляется* ростъ. Но залоги есть, потенціи есть,—капиталъ накопленъ; но еще процентовъ не приноситъ, т.-е. размноженія нѣтъ. Есть только „позывы“ къ нему, мечты, грезы, наступающая влюбленность, но безъ принудительнаго толчка. Однако, отлаганіе „залоговъ“ происходитъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе замедляется ростъ. Если размноженіе *искусственно задержать*—то отрокъ необыкновенно сильно вытягивается кверху, проявляетъ „сильный ростъ“, тотъ опасный „сильный ростъ“, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ заканчивается чахоткою, а во всякомъ случаѣ сильнѣйшимъ разслабленіемъ организма. Это едва-ли происходило „въ доброе старое время“, когда дѣдушки и бабушки наши женили нашихъ отцовъ въ 15—16 лѣтъ, и выдавали дочерей замужъ 13-ти лѣтъ. Тогда „хлороза“, „блѣдной немочи“, „угрозъ чахотки“ не происходило, ибо линейный ростъ „во благовременіи“ переходилъ въ ростъ боковой: черезъ половую систему проценты отложенныхъ залоговъ, какъ и все новыя, ежедневно новыя

отлаганія—переходили приблизительно въ еженедѣльныя, или по два въ недѣю, совокупленія: являлись дѣти, т.-е. тотъ-же самый человѣкъ, тотъ-же индивидуумъ, но отдѣленный въ частицахъ своего существа, которыя теперь самостоятельно ползаютъ по землѣ, по полу (дѣти). Что такое дѣдъ, отецъ и внучекъ? Переломившійся на три части великанъ ростомъ въ домъ, одной части котораго 60 лѣтъ, другой части 30 лѣтъ, третьей 2 года; и всѣ эти части—разной свѣжести и одаренности. *Обилие* чрезвычайно возросло здѣсь: и *прекраснѣйшимъ* способомъ, гораздо лучшимъ чѣмъ если-бы землю наполняли два—три милліона тысячелѣтнихъ старцевъ высотою въ колокольню Ивана Великаго. *Размноженіе* и вотъ *теперешній видъ* земли и *человѣчества* есть чудодѣйственное, мудрое, необыкновенно хитрое по тайнѣ его и всемогущее преобразованіе не эстетичной картины великановъ-стариковъ—въ картину всевозможныхъ возрастовъ, и оживленную, и медленную, въ одномъ мѣстѣ медленную и въ другомъ мѣстѣ оживленную. Глядя на размноженіе, мы должны повторять библейское изрѣченіе, какимъ Богъ сопровождаетъ дни творенія Своего: „я увидѣлъ, что все *хорошо*, и сказалъ:—хорошо!“

Очевидно отсюда, какой метафизическій и божескій смыслъ влитъ въ размноженіе; аскеты—во-истину *пошлые* аскеты—также мало въ немъ понимающіе, какъ они не знаютъ астрономіи и теченія звѣздъ, не только говорятъ позорную дурь со своимъ противодѣйствіемъ ему,—но еще и творятъ великій и страшный грѣхъ, отвергая божескій Промыслъ, перепутывая планы творенія, отрицаютъ Бога, противятся Богу. Только по его великой глупости нельзя назвать его преступленіемъ; ибо, глупые—невинны; но въ *содержаніи* своемъ и безотносительно къ глупости,—аскетизмъ есть не только грѣхъ, но

до нѣкоторой степени *весь* грѣхъ, *полный* грѣхъ, *цѣлый* грѣхъ Что ложь, злоба, зависть, наши *личные* грѣхи въ *личныхъ* дѣлахъ — сравнительно съ этимъ всовываніемъ палки въ колесо божественной колесницы, которая, конечно, палку ломаетъ или ее перетѣзжаетъ... Но все таки зачѣмъ *это* хотя-бы и безсильное желаніе?

Законы о бракѣ у христіанскихъ народовъ, всѣ продиктованные аскетами,— или, когда они и свѣтскаго происхожденія, то все-же несущіе *историческій привкусъ* этихъ монашескихъ диктовокъ, *остатокъ* этихъ диктовокъ, *уклонъ* ихъ, *планъ* ихъ—всѣ суть *обобщенныя, коллективныя, нормированныя* преступленія, и даже не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ родившіеся отъ грѣха. „*Боковой* ростъ" нельзя у человѣка, остановившагося въ вертикальномъ ростѣ, удерживать болѣе, чѣмъ на недѣлю: аскетизмъ говоритъ—„удерживай на три года" (эпитимьи), „удерживай навсегда" (монашество), „удерживай у *солдата*", „удерживай у *студента*", „удерживай *всегда, когда тебѣ* (государству, свѣтской власти) *нужно* или *нравится*".

Что *привкусъ* этого перешелъ даже въ науку, даже въ *безстрастную* медицину, наконецъ даже къ лютеранамъ, якобы „возставшимъ противъ католичества и *извращеній* его", можно видѣть напр. изъ удивительнаго медицинскаго спора о томъ, что *лучше*—проституція или онанизмъ? на чемъ практически слѣдуетъ останавливаться „благосклоннымъ читателямъ" ихъ совѣтодательныхъ книжекъ? Причемъ всѣ въ одинъ голосъ кричатъ, что „бракъ слѣдовало-бы запретить мужчинамъ до 25-ти и дѣвушкамъ до 20-ти лѣтъ", хотя сами-же, въ скотски глупыхъ книжонкахъ своихъ, всюду передаютъ, что начинается онанизмъ обычно около 14—16 и рѣдко позже

лѣтъ[1])...Какъ морозъ стоитъ въ крѣпкую зиму, такъ стоитъ этотъ столпъ христіанской цивилизаціи: „бракъ [illegible] скверно, это—оскорбительно для всего чистаго и невиннаго, гнусно для гимназиста и гимназистки, гнусно для студента, помѣха солдату, помѣха учебѣ, разореніе для рабочаго и бѣдняка: а проституція *для всѣхъ этихъ состояній*, для гимназистовъ, солдатъ, студентовъ, для разведенныхъ, для вдовцовъ есть естественная и нисколько не зазорная, къ тому-же дешевая и удобная, форма полового общенія".—„Вѣдь по-тихоньку"... И соглашаясь, что „потихоньку",—стоятъ на этомъ попъ, пасторъ, ксендзъ, ученый профессоръ и обычный врачъ, одинъ „отпуская грѣхъ на исповѣди", а другой „прописывая ванны" сифилитику, кто за пять рублей, а попъ обычно за 50 копѣекъ. И этому вторятъ государственные мужи, „уже тайные совѣтники" и „гофраты", помавая сѣдѣющими главами:—„Какъ, неужели-же вы хотите допустить, чтобы гимназистъ въ мундирѣ (лѣтъ 18-ти дѣтина, давно брѣющій бороду) носилъ на пальцѣ обручальное кольцо и... и... имѣлъ дѣтей: *какое неприличіе!!!*" „Или, чтобы гимназистка 16–17-ти лѣтъ отвѣчала урокъ математики у доски, имѣя на глазахъ всего класса и передъ учителемъ *беременный животъ!!!* О, *позоръ!!!*" И невозможно сихъ старцевъ убѣдить, что вѣдь *законъ*-же (даже нашъ несовершенный законъ) позволяетъ бракъ 18-ти лѣтнему и 16-ти лѣтней, и что-же за „позоръ", въ *чемъ* позоръ гимназисту и гимназисткѣ быть въ „уза-

[1]) См. д-ръ Форель: „Половой вопросъ"; — да и во множествѣ книжекъ, просмотрѣнныхъ мною для этой главы, мелькаетъ этотъ совѣтъ. Совѣтъ онанировать (вмѣсто проституціи, угрожающей зараженіемъ), давали „ex cathedra", на лекціяхъ, нѣкоторые профессора Петербургской медицинской академіи студентамъ-слушателямъ, о чемъ мнѣ сообщилъ отецъ одного студента, С. В. Б-хъ

коненномъ состояніи"? А забота о дѣтяхъ, забота о будущемъ заработкѣ, и пробужденіе всѣхъ сокровищъ отцовскаго и материнскаго сердца, сдѣлали-бы изъ юноши и отроковицы—людей прекрасныхъ, съ чувствомъ долга въ себѣ, съ отвѣтственностью въ себѣ...

Нельзя ни въ чемъ убѣдить. Оставимъ эти темы. Разъ бракъ *60-лѣтняго старца* не „оскорбляетъ" юриста, попа, медика, не есть *грѣхъ* для церкви, не есть *вредъ* для государства и общества, а бракъ цвѣтущихъ невинностью и силами 16-лѣтняго и 14-лѣтней есть „грѣхъ", „вредъ" и „отвратительная безнравственность" для всѣхъ ихъ, то тутъ—могила, все кончено, „дважды два=семь" и проч. Тутъ надо пройти и умереть цивилизаціи, культурѣ (культурѣ аскетизма), пройти цѣлому циклу человѣчества; и начаться совсѣмъ новому лѣтосчисленію, чтобы люди вдругъ начали слышать, понимать и видѣть, что $2 \times 2 = 4$.

Оставимъ это.

Очевидно, сила *бокового* роста соотвѣтственна всегда силѣ *вообще роста*, силѣ *крѣпости* и *внутренней дѣятельности* организма. Она у отдѣльныхъ субъектовъ не одинакова,—и происходитъ эта неодинаковость, вѣроятнѣе всего, отъ энергіи зачатія. Какъ-то вѣрится, думается, что оно даетъ импульсъ всему; и тутъ примѣнимъ стихъ Майкова о „стрѣлѣ, летящей далеко", когда предварительно лукъ былъ „туго натянутъ". Высокое здоровье и красоту древнихъ грековъ, палестинскихъ евреевъ и теперешнихъ мусульманъ можно, между прочимъ, объяснить тѣмъ, что мужъ *посѣщаетъ* жену свою, живущую *отдѣльно* въ *своемъ* шатрѣ: тутъ совокупленіе происходитъ такъ нѣжно, ласкаясь, такъ свѣжо и, въ заключеніе, такъ сладко и напряженно, *съ такой боль-*

шой активностью въ себѣ, какъ у насъ случается, когда мужъ съ заработка въ недалекомъ городкѣ или съ ямщичьей поѣздки возвращается въ домъ „на побывку". А нѣсколько обломовскій характеръ вообще русскихъ, какъ *племени*, какъ *массы*, происходитъ едва-ли не отъ „родительскихъ кроватей", еженощнаго спанья вмѣстѣ жены и мужа. При этомъ условіи привычно все слежи-вается, формы приспособляются одна къ другой—дѣтей рождается очень много въ населеніи, но съ невысокой жизненностью, вялыхъ, анемичныхъ, безталантныхъ, склонныхъ къ заболѣванію. Извѣстно, что дѣтская смертность въ Россіи велика, какъ нигдѣ. Нѣтъ бури, а все дождичекъ. Между тѣмъ только изъ бури выходитъ—талантъ, красота, сила, жизненность. При „побывкахъ домой" или при „посѣщеніяхъ шатра" (одной изъ женъ), какъ и въ священное установленіе „субботы",—какъ извѣстно начинающейся у евреевъ съ появленія первыхъ вечернихъ звѣздъ *пятницы* и, слѣдовательно, *центрально* вмѣщающей въ себя *ночь съ пятницы на субботу*, когда „старое благочестіе каждаго еврея требовало родительскаго совокупленія" (признаніе мнѣ одного еврея)—во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ разыгрывалась гроза страсти, и естественно она разыгрывалась во всѣхъ красотахъ своихъ, такъ запечатлѣнныхъ въ „Пѣсни пѣсней"... „Да лобзаетъ онъ меня лобзаніемъ устъ своихъ"... У насъ все это проходитъ сонно. Нѣтъ священства, а только „нужда". *Праздникъ* не окружаетъ совокупленія, какъ у евреевъ ихъ Суббота и у мусульманъ Пятница... Между тѣмъ совокупленіе должно быть именно не „нуждою", „сходилъ" и заснулъ... вовсе нѣтъ: оно должно быть средоточіемъ праздничнаго, легкаго, свѣтлаго, безработнаго, не отягченнаго ничѣмъ настроенія души, послѣднимъ моментомъ ласкъ, нѣжности, деликатности,

воркованья, поцѣлуевъ, объятій. Но какъ у насъ въ старо-московскую пору новобрачныхъ, даже *незнакомыхъ* другъ другу, укладывали въ постель и они „дѣлали", такъ и до сихъ поръ русскіе „скидаютъ сапоги" и проч., и улегшись—„дѣлаютъ", и затѣмъ—засыпаютъ, безъ поэзіи, безъ религіи, безъ единаго поцѣлуя часто, безъ единаго даже другъ другу слова! Нѣтъ *культуры* какъ *всеобщаго*,—и нѣтъ явленій, единичностей въ ней, нѣтъ единичныхъ праведныхъ, благочестивыхъ зачатій (кромѣ счастливыхъ рѣдкихъ случаевъ).

Бракъ и семья въ Европѣ органически, окончательно испорчены, и не расцвѣтутъ, пока не отцвѣтетъ Европа. Весь цвѣтокъ Европы—черный, и бѣлая роза выростетъ только на ея могилѣ.

Замѣчательно, что единственная надежда здѣсь осталась въ свободной любви: и какъ она гонится, какое противъ нея озлобленіе! Дѣти, рождаемыя среди единственныхъ сохранившихся цвѣтовъ—выкидываются всею массою въ воспитательные дома, и среди вообще-человѣческихъ *дѣтей*—они имѣютъ тоже положеніе, какъ наши *проститутки* среди *женщинъ*.

Отчего не сознаться, что надъ мусульманами, евреями, и надъ древнею Греціею, и еще болѣе надъ Египтомъ, горѣло небо дорогого „вѣдовства" и „колдовства",—чудное небо другихъ звѣздъ, другой луны и солнца: откуда что-бы ни исходило, а только тамъ рождались лучезарнѣйшіе младенцы, какихъ видѣлъ міръ. Что-что другое—а ужъ *дѣти* тамъ были хороши... Полновѣсны полновидны, полножизненны, полнодарственны.

Великое учрежденіе „субботы" желательно къ исполненію каждому: вслѣдъ за „помни день *субботній*", и сказано поэтому—„что *отца* и *матерь* твою," каковыхъ

главнѣйшее почитаніе только и можно выразить черезъ *родительство*-же, новый родительскій *актъ*, черезъ *повтореніе* въ себѣ того акта, черезъ который мои родители стали именно моими родителями. Они суть „мои родители" не потому, что пьютъ, ѣдятъ, путешествуютъ, гражданствуютъ, а отъ того, что мое „я" изошло изъ совокупленія ихъ. И какъ „почитаніе" напр. священника естественно есть „духовное", ибо онъ „духовная особа", какъ „почитаніе" полководца естественно есть тріумфъ: такъ точно „почесть" или „почитать" родителей только и можно совокупившись *въ память ихъ* (если умерли), *въ честь ихъ, въ славу ихъ, въ имя ихъ, въ радость имъ* (если живы). Только лживо-„духовныя" отношенія христіанства свели всякое „почитаніе" къ низкимъ поклонамъ и цѣлованью ручки, къ льстивому заглядыванію въ глаза и говоренью приторныхъ любезностей. Конечно, древній Ветхій Завѣтъ, съ живыми костями и живой кровью въ себѣ, съ животными въ себѣ жертвами, зналъ почитаніе совсѣмъ другое. Если Бога „чтили" *агненкомъ* или *теленкомъ*,—какъ могло придти въ голову „почесть" отца *словомъ*? Конечно—*жертвою*-же: и родителей почесть, или, тѣснѣе, почесть ихъ родительскій актъ, произведшій меня—и можно было только возрадовавшись въ новомъ *своемъ* родительскомъ актѣ. Что это правильно, можно видѣть и изъ того, что не такъ родители радуются, отдавая дѣтей въ *ученье*, не такъ веселы, видя начало ихъ *службы*, не такъ счастливы—полнымъ *колоритомъ счастья*—ихъ успѣхамъ въ жизни, славѣ ихъ, молвѣ о нихъ, какъ эти родители радовались и радуются *всемірно*, во *всѣхъ странахъ* и во *всѣ времена*, вступленію дѣтей въ супружество, т.-е. въ сонмъ родительской же жизни, вновь родительской, повторно родительской. Церковь очень хорошо сдѣлала,

что устранила присутствіе родителей на своемъ вѣнчаніи: такъ-какъ эта казенная припись молодыхъ къ консисторіи никакого отношенія къ родительству и браку не имѣетъ; въ бракѣ *настоящую обрядовую* функцію имѣетъ только, устроеніе „чертога брачнаго", т. е. ночной свадебный пиръ— хотя теперь это уже *остатокъ* древности, безъ мысли, безъ пониманія, безъ красоты и торжественности; безъ традиціонныхъ линій въ себѣ, въ распорядкѣ своемъ, въ ходѣ своемъ. Но пиромъ выражалась *встрѣча* брака юныхъ ихъ родителями и всею общиною. Пиръ—всегда есть радостное. Итакъ, супружество дѣтей есть радость и родителямъ: и, слѣдовательно, „почитаніемъ" родителей является, главнымъ образомъ, *вступленіе въ супружество* — и въ немъ, понятно, его центральныя, существенныя точки.

Вотъ что̀ означало собою древнее и священное заповѣданіе: „чти отца и матерь твою". Значило: „не оставайся безбрачнымъ", „не оставайся безплоднымъ", „радуйся съ молодою женою своей; съ молодымъ мужемъ своимъ".

Законъ—это всегда берегъ; но и берегъ *заливается* наводненіемъ, *освѣжается* наводненіемъ: и законъ былъ-бы слишкомъ пассивенъ, былъ-бы безжизненнымъ въ безжизненномъ, если бы иногда онъ не *нарушался*. Было у евреевъ великое учрежденіе—*утреннія тамиды* при Храмѣ, т.-е. „жертвы за *грѣхъ*", — по утреннему часу жертвы очевидно за грѣхъ въ ночные часы. Будь суббота мертвымъ закономъ, и она развратила-бы уста и сердце израильскаго народа, какъ развратили сердце и уста христіанскихъ народовъ мертвые законы о бракѣ, данные канономъ: принудила-бы уста ко лжи, сердце къ лукавству, лицо—къ лицемѣрію, а волю вызвавъ на

дерзкое противленіе себѣ. Воздержаніе до ночи съ пятницы на субботу было идеаломъ, звавшимъ къ себѣ, но „затоплялись берега" субботы и израильская молодая чета шла въ храмъ, и приносила въ жертву двухъ горлинокъ въ „очищеніе отъ грѣха". И грѣхъ очищался. Дѣти Іеговы—какъ звали и чувствовали себя всѣ израильтяне—были опять невинны передъ своимъ Небеснымъ Отцомъ; и если они нетерпѣніемъ и въ слѣдующую ночь нарушали субботу, умаляли субботу: опять —жертва, и опять—ничего. Въ Талмудѣ сказано, что частота совокупленій зависитъ: 1) отъ здоровья, 2) молодости и 3) *работы*. „Въ *молодомъ возрастѣ* супруги, если въ то же время они имѣютъ *не занятымъ свое время* (не *устаютъ* на работѣ), совокупляются ежесуточно", сказано тамъ. А благочестивый обычай евреевъ, установленный ихъ равви, указалъ въ первый годъ брака не брать молодого мужа въ военную службу, т.-е. если даже есть родителей три года: т.-е. избавить ихъ отъ труда, работы, заботы. Такимъ образомъ каждая родительская семья, какъ и учрежденія государственныя (въ Старой Палестинѣ), предусматривали и такъ устрояли силы молодого мужа, дабы всякія сутки ему хотѣлось войти и онъ могъ войти въ лоно ихъ дочери. Ибо, по обычаю, первый годъ супружества проводился еще въ родительскомъ гнѣздѣ молодой женщины (приближенность жертвоприношеній магическая и физическая, черезъ всѣ чувства воспріятія, къ лицамъ, этихъ жертвъ желающимъ, и на алканіи которыхъ трансцендентно все въ бракѣ и держится, основывается). Каждый пойметъ, что *одинъ* этотъ законъ мудрѣе и любящѣе, чѣмъ всѣ христіанскіе законы о бракѣ, впрочемъ вытекшіе изъ ненавидѣнія молодого и невиннаго сча-

стья. Ибо всѣ законы евреевъ — отъ обрѣзанія и въ духѣ обрѣзанія, всѣ законы христіанъ—отъ скопчества и въ духѣ оскопленія.

Умалять субботу не слѣдуетъ: но у евреевъ былъ и „субботній годъ"; вотъ молодые въ возрастѣ 13—16 лѣтъ и проходили, при обезпеченіи отъ родителей, такой въ своемъ родѣ „субботній годъ" брака, безпечально размножаясь. Столько именно отлагается въ этомъ возрастѣ „залоговъ" въ организмѣ, что каждый день для юныхъ становится „субботою"; это какъ-бы „субботній" возрастъ, „субботнія" силы. Объ обилии сѣмени: нельзя ни на минуту забывать, что какъ *ростъ* не останавливается, такъ не останавливается никогда, ни на часъ, ни на минуту, отдѣленіе въ организмѣ сѣмени, разъ что онъ пересталъ *вертикально* расти или *замедлился* въ ростѣ: и въ теченіе 6 дней (по идеѣ „субботы"), въ 3—2 дня (по Люстеру) или въ 1 сутки (у молодыхъ и безъ дѣла), или, наконецъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ (въ приведенныхъ изъ медицины случаяхъ) сѣмени выдѣляется внутренно столько, что совокупленіе становится невольнымъ, томительно желательнымъ, и угнетало-бы душу, если-бы не совершилось. Тогда конечно оно должно быть совершено, хотя „утренняя жертва" тоже должна быть совершена, потому-что все-же нѣчто отнято у субботы. Наконецъ, именно въ медицинѣ разсканные случаи, которые не укладываются въ норму никакого *вѣрнаго* супружества (а *имѣть* супружества—безъ вѣрности), для избѣжанія лукавства и лжи въ народѣ, чтобы не *привить* народу *привычки* ко лжи— вызвали у евреевъ два великіе института: чрезмѣрное напряженіе половой силы у мужа находило себѣ разрѣшеніе въ благословенномъ по закону многоженствѣ, а чрезмѣрное напряженіе половой силы у женщинъ разрѣшилось въ институтъ священныхъ блудницъ, жившихъ

при Храмѣ, вѣроятно въ тѣхъ комнаткахъ 3-хъ этажнаго зданія, которое окружало Храмъ, и которое по христіанскимъ комментаріямъ (Олесницкій—„Ветхозавѣтный Храмъ") служили „для храненія священныхъ сосудовъ". Можно представить себѣ такое множество металлическихъ щипчиковъ (для утлей), чашъ и ковшей (для жертвенной крови), что они заняли собою столько-же помѣщенія, сколько всѣ товары,—*всѣ товары*!—въ Московскомъ или Петербургскомъ пассажѣ!!! Ибо зданіе въ три этажа, свободно облегавшее Храмъ, было даже больше Пассажа! Но, надѣемся, въ Ветхомъ Завѣтѣ не было столько кампилавокъ, эфодовъ, столько ложечекъ и чашъ. О кампилавкахъ упоминаю потому, что остроумные христіанскіе комментаторы, не зная, чѣмъ наполнить эти комнатки, предполагаютъ еще, что въ нихъ хранились „священническія одежды". Ихъ языкъ обжигаетъ сознаться, ихъ перо безсильно *переписать* въ христіанскую книгу изъ Библіи то свѣдѣніе, что при храмѣ постоянно обитали, какъ у насъ живутъ при церквахъ „просвирни" (старушки)— юницы израильскія, не пошедшія *какъ всѣ прочіе* въ замужество по неспособности къ нему, а обрекшія въ супружество себя не *лицу*, а всему священному *народу*. Все было изъ обрѣзанія, все въ духѣ обрѣзанія. Съ этими-то блудницами, *по повелѣнію Божію*, зачиналъ дѣтей одинъ изъ пророковъ, какъ объ этомъ онъ разсказываетъ въ книгѣ пророчества своего,—беря въ „свидѣтели" двухъ священниковъ Храма. „Свидѣтели" были—какъ у насъ при бракѣ. Подобное совокупленіе съ блудницами, ритуально обставленное („свидѣтели-священники") не было, очевидно, порицаемо въ пророкѣ, „человѣкѣ Божіемъ" по взгляду народа и по дѣйствительности, а слѣдовательно таковое-же съ блудницею совокупленіе не порицалось и не могло порицаться и въ какомъ-бы то

ни было израильтянѣ; оно не „марало" ни блудницу, ни приходившаго къ ней, какъ не марается никого нашъ бракъ: что̀ видно именно изъ краткаго ритуала („священники-свидѣтели").

Черезъ эти великія, величайшія учрежденія, давшія бархатное и вмѣстѣ каменное русло чрезмѣрнымъ половымъ напряженіямъ въ обоихъ полахъ, — навсегда было обезпечено здоровье народное отъ половыхъ заболѣваній, заливавшихъ христіанскій міръ и не устранимыхъ при христіанской формѣ брака. Вода течетъ въ ручьѣ, въ рѣкѣ и въ водопадѣ: и всѣ три прекрасны, если каждый стоитъ *особо* и они не смѣшиваются вмѣстѣ, Но при христіанскомъ узкомъ, скопческомъ бракѣ водопадъ сталъ падать въ ручей и разбилъ ручей: нѣкоторые мужья пошли къ проституткамъ, многія жены стали проституировать, сохраняя положеніе и лживое лицо и имя. *Границы всего перемѣшались*. Старцы женятся, юношамъ запрещенъ бракъ. Водопадъ все залилъ... А отдѣлённо, какъ избытокъ силъ у *нѣкоторыхъ*, этотъ водопадъ (со стороны женской) поилъ всякаго усталаго израильтянина, приходившаго по торговымъ дѣламъ въ Іерусалимъ, всякаго странника изъ чужой земли, воина безъ жены, купца внѣ семьи, и, наконецъ, вотъ самого пророка: который при свидѣтельствѣ двухъ священниковъ и по повелѣнію Іеговы вошелъ къ блудницѣ, — не для сожительства, не для брака въ нашемъ смыслѣ, но чтобы имѣть съ нею *одно* сношеніе, у насъ именуемое *типично*-проституціоннымъ.

И *у насъ* отъ таковыхъ заболѣваютъ: ибо на него нудитъ себя раба, нищая, кляча, торговка. У израиля-же никто отъ этого не могъ заболѣвать, такъ какъ изъ дѣвушекъ, изъ разведённыхъ и изъ вдовъ въ „блудницы" безпорицаемо шла наиболѣе полнокровная, у которой вино не *доходило* до краевъ чаши (типъ всякаго человѣка, типъ супруга, супруги), но чудеснымъ образомъ играло и ежечасно выкидывалось вонъ. Таковъ на островѣ Исландіи есть чудодѣйственный Гейзеръ, на который ѣздятъ смотрѣть путешественники, и никто въ этотъ Гейзеръ не плюетъ. И израиль не „плевалъ" на эту силу: но назвалъ таковыхъ „супругами израиля" и помѣстилъ ихъ въ Храмъ.

Conjunx totius populi, sacra conjnx populi sacri — вотъ и все.

Все было отъ обрѣзанія, все—въ духѣ обрѣзанія.

Линія безразличія въ полѣ.

Т.-е. линія абсолютнаго покоя. ± *О напряженіи.*

Я ограничусь слѣдующими фактами, сообщенными д-ромъ Августомъ Форелемъ въ его книгѣ „Половой вопросъ", Спб., 1906 г., выпускъ I.

„Молодой человѣкъ, надѣленный довольно сильнымъ половымъ влеченіемъ, въ то-же время весьма положительный и серьезный, женится, не имѣвъ до того никогда сношеній съ женщинами, на дѣвушкѣ очень *доброй, спокойной, интеллигентной и порядочной*. Жена искренно и сердечно любитъ своего мужа, но *совершенно равнодушна въ половомъ отношеніи*,—хотя его ласки доставляютъ ей большое удовольствіе. При половомъ актѣ она *не испытываетъ никакихъ ощущеній*; онъ кажется ей лишь *грязнымъ* придаткомъ любви. Не смотря на это, жизнь ихъ протекала вполнѣ счастливо" (стр. 150, случай 3).

„Ласки доставляютъ удовольствіе", т.-е. впечатлительность наружной половой системы есть: и *кто*-бы эти ласки ни совершалъ, мужчина или женщина, очевидно удовольствіе будетъ одинаковымъ. Этой важной стороны

не отмѣчаетъ Форель,—тогда какъ въ ней ясенъ переходъ къ расширеннымъ возможностямъ. Но вполнѣ отсутствуетъ позывъ къ *мужскому сѣмени*: и этотъ-то *біологическій изворотъ* парализовалъ удовольствіе полового акта, въ которомъ это сѣмя воспринимается. Женщина обладаетъ органомъ совокупленія, но *но не для совокупленія*: оно не нужно, потому-что *сѣмя не нужно*. Поразительно и достопримѣчательно, что это біологическое „*не нужно* мнѣ" перешло, или, лучше сказать, отразилось во вкусѣ: „*отвратительно* для меня". На это нужно очень расширить глаза: мы вездѣ будемъ встрѣчать это „отвратительно" по отношенію къ половому акту въ обоихъ линіяхъ: въ содоміи, въ аскетизмѣ.

Поразительно, но вполнѣ понятно и вполнѣ ожидаемо, что съ паденіемъ полового инстинкта падаетъ, такъ сказать, „домоводственность". *Половой актъ*—безразличенъ, *мужъ*—не нуженъ. Тогда зачѣмъ-же домъ, хозяйство, въ обширномъ смыслѣ—„гнѣздо"? Явно, что и ихъ „не нужно". Умерла или какъ-то внутренно парализована, еще точнѣе—*чѣмъ-то связана*, половая страсть въ женщинѣ, женѣ: и въ ней разрушена *хозяйка* и *домоводительница*.

„Второй случай.

„Нормальный мужчина, съ нормальнымъ половымъ чувствомъ, женится по любви на дѣвушкѣ изъ хорошей семьи, но нѣсколько нервной. Невѣста разговорчива, оживлена и, повидимому, очень влюблена. Наступаетъ свадьба, а съ нею и первый холодный душъ для новобрачныхъ. Молодая жена *видитъ въ половомъ актѣ грубое оскорбленіе своихъ чувствъ; супружескія сношенія ей противны*. Для мужа это большое разочарованіе, но онъ спокойно разсудителенъ и потому рѣшаетъ вооружиться терпѣніемъ. Чтобы избѣгнуть огласки, обѣ стороны мирятся со своими разочарованіями и

стараются кое-какъ приспособиться другъ къ другу *Жена соглашается на половыя сношенія*, а мужъ примиряется съ ея холодностью. *Появляются дѣти* Жена *оказывается неспособною ни къ веденію хозяйства, ни къ воспитанію дѣтей*. Мужъ, будучи очень занятъ, вынужденъ заботиться и объ этомъ, но ему все труднѣе скрывать свое недовольство такимъ положеніемъ вещей, хотя для посторонняго глаза это еще и незамѣтно Онъ много зарабатываетъ такъ что хватаетъ на все" (стр. 148).

Такимъ образомъ субъекты съ половымъ безразличіемъ бываютъ не только брачны, но даже у нихъ и рождаются дѣти! Это нужно помнить, слыша иногда голоса даже *брачныхъ* людей объ отвращеніи ихъ къ половому акту: такой голосъ всегда звучитъ со стороны лицъ, которыя уже вошли въ линію передвиженія къ содоміи. Они выступили изъ категоріи своего пола, но пока остановились на чертѣ безразличія!

„Третій случай".

„Мужчина совершенно *нормальнаго крѣпкаго тѣлосложенія*, высокообразованный, *очень даровитый и этически развитый*; по странной случайности (?! В. Р.) *смолоду лишенъ всякаго полового чувства*. Только отъ поры до времени у него во время сна появляются поллюціи, которыя онъ замѣчаетъ проснувшись. Эрекція тоже бываетъ во время сна, но безъ всякихъ эротическихъ представленій, которыхъ у него, такъ сказать (?!. В. Р.), никогда не бывало. Несмотря на высокое образованіе и зрѣлый возрастъ, этотъ человѣкъ не имѣетъ понятія о половыхъ отношеніяхъ, и все, что онъ слышалъ или читалъ объ этомъ предметѣ, превратно понималось имъ или проходило для него незамѣченнымъ. Когда мнѣ пришлось говорить съ нимъ объ этомъ, получилось впечатлѣніе, *какъ если-бы человѣка, страдаю-*

мало дальтонизмомъ (неспособностью различать цвѣта), учили отличать цвѣта. *Въ супружествѣ онъ видѣлъ лишь интеллектуальный и сердечный союзъ* [1]), и воображалъ, что когда люди женятся, то дѣти появляются сами собой. *Женился* онъ на очень образованной дѣвушкѣ, не очень интеллигентной, но въ высшей степени *стыдливой и скромной*. Отношенія, конечно, получились странныя. Жена вскорѣ замѣтила недостатокъ мужа, а такъ какъ *ей очень хотѣлось имѣть дѣтей*, то это сильно огорчало мужа и она жестоко *упрекала мужа* [2]). Тогда ему мало-по-малу стало ясно, что бракъ, пожалуй, и не совсѣмъ то, что онъ себѣ представлялъ. Но никакіе совѣты на счетъ совершенія полового акта, разумѣется, не помогли, и *никакими способами не удалось возбудить въ немъ ни малѣйшаго полового чувства*. Тѣмъ не менѣе къ женѣ онъ всегда относился съ большимъ вниманіемъ и любовью; хотя при всемъ желаніи не могъ проявить къ ней половой, т.-е. чувственной, любовной страсти. Не желая огласки, она предпочитала терпѣть.

[1]) Основная точка зрѣнія *исторической церкви* на бракъ („ради духовныхъ цѣлей", „ради духовной гармоніи душъ", „ради совмѣстнаго стремленія къ нравственному совершенству"). Этотъ взглядъ такъ упоренъ и, традиціонно, такъ давно установился, что духовные писатели, даже подъ напоромъ полемики, не въ силахъ выговорить, написать: „бракъ ради страстно-любовнаго совокупленія",—что составляетъ очевидность для 999 изъ 1.000 человѣкъ, ибо составляетъ наличный фактъ жизни этихъ 999 изъ 1.000 человѣкъ. *В. Р—въ.*

[2]) Поразительно,—и соотвѣтствуютъ тому, что мы выше говорили о вѣчной женственности: „стыдлива и скромна" до степени, что это отмѣчается въ медицинскомъ документѣ („что ему Гекуба?), и *параллельно* этому, точнѣе — *въ основѣ* этого, въ ней лежитъ сильнѣйшій инстинктъ материнства, плодо-ношенія, чрево-наполненія, и, слѣдовательно, предварительнѣе всего—совокупленія. „Стыдлива и скромна *то-ху-что* похотлива", „рвется, молча и застѣнчиво, къ фаллу *пропорціональному* цѣломудрію"—вотъ формула! *В. Р—въ.*

„Другой мужчина, тоже образованный, хотя и одномѣрнѣе, отличался необыкновенной *застѣнчивостью* [1]) и велъ уединенную жизнь. Въ половомъ отношеніи онъ былъ совершенно равнодушенъ, и только изрѣдка у него происходили ночныя поллюціи. Хотя половыя отношенія не были совершенно чужды его пониманію, но у него отсутствовало всякое желаніе ихъ, и бракъ, подобно предъидущему, онъ представлялъ лишь въ видѣ чисто интеллектуальной связи. *Женился* онъ на интеллигентной, довольно страстной дѣвушкѣ. Съ самаго начала онъ сталъ вести себя съ женой необыкновенно сдержанно, что до глубины души возмущало и огорчало ее. Правда, что такое поведеніе вытекало, главнымъ образомъ, изъ его *застѣнчивости и чисто дѣвичьей конфузливости*. Жена явилась ко мнѣ за совѣтомъ. Родные совѣтовали ей развестись, на что она не могла рѣшиться, жалѣя мужа. Пришелъ и мужъ ко мнѣ. Я основательно просвѣтилъ его и въ довершеніе прочелъ ему порядочную нотацію за его поведеніе въ отношеніи жены... Спустя нѣкоторое время я сказалъ женѣ его, что ей придется духовно *взять на себя роль мужа*, и, въ виду его застѣнчивости, сдѣлать первый шагъ въ половомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось дальше прослѣдить этотъ случай" (стр. 151—153).

Д-ръ Форель не подчеркиваетъ здѣсь появленіе „неодолимой *застѣнчивости*", „чисто *дѣвической стыдливости*",—симптомовъ вовсе не кажущихся только, но *совершенно реальныхъ — дѣвушки*. Между тѣмъ этотъ фактъ проливаетъ свѣтъ на весь рядъ этихъ явленій.

[1]) Впервые появляется качество *дѣвушки*! Какъ это интересно — просто содрогаешься читать! Міровая тайна, коловезь міровыхъ секретовъ. *В. Р—въ.*

опредѣляя его какъ *переходъ мужчины въ дѣвичество*, изъ „+ O" пола въ „− O" его. Онъ, слѣдовательно, выражается:

1) въ молчаніи полового аппетита, вѣчной *сытостью собою* и *въ себѣ*;
2) въ чувствѣ *отвращенія къ половому акту;*
3) въ *неспособности совершить его*, полной или почти полной (степени, рядъ тѣней).
4) въ сохраненіи *вторичныхъ* (дополнительныхъ) *качествъ супруга*—влеченія къ психологическому или интеллектуальному общенію съ женщиною, постоянному и тѣсному,—что и бываетъ причиною заключенія брака, въ этомъ случаѣ не *плотскаго*, а *духовнаго*, спиритуалистическаго;
5) въ появленіи *вторичныхъ* же, дополнительныхъ *качествъ дѣвушки*, выраженныхъ болѣе или менѣе, и при необращеніи въ эту сторону вниманія наблюдателя — не отмѣчаемыхъ вовсе (застѣнчивость но встрѣчаются и другія).

Касательно „сытости собою и въ себѣ", я долженъ замѣтить, что бракъ, супружество и даже половой актъ, конечно происходитъ у этихъ субъектовъ, но протекаетъ *не въ половыхъ ихъ органахъ*, а во *всей организаціи*, въ *общей организаціи*, преимущественно-же *въ крови*. Бракъ и даже актъ супружества есть прониканіе другъ въ друга и другъ другомъ мужской природы и женской природы. Въ данномъ субъектѣ, какъ и въ каждомъ человѣкѣ, обѣ эти природы есть, такъ какъ онъ произошелъ не отъ *одной* матери и не отъ *одного* отца, но отъ *соединенныхъ* матери и отца, отъ клѣточки мужской *и* женской. До 11—13 лѣтъ обѣ эти стороны, или, точнѣе, части бываютъ *связаны* одна другою, и отъ этого *не-*

дѣлимы: но съ перваго-же дня зачатія и во все время утробной жизни и потомъ во внѣ утробной, *до пробужденія полового инстинкта*,—совершается половая вибрація, какъ-бы нажимъ и разжимъ гармоники, одна половина которой –женская, а другая мужская, *внутри самого организма*; откуда и происходитъ его жизненность, живость, сила, сіяніе (младенчество, дѣтство). Но съ 11—13 лѣтъ та половина, которая соотвѣтствуетъ наружнымъ половымъ органамъ, получаетъ перевѣсъ, противоположная-же подсыхаетъ, изсякаетъ, мялится (хотя никогда *вовсе* не исчезаетъ, ибо тогда человѣкъ *умеръ*-бы): и женщину, которую ранѣе человѣкъ *находилъ внутри себя*—онъ теперь ищетъ *внѣ себя*, находитъ ее, и вступаетъ съ нею въ бракъ; и является *внѣшнее половое сліяніе*. Такъ бываетъ обыкновенно съ 999 изъ 1.000 Но въ немногихъ случаяхъ, въ одномъ изъ тысячи, *ни которая* половина до конца жизни не перевѣшиваетъ,—и *внѣшній бракъ не возможенъ*. Человѣкъ остается, въ сущности, до конца жизни *отрокомъ*. Наконецъ, въ 1 случаѣ изъ 10.000 (приблизительно) получаетъ перевѣсъ не сторона, отвѣчающая наружнымъ половымъ органамъ (которые въ такомъ случаѣ являются напрасно и не нужно данными этому субъекту, *ни къ чему у него не пригодными*, подлежащими собственно полному, напр., хирургическому удаленію), а сторона другая: именно дѣвушки, не смотря на мужскіе половые органы, и мужчины—не смотря на женскую дѣтородную систему.

Разсказанные случаи всѣ и относятся къ моменту этого перехода, суть начало этого перехода. Они образуютъ $\frac{\text{муже}}{\text{дѣвство}}$ и $\frac{\text{дѣво}}{\text{мужество}}$, *полу*-гомосексуальность или *полу*-содомію, иначе могущую быть названною, за отсутствіемъ физическаго общенія, *духовною содоміею* или *духовною* гомосексуальностью. Хотя, долженъ при-

зваться, оба эти термина мнѣ противны и не точны, и употребляю я ихъ единственно для того, чтобы обозначить явленія, о которыхъ говорю. Это есть то удивлявшее еще въ древности состояніе людей, когда они не отяжелены общимъ бременемъ всѣхъ людей, общею заботою всѣхъ людей, всемірною рода человѣческаго нуждою - найти себѣ самку, „соотвѣтственную себѣ" (Бытіе. II), самца „соотвѣтственнаго себѣ", — „супругу", „супруга". Это — отъ вѣка *не* „обрученные" люди, которые или не будутъ „супружиться", или и посупружась — будутъ вести жизнь, какъ дѣвственные. Это „тѣ, которые не осквернились съ женами, понеже дѣвственники суть", и число ихъ исчислено въ небольшую для судебъ всего человѣчества цифру 144.000; „скопцы отъ чрева матери", предназначенные для „царства небеснаго", гдѣ „не посягаютъ и не женятся" и „не будутъ имѣть дѣтей". Отвратительными медицинскими терминами и фантастическими, совершенно глупыми представленіями и сплетнями общества, *истина* этого явленія глубоко погребена подъ *соромъ*; и въ то время какъ общество, ничего не знающее о такомъ субъектѣ *лично*, любуется имъ какъ какимъ-то спокойнымъ „ангеломъ", незнающимъ самыхъ томительныхъ человѣческихъ заботъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ унизительныхъ, ибо „отысканіе" самки (или самца) себѣ всегда сопряжено съ само-порабощеніемъ, съ заискиваніемъ, „ухаживаніемъ",—тоже самое общество, не зная глубины явленія и не догадываясь, что къ категоріи этой принадлежатъ всеобще-любимыя и почитаемыя лица,—рисуетъ вообще и шаблонно, механически и машинно, всю эту категорію людей „извращенными", „развратными", „больными", „уродами", чему, главнымъ образомъ, способствовала ремесленная медицина и ремесленная юрисдикція. Врачъ съ клистирной трубкой и пластыремъ и судья, всегда судившій кражи, убійства и подлоги, встрѣтясь съ явленіемъ, для котораго недостаточно всѣхъ умственныхъ силъ Пастёра, Шарко и друг., стали — одинъ брызгать на него изъ клистирной трубки, а другой приговорилъ его въ тюрьму; обои—„по профессіи своей", по привычкѣ своей, по традиціи своей; проще-же—оттого, что они *никогда ничего другого* и не умѣли дѣлать ни съ чѣмъ. Все это разсказано еще въ баснѣ о пѣтухѣ, который

Навозну кучу разрывая

нашелъ зерно особой породы, вида, и, *спросивъ* у него свойствъ ячменнаго зерна, и *не найдя* ихъ—разразился извѣстнымъ глубокомысленнымъ разсужденіемъ-бранью.

Само-отрицаніе пола; духовная содомія и аскетизмъ.

Между тѣмъ это рѣдкое явленіе, но совершенно естественное въ *текущемъ полѣ*, явленіе = *полового вожделѣнія*, оно-то и лежитъ малымъ горчичнымъ зерномъ, изъ котораго выросло дерево, затѣнившее вѣтвями своими цѣлую землю, и отъ плодовъ котораго духовно питаются всѣ народы.

Спѣшатъ-ли въ далекія страны вновь открытой Америки или древняго Китая посланцы папы, прозелиты вѣры, возможные мученики: знайте, *это* — *дѣвственники*. Они *никогда* не женятся.

Спѣшитъ-ли въ духовную академію загасить лишнюю *свѣтскость*, лишніе *земные интересы*, излишнее увлеченіе *наукою*, а не *святостью*—строгій судія: и не спрашивая можно знать, что это есть лицо, никогда *не осквернившее себя* прикосновеніемъ къ женщинѣ!

Кто слагалъ дивныя обращенія къ Богу?—Они!

Кто выработалъ *съ дивнымъ вкусомъ* всѣ ритуалы?—Они!

Кто выткалъ всю необозримую ткань нашей религіозности?—Они, они!

„Особыя силы духовныя!..“

„Особая помощь!“

— пола и есть та *сѣчa*, о свѣтѣ которой сказано, что „тьма никогда его не обниметъ“. Тьма чего? „Грѣха“, „похоти“, „вожделѣнія къ женщинѣ“, „*скверны*“.

Это имя „скверна“, какъ только оно гдѣ-нибудь прозвучало, до Р. Х. или послѣ Р. Х., въ Элладѣ или въ Германіи, въ книгѣ свѣтской или въ книгѣ духовной, оно выразило *обоняніе* $\frac{\text{муже}}{\text{дѣвы}}$, *осязаніе* $\frac{\text{муже}}{\text{дѣвы}}$, *вкусъ* $\frac{\text{его}}{\text{ея}}$, представленіе $\frac{\text{его}}{\text{ея}}$, воображеніе $\frac{\text{его}}{\text{ея}}$. *Только это одно ощущеніе* и кладетъ водораздѣлъ между + пола и ± пола, размноженіемъ и содоміею. *Ничто еще*! Или все другое—побочно, второстепенно, не непремѣнно. „Вкусно“!—„*Не* вкусно“! И—больше ничего. Это—*главное*, почти—*все*!

„Все“ это,—„вкусно“ и „*не* вкусно“—проницаетъ человѣка до глубины костей, до послѣдней кишки, до самой малой артеріи; объемлетъ мозгъ его, зрѣніе его, слухъ его, обоняніе его. У духовнаго содомита, это все—уже *другое*, нежели у размножающагося, у многодѣтнаго существа.

Глазъ у содомита—другой!

Рукопожатіе—другое!

Улыбка—совсѣмъ иная! Обращеніе, манеры, все, все—новое!

Если хотите—онъ *третій* человѣкъ около Адама и Евы; въ сущности—это тотъ „Адамъ“, изъ котораго *еще не вышла* Ева; первый *полный* Адамъ. Онъ древнѣе того „перваго человѣка, который *началъ размножаться*“. Онъ

смотритъ на міръ болѣе древнимъ глазомъ: несетъ въ натурѣ своей болѣе древніе залоги, помнитъ болѣе древнія сказки міра, и болѣе древнія пѣсни земли. Въ *космологическомъ* и *религіозномъ* порядкѣ онъ предшествуетъ размноженію; размноженіе пришло *потомъ*, пришло *позднѣе*, и покрыло его, какъ теперешніе пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацію. Онъ — девонская формація; размноженіе—теперешняя.

Отъ этихъ „болѣе древнихъ сказокъ“ и „болѣе древнихъ пѣсенъ“, какія онъ несетъ въ своей натурѣ, помнитъ и не помнитъ ихъ, забылъ и не совсѣмъ забылъ,—все существо его какое-то терпкое, сопротивляющееся, устойчивое, необоримое. „И мгла (размноженія) его не поглотитъ“. Какъ ни *мало* ихъ на землѣ во всякое время,—такъ мало, что даже къ „свѣтопредставленію“ наберется всего 144.000,—творчество ихъ, начиная съ двухъ мудрецовъ Грецін, Сократа и Платона, необозримо по величинѣ, и не только устойчиво, но и совершенно вѣчно. „Девонская формація въ человѣчествѣ заговорила“. Почти всегда они консерваторы („девонская формація“), не любятъ новаго, точнѣе—новенькаго, „современнаго“. Все тянутъ назадъ, въ глубь вѣковъ. Это говоритъ въ нихъ древняя пѣсня, зоветъ къ себѣ древняя пѣсня,—ихъ „рай“ метафизическій, „рай“ въ костяхъ ихъ, въ крови ихъ, во *вкусовомъ* ихъ ощущеніи. Будетъ-ли онъ композиторомъ—музыка его будетъ особенная; будетъ-ли онъ живописцемъ—картина его будетъ особенная; что *философія* ихъ была особенная—объ этомъ говорятъ Сократъ и Платонъ, неудачный мужъ Ксантипы и вѣчный дѣвственникъ, инокъ-старецъ античнаго міра. До него были дьячки и діаконы философіи: но вотъ изъ садовъ Академіи, точно съ трикиріями и въ полномъ облаченіи, исшелъ великій архіерей

метафизики. И все умолкло, преклонилось и восхитилось.

Муже дѣвы и ихъ ученіе.

Какъ человѣкъ съ + 1 + 2 + 3 и т. д. полового притяженія чувствуетъ въ половомъ актѣ 1) здоровое, 3) нравственное, 3) полезное, 4) благородное. 5) прекрасное,— и отцы и матери чистѣйшихъ дѣвушекъ, въ случаѣ выхода ихъ замужъ за неспособнаго, гнѣвно требуютъ расторженія такого брака, какъ *гнилого* и *мерзкаго*, чтобы отдать вторично дочь свою за способнаго мужчину, который могъ-бы ее растлить и забеременить, — а когда у дочери родится первый младенецъ, то, какъ я два раза наблюдалъ, дѣды трогательно носятъ при себѣ фотографію [1]) этого младенца (въ одномъ случаѣ младенецъ былъ снятъ голенькимъ),—такъ духовные содомиты „и вообразить себѣ не могутъ" этотъ актъ иначе, какъ позорнымъ, глупымъ, сквернымъ, грязнымъ, обобщенно и отдаленно—

[1]) О Д. И. Менделѣевѣ мнѣ было передано, очень трогательно,—что когда одна изъ дочерей его, выйдя замужъ, первые годы не беременѣла, то отецъ выражалъ крайнее смущеніе, неровность и безпокойство, исчезнувшее съ беременностью ея. Въ „Семейной хроникѣ" С. Т. Аксакова это-же разсказывается объ отцѣ женившагося молодого человѣка. Одна замужняя и бездѣтная дама, супруга высоко-интеллигентнаго доктора и сама высоко-интеллигентная женщина, передала мнѣ, что годъ на 5-ый замужества отецъ прошепталъ ей какъ-то, „что-же, Н (ласкательное имя), ты не родишь намъ съ матерью внука". Вообще потомства всѣ ждутъ не спокойно, а *жадно*; и какъ мы—„по образу и подобію Божію", то *также* ожидаетъ, именно *нетерпѣливо* ожидаетъ, Богъ отъ всякаго юноши и отъ всякой дѣвушки дѣтенышей. Этому-то Божескому ожиданію и отвѣчаетъ волна страсти въ насъ. Всѣ богословскія книги не могутъ опровергнуть этой строки. А въ ней — гробъ монашества. *В. Р—въ.*

грѣховнымъ, противнымъ Богу, безнравственнымъ. То ожесточенное — „я *дѣвица*", которымъ отвѣчаютъ полные, физическіе содомиты, когда медикъ и судья называютъ ихъ мужскимъ именемъ, даннымъ при крещеніи, это самое ожесточенье и *полная увѣренность*, будто съ ними солидаренъ и весь свѣтъ, будто всѣ *люди* „также чувствуютъ", выражается у полу-содомитовъ въ ощущеніи гнусности полового акта. И это понятно. Вся та степень гнушенія, какую нормальный человѣкъ (съ „+ 1" пола) испытываетъ къ воображаемому или дѣйствительному, къ видимому или читаемому такъ называемому *извращенному* половому сближенію, мужчины и мужчины или женщины и женщины, весь *этотъ-же ужасъ* и *мистическій страхъ* чувствуетъ человѣкъ съ „±" полового притяженія *къ естественному*, т.-е. вообще къ *бывающему совокупленію*, къ *браку*: „нельзя представить, чтобы *кто-нибудь* не гнушался", „нельзя повѣрить, чтобы *кто-нибудь* это дѣлалъ безъ ощущенія *грѣха*!" Никто не можетъ перескочить черезъ свою *кровь*: и что для *насъ — содомическій* актъ, то для *нихъ — нормальный*. Содомія есть „извращеніе" для насъ: но и обратно — „наше" есть „извращеніе" для содомита. Въ безчисленныхъ сочиненіяхъ, свѣтскихъ и философскихъ, но главнымъ образомъ—въ духовныхъ, они убѣждаютъ, увѣряютъ, клянутся, что это „гнусно", хотя всѣ другіе говорятъ, что это—„хорошо"; увѣряютъ, что „*никто* этого не чувствуетъ какъ *хорошее*", что „*всѣ* этого *стыдятся*", когда *никто* этого *не* стыдится (*открытое* семейное положеніе, „откровенное" выдаванье дочерей въ замужество, „откровенная" женитьба родителями сыновей); *гнушаются*, будто Богъ „*запретилъ* это", „*не хочетъ* этого", хотя „плодитесь, множитесь" стоитъ на первой страницѣ Библіи. „Чувствуемъ какъ *дѣвы*", говорятъ длинноволосые,

съ *дѣвичьими* волосами субъекты: и, по крайней мѣрѣ въ *духовной* литературѣ, нѣтъ ни одного голоса, который разрушилъ бы это согласіе, это единогласье,—по чему можно заключить, что *вся* духовная литература течетъ *отъ этого источника*, ему *одному* обязана своимъ происхожденіемъ; и, словомъ, что „суть духовнаго" есть въ тоже время „суть содомскаго". Не говорю, что всѣ духовные писатели искренни въ этомъ утвержденіи, такъ какъ они множатся вообще какъ и мы, и вообще *сословіе* не можетъ принадлежать къ этой рѣдкой категоріи: но кто внутренно и не согласенъ съ этимъ содомскимъ вкусомъ — вынужденъ уже закономъ и традиціею повторять тоже; „приличіе требуетъ" не измѣнять духовному содому и хотя-бы слово сказать въ пользу библейскаго, естественнаго, всеобщаго совокупленія и ощущенія этого совокупленія. „И намъ *не нравится*", говорятъ десяти-дѣтный протоіерей и восьми-дѣтный діаконъ; „и мы *стыдимся*,— чувствуемъ *противоестественность* и *грѣховность*", — говоритъ прискивающій спѣшно и жадно для своей дочери мужа соборный настоятель.

Замѣчательно, что у двухъ нашихъ писателей, которые „съ ума-бы сошли", еслибы кто-нибудь ихъ заподозрилъ въ содоміи (духовной), тѣмъ не менѣе встрѣчаются слова, выраженія, описанія, безспорно говорящія о присутствіи у нихъ обоихъ этого начала, этой стихіи, по крайней мѣрѣ въ качествѣ *прослойки* души, *вѣянія, горчичнаго зерна*...

Вотъ любопытные отрывки:

„Нехлюдовъ, хотя и скрывалъ это отъ себя, хотя и боролся съ этимъ чувствомъ, *ненавидѣлъ своего зятя*. Антипатиченъ онъ ему былъ своей вульгарностью чувствъ, самоувѣренной ограниченностью, и, *главное, антипатиченъ былъ ему за сестру*, которая могла такъ

страстно, эгоистично-чувственно любить эту бѣдную натуру, и въ угоду мужу могла заглушить все то хорошее, что было въ ней"... Доселѣ—мораль, хотя гдѣ-же набраться все даровитыхъ зятьевъ? Можно любить и „кой-какихъ": вѣдь любилъ-же и оттѣнилъ всѣ качества самъ Толстой у Ник Ростова („Война и Миръ"). Но вотъ слушайте дальше: выступаетъ физіологія, и Толстой произноситъ слова типичнаго урнинга, какихъ не пришло-бы на умъ написать, не „написалось-бы" *по натурѣ* ни у какого автора *только-одного*. Нехлюдову всегда было мучительно-больно думать, что Наташа— *жена этого волосатаго съ глянцевитой лысиной самоувѣреннаго человѣка. Она даже не могъ удерживать отвращенія къ его дѣтямъ*. И всякій разъ, когда узналъ, что она готовится быть матерью, *испытывалъ чувство, подобное соболѣзнованію, о томъ, что опять она чѣмъ-то дурнымъ заразилась отъ этого чуждаго имъ всѣмъ человѣка*". („Воскресенье" Л. Н. Толстого, гл. XXIX).

Эти слова о *беременности*, какъ „*заразѣ* чѣмъ-то", до того новы и необычайны во всемірной литературѣ, во всемірной мысли, и вмѣстѣ они до того ярки, страстны, что и безъ моего подсказыванія всякій читатель почувствуетъ, что тутъ въ фундаментѣ лежитъ какое-то мірovое извращеніе, „поворотъ земной оси на другой градусъ"...

Тамъ-же, въ „Воскресеніи", въ части 3-ей, гл. III, описана содомитянка безъ всякаго подозрѣнія автора о томъ, что именно онъ рисуетъ: но портретъ такъ полонъ, что просится къ Крафтъ-Эбингу. Вѣрнѣе, Эбингъ никогда не написалъ-бы своей глупой книжонки, узнай онъ это описаніе Толстого, и догадайся въ неповоротли-

вомъ умѣ своемъ, что дѣло тутъ идетъ о его (мнимыхъ) „паціентахъ“:

„Она (Катюша Маслова) восхищалась всѣми своими новыми сотоварищами (политически - ссыльными). Но больше всѣхъ она восхищалась Марьей Павловной; и не только восхищалась ею, но полюбила ее *особенной почтительной и восторженной любовью*. Ее поражало то, что эта *красивая дѣвушка изъ богатаго генеральскаго дома*, говорившая на трехъ языкахъ, *держала себя какъ простая работница* [1]), отдавала другимъ все, что присылалъ ей ея богатый братъ, и одѣвалась и обувалась *не только просто, но бѣдно, не обращая никакого вниманія на свою наружность* [2]) Эта черта: совершенное отсутствіе кокетства, особенно удивляла и потому прельщала Маслову. Маслова видѣла, что Марья Павловна *знала*, и даже что *ей пріятно было знать, что она красива*, но что она не только *не радовалась* тому *впечатлѣнію*, которое производила *на мужчинъ*, но *боялась* этого *и испытывала прямое отвращеніе и страхъ къ влюбленію* [3]). Товарищи ея, *мужчины*, знавшіе это,

[1]) Параллель этому—легкое, *безъ страданія, безъ физической муки отъ тренія*, оставленіе древними христіанками-дѣвами родительскихъ домовъ и всей обстановки богатства и *удобства*. Полу-содомитки, т. е. полу-мужчины, — внутренно жёстки: и потому жёсткое снаружи ихъ не „деретъ“ по кожѣ, по вкусамъ и по душѣ. *В. Р—въ.*

[2]) Какая аналогія съ *инокинями, съ монастыремъ*! Явно,—*одно вдохновеніе* тамъ и здѣсь! Но слѣдите-же, изъ какого *однако родника* физіологіи бьетъ это вдохновеніе, и вся сумма этихъ *вкусовъ*, какъ антипатій и симпатій. *Venus utriusque sexus* (см. выше), отвращающаяся отъ *мужской* похоти!.. *В. Р—въ.*

[3]) Поразительно. Толстой чуть-чуть не договорилъ „всего дѣла“: „своя *красота* радуетъ, но *мужское* влюбленіе *пугаетъ*“. Да вѣдь это *весь* очеркъ — Артемиды (богини *луны*) греческой, охотницы, блуждающей по лѣсамъ. Но „радующая красота“ явно

если и чувствовали влеченіе къ ней, то ужъ не позволяли себѣ показывать этого, и *обращались съ ней, какъ съ товарищемъ - мужчиной*. Но незнакомые люди часто приставали къ ней, и отъ нихъ, какъ она разсказывала, спасала ее ея *большая физическая сила, которой она особенно гордилась* [1]). „Одинъ разъ, — какъ она смѣясь разсказывала. — ко мнѣ присталъ на улицѣ какой-то господинъ, и ни за что не хотѣлъ отстать такъ *я такъ его потрясла, что онъ испугался и убѣжалъ отъ меня*“.

„Она разсказывала, что *съ дѣтства чувствовала отвращеніе къ господской жизни, а любила жизнь простыхъ людей, и ее всегда бранили за то, что она въ дѣвичьей, въ кухнѣ, въ конюшнѣ, а не въ гостинной.*

„— А мнѣ *съ кухарками и кучерами бывало весело, а съ нашими господами и дамами скучно*“, — разсказывала она.—„Потомъ, когда я стала понимать, я увидала, что наша жизнь совсѣмъ дурная. Матери у меня не было, *отца я не любила*; девятнадцати лѣтъ я *съ товаркой ушла изъ дому и поступила работницей на фабрику*“ [2]).

радуетъ въ отношеніи *кого-то*, п. ч. иначе это была бы какая то онанистическая эстетика. Кого-же? Да *дѣвушекъ, женщинъ*! Марья Павловна не дошла немного „до точки“, какъ не дошла и Артемида. Еще шагъ—и получилась-бы поэтесса Сафо съ о-ва Лесбоса. Артемида— *недоконченный* или вѣрнѣе *переходный* типъ греческой миѳологіи *В. Р—въ.*

[1]) Полная аналогія „паціенткамъ“ Крафтъ-Эбинга! Если-бы Толстой зналъ объ этомъ совпаденіи! Если-бы объ этомъ совпаденіи зналъ Крафтъ-Эбингъ! *В. Р—въ.*

[2]) Поразительныя подробности... О, сколько аналогій съ первыми инокинями... „Не любила *отца*“... Имѣющія *сами не рождать*, „безсѣменныя“ сами,—ничего не чувствуютъ къ вертикальнымъ степенямъ родства: дѣтей—*не будетъ*, а родителей какъ-бы *нѣтъ*. „Чужія“ по направленію *внизъ и вверхъ*, но за-то *удвоенно-*

„Послѣ фабрики она жила въ деревнѣ, потомъ пріѣхала въ городъ, была арестована и приговорена къ каторгѣ. Марья Павловна не разсказывала никогда этого сама, но Катюша узнала отъ другихъ, что приго-

родныя въ связанности съ *однолѣтками*, съ друзьями (юноши), съ подругами (дѣвушки)... Лесбіянство въ духовной степени — этой Мар Пав выражается въ томъ, что она уходитъ на фабрику не съ „героемъ — юношею", не съ „женихомъ" (обычная форма, обычный мотивъ, обычная тяга), а *съ подругою*. Но уже по-истинѣ ея „подруга" есть ея тайный „женихъ". Два шага-бы впередъ, въ организаціи и жизни: и эта Марья Павловна, какъ древняя жрица Крита или Египта, пошла-бы съ этою „подругою" не на фабрику, а въ храмъ Парсефены или Плутона („подземные" боги, боги „Аида"), съ цвѣтами, жертвами и мольбою: „Побрачьте насъ, двухъ дѣвушекъ... Ибо *мужчинъ мы обѣ ненавидимъ*" (Dea Lunus). Еще замѣтка: такъ вотъ гдѣ *родникъ* безумной роскоши, утопанія въ роскоши „напудренныхъ маркихъ" или разныхъ „Клеопатръ" всѣхъ вѣковъ, обычно окруженныхъ любовниками (самцами). Близкость къ Лесбосу, „мужское въ женскомъ", „вліяніе Луны" отражается суровостью, „ненужностью вещей", „ненужностью имущества и обстановки" (всего, что „рождаетъ Солнышко")... Обратно: повышенная *самочность* и приближеніе къ „вѣчной женственности", утончая нервы, увеличивая пахучесть, увеличивая „нектаръ" души и физики, порождаетъ тоскливое желаніе весь міръ обратить въ „кружева и паутину", или обвить весь міръ чѣмъ-то „кружевнымъ", роскошью, нѣгою... „Дворецъ не дворецъ" и „обстановка не обстановка"... Это—*другой полюсъ монастыря*: увы, столь естественный полюсъ!! До чего разгадывается цивилизація! Какъ невозможно цивилизацію постигнуть безъ обращенія вниманія на вѣчную борьбу „полнобедренной" Афродиты (и „Пѣсни пѣсней") съ худощавою Ашерою, которой въ „жертву" сжигали дѣтей... которой „ничего не надо", кромѣ кельи и ломтя хлѣба, кромѣ „селедки" нашихъ соціалъ-демократовъ (см. у Степняка, въ „Подпольной Россіи": вѣчно ѣдятъ, на „конспиративныхъ пирушкахъ", свою „селедку", не догадываясь, до чего это показуетъ ихъ связь и съ Ганимедомъ-Лесбосомъ, и съ Ашерою-инокинею). *В. Р—въ.*

ворена она была къ каторгѣ за то, что *взяла на себя чужую вину* [1]).

„Съ тѣхъ поръ, какъ Катюша узнала ее, она видѣла, что, гдѣ бы она ни была, при какихъ бы ни было условіяхъ, Марья Павловна *никогда не думала о себѣ, а всегда была озабочена только тѣмъ какъ бы услужить, помочь кому-нибудь въ большомъ или маломъ*. Одинъ изъ теперешнихъ товарищей ея, Новодворовъ, шутя говорилъ про нее, что она *предается спорту благотворенія*. И это была правда. *Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ*. И этотъ спортъ сдѣлался *привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни*. И дѣлала она это такъ *естественно*, что всѣ, знавшіе ее, уже *не цѣнили, а требовали этого* [2]).

[1]) Великодушіе, состраданіе, чисто „христіанскія чувства" и „христіанскія отношенія"... Между тѣмъ *по-исповѣданію* она атеистка и, вообще, внѣ—всякихъ религій. Мы отсюда можемъ судить, откуда *въ религіяхъ-то взялись* всѣ эти ихъ типичныя черты, будто-бы „Богомъ заповѣданныя" и человѣкомъ только „принятыя къ *исполненію*". Нѣтъ, все отъ матушки-натуры: но только въ „натуру"-то эту надо вглядѣться и разсмотрѣть всѣ ея *разнообразные* слои, „почвы", „подпочвы", „суглинокъ", „песокъ" и „среднее"... *В. Р—въ.*

[2]) Поразительно: *полный очеркъ* древней христіанки! Но родникъ въ томъ, что *метафизически* перерѣзаны вертикальныя связи (съ *дѣтьми* и *родителями*) и *метафизически*-же отросли такія толстыя „ручищи" (вмѣсто genitalій) для „связыванія" съ „ближними", съ „сосѣдями", съ „однолѣтками", что связь эта необорима, неубиваема, неустанна, не тягостна, и прямо „въ пищу", „въ насыщеніе" полу-содомитокъ... Она вовсе *не устаетъ* на помощи „ближнему", „въ услуженіи" ближнему, духовнымъ „братьямъ" и „сестрамъ",—и точно *также и по той-же причинѣ* не устаетъ, какъ sainte prostituée Египта не уставала совокупляясь... *Разныя* „призванія", и радость, восторгъ въ исполненіи мірового „служенія"... Но изъ

„Когда Маслова поступила къ нимъ, Марья Павловна почувствовала къ ней отвращеніе, гадливость; Катюша замѣтила это. Но потомъ также замѣтила, что Марья Павловна, сдѣлавъ усиліе надъ собой, стала съ нею особенно добра и ласкова. И доброта, и ласка татакого необыкновеннаго существа такъ тронули Маслову, что она всей душой отдалась ей, безсознательно усвоивая ея взгляды и невольно во всемъ подражая ей. Эта преданная любовь Катюши тронула Марью Павловну, и она также полюбила Катюшу.

этого ясно, до чего „дѣво-мужи" и „муже-дѣвы" необходимы въ цивилизаціи, какую колоссальную роль въ жизни играютъ эти „никогда не выходящія замужъ", какая толща работы принесена ими на алтарь человѣчества. Между тѣмъ что такое „содомъ" по-оцѣнкѣ юриспруденціи, полиціи? по оцѣнкѣ религіи? наконецъ, „безстрастной науки"? Предметъ „сѣрнаго огня" кутузки и дома умалишенныхъ!!! И только отъ того, что незамѣчены были *переходныя формы* къ содоміи, да и она сама была постигнута не въ психологіи своей, не въ талантѣ и чести, но подъ угломъ *единственно* и *одного* actus'a sodomicus'a, котораго въ $^{9}/_{10}$ случаевъ и *не бываетъ вовсе*, а при „духовныхъ содружествахъ", хотя они сопровождаются уже тѣлесною любовью, иногда—тѣлеснымъ влюбленіемъ (тутъ—мріады степеней) этотъ actus отсутствуетъ и въ $^{10}/_{10}$ случаевъ... Все было проклято изъ-за дѣйствительно гнуснаго coitus'a per anum: котораго или *нѣтъ*, или онъ есть только одна *жилка*, который-то „нервъ", не главный и даже не *мучущій*, въ необозримомъ организмѣ содоміи, какъ необыкновенной близости, какъ „проницанія лучами другъ друга", какъ „щупанье небеснымъ щупальцами" душъ другъ друга, какъ любовь и наконецъ (лунная) влюбленность особей съ тѣми-же genital'іями, одинаковыми у обоихъ влюбленныхъ. Стоило-бы медицинѣ и юриспруденціи плюнуть на эти „genital'іи", какъ „плевали" на свои genitalia „пациенты", подавляли ихъ, хотѣли-бы отрѣзать, они имъ были „не нужны", „не интересны", „мертвы" и никогда „не возбуждались": и тотчасъ-бы они поняли это явленіе, и сами обольщенно залюбовались-бы роскошью плодовъ, приносимыхъ имъ на столъ всемірной цивилизаціи! Добавлю то, что все время

„Женщинъ этихъ сближало еще и то *отвращеніе, которое объ онѣ испытывали къ физической любви*. Одна ненавидѣла эту любовь потому, что извѣдала весь ужасъ ея; *другая — потому, что, не испытавъ ея, смотрѣла на нее, какъ на что-то непонятное и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительное и оскорбительное для человѣческаго достоинства*" [1]).

* * *

Влад. Соловьевъ, въ сумбурномъ, спутанномъ предисловіи къ своимъ стихамъ, высказываетъ нѣсколько сужденій, не связанныхъ и не связуемыхъ между

на всемъ пространствѣ этой книги, хотѣлъ сказать: что уже самая *обыкновенная* дружба, между „Иванъ Ивановичемъ" и „Петръ Ивановичемъ", между „Ольгой Семеновной" и „Варварой Петровной", простое ихъ „симпатизированье" другъ другу, но *отличающееся отъ безразличія или равнодушнаго отношенія* ко встрѣчнымъ окружающимъ, есть содомія въ дроби $^{1}/_{100}$, $^{1}/_{1000}$. Но все-таки именно „безкорыстное", „не утилитарное" *отношеніе близости* на почвѣ любви, на почвѣ „почему-то нравится", и „нравится *особенно* и *больше всѣхъ*"—есть *содомія*, т. е. дробь содоміи. Какъ только мы это признаемъ или объ этомъ догадались, такъ поймемъ, что въ сущности вся жизнь залита содоміею, проникнута ею какъ сахаръ, опущенный въ стаканъ чаю, тающій и еще не растаявшій... И что какъ сахаръ придаетъ вкусъ чаю, такъ essentia sodomica сообщаетъ сладость, пріятность, легкость, облегченность, связанность и „соціальность" всей жизни... *В. Р—въ.*

1) Ну, вотъ—и больше ничего не надо! Полное опредѣленіе содоміи по Крафтъ-Эбингу и друг. „Имъ это (половое сношеніе) непонятно и отвратительно" и кажется чѣмъ-то „оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства". Ретроспективно бросая взглядъ на споры, наложенные въ моей книгѣ „Въ мірѣ неяснаго и перѣшеннаго", только теперь понимаешь ихъ источникъ и пафосъ, и что спорившіе о *девствѣ* и *бракѣ* „никакъ не могли согласиться": ихъ спорили-то *полу-содомиты*,—сами этого о себѣ не знавшіе,—и *обыкновенные люди*. *В. Р—въ.*

бою, но въ которыхъ слышится этотъ-же крикъ „священнаго галла":

„Стихотворенія „Das Ewig-weibliche" и „Три свиданія" могутъ подать поводъ къ обвиненію меня въ пагубномъ лжученіи, не вносится-ли здѣсь женское начало въ самое Божество? Въ отвѣтъ на это я долженъ сказать слѣдующее: 1) перенесеніе плотскихъ животно-человѣческихъ отношеній въ область сверхъ-человѣческую есть величайшая *мерзость* и причина крайней гибели (потопъ, Содомъ и Гоморра, „глубины сатанинскія" послѣднихъ временъ), 2) поклоненіе женской природѣ самой по себѣ, т. е. началу двусмыслія и безразличія, воспріимчивому ко лжи и злу не менѣе, чѣмъ къ истинѣ и добру – есть величайшее *безуміе* (оба курсива С—ва) и главная причина господствующаго нынѣ размягченія и разслабленія; 3) ничего общаго съ этою глупостью и съ тою мерзостью не имѣетъ истинное почитаніе вѣчной женственности („Вѣчнаго Дѣвства"? „Вѣчной Дѣвы," — мерцавшей древнимъ въ ихъ Лунѣ-Астартѣ? *В. Р.*), какъ дѣйствительно отъ вѣка воспріявшей силу Божества, дѣйствительно вмѣстившей полноту добра и истины, а черезъ ихъ нетлѣнное сіяніе красоты".

Замѣтимъ, что „внесеніе женскаго начала въ природу Божества", страстно отвергаемое, вызываетъ какъ *продолженіе свое* столько же страстное отверженіе въ Божествѣ и *мужского начала*. Но тогда, во-первыхъ, что-же намъ дѣлать съ выраженіемъ Слова Божія: „*по образу Нашему* сотворимъ его" (человѣка), „*мужчину женщину* сотворили ихъ" (Адама и Еву)... и 2) не останется-ли тогда Божество совсѣмъ безъ *сущности*, *безъ содержанія*, отвлеченнымъ *именемъ* и *понятіемъ*,— примѣнительно къ которому нельзя не вспомнить спора средневѣковыхъ номиналистовъ и реалистовъ, что „по-

нятія бываютъ *всякія*" и всѣ онѣ „суть *плоды ума человѣческаго*"... Богъ не станетъ-ли тогда уже слишкомъ *безплоденъ*?... Во всякомъ случаѣ на иконахъ Православія „Ветхій деньми" изображается въ видѣ Старца, т. е. въ *отвлеченно-мужскомъ* образѣ... И это никого не оскорбляетъ, ни у кого не вызываетъ недоумѣнія или спора Будемъ продолжать цитату изъ Соловьева.

„Но чѣмъ совершеннѣе и ближе откровеніе настоящей красоты, одѣвающей Божество и Его силой ведущей насъ *къ избавленію отъ страданія* и смерти (N B.,—конечно цѣною избавленія и отъ „зачатій и рожденій", ибо что̀ рождается — *умретъ*, а что̀ умираетъ—то раньше *родилось*. *В. Р.*), тѣмъ тоньше черта, отдѣляющая ее отъ лживаго ея подобія,—отъ той обманчивой и безсильной красоты, которая только увѣковѣчиваетъ царство страданій и смерти (т. е. отъ обыкновенной красоты женщинъ, которая, соблазняя мужчинъ, оплодотворитъ ее. вѣчно *продолжаетъ* рожденія и съ ними заготовляетъ жатву смерти *В. Р.*)... Изъ Вѣчной Красоты нѣкогда выйдетъ спасеніе міра... выйдетъ, когда ея *обманчивыя подобія* (обычная женская прелесть) исчезнутъ, какъ та морская пѣна, что родила *простонародную Афродиту* (по Платону—„простонародная Афродита" рождаетъ дѣтей, а Небесная Афродита, Афродита-Уранія—безплодна, но за то рождаетъ образы, фантазіи, философіи, молитвы; т. е. это и есть Aphrodita Sodomica въ томъ особомъ сліяніи сіяній, какъ я здѣсь объясняю). *Этой* (курс. С—ва) мои стихи не служатъ ни единымъ словомъ"...

Рожденію—ничего, ноль! Никакого зернышка вдохновенія! Это и есть крикъ Содома. „О, если-бы я могла *разбить дѣтей твоихъ о камень*", говоритъ Афро-

дита-Уранія Афродитѣ земной: — и въ этомъ вся ея суть.

Мнѣ только-что принесли съ почты брошюру „Бракъ и нравственная личность" нѣкоего О. Фози, печатающагося въ „Мирномъ трудѣ", нравственно-просвѣтительномъ журналѣ, издающемся въ Харьковѣ. На обложкѣ написано насмѣшливое: „В. В. Розанову — какъ спеціалисту брачныхъ вопросовъ, *отъ автора*". Я, дѣйствительно „какъ спеціалистъ" въ этомъ дѣлѣ, отогнувъ гдѣ нужно, моментально учуялъ разсужденье типичной mademoiselle въ сюртукѣ, мыслящей о половомъ актѣ *точь-въ-точь* какъ, какъ судятъ съ пафосомъ въ безчисленныхъ изліяніяхъ субъекты, исповѣдывавшіеся Крафтъ-Эбингу, Форелю и другимъ. И такъ-какъ на обложкахъ своихъ трудовъ авторы не пишутъ своихъ фамилій,—*какъ слѣдовало-бы*—съ женскимъ окончаніемъ *а*, а удерживаютъ мужское ъ, не пишутъ М. Иванова (Маша Иванова), а пишутъ М. Ивановъ (Михаилъ Ивановъ), то публика, ни о чемъ не догадываясь, все слушаетъ и все внушается ихъ разсужденіями, какъ чѣмъ-то *обще*-человѣческимъ, *обще*-философскимъ, *обще*-религіознымъ!

Авторъ съ рѣдкою для mademoiselles твердостью говоритъ, что *сущность* брака состоитъ конечно въ половомъ общеніи, въ совокупленіи, а не въ придаткахъ къ нему. „Нужно взять бракъ такъ, какъ *онъ есть*, и каковымъ по самымъ естественнымъ условіямъ своего существованія *всегда долженъ быть*; и притомъ взять его не въ отношеніи различныхъ земныхъ благъ, которыхъ черезъ него можно достигнуть, а взять бракъ въ его непосредственномъ фактическомъ отношеніи къ человѣку, какъ непреходящей личности, и къ осуществленію этою личностью своего понятія о цѣли жизни". И далѣе (тутъ рѣчь автора показываетъ сама себя, и въ своей духовной

разумности, и въ ясномъ органическомъ извращеніи, которое лежитъ подъ нею и направляетъ ее):

„Нужно взять неизмѣняемую часть брака, которая заключается, во-первыхъ, въ *актѣ чувственнаго единенія* супруговъ, и, во-вторыхъ, въ *поддержаніи рода*, какъ естественномъ значеніи брака, какъ его внутренней цѣлесообразности. И нужно взять человѣка какъ *носителя идеальнаго нравственнаго начала* въ самой своей природѣ, и непосредственное отношеніе человѣка къ раскрытію себя въ мірѣ по этому началу,—какъ *нравственной личности*. Взявъ такъ все дѣло, только и можно будетъ получить *догматическое* рѣшеніе вопроса. Ибо здѣсь бракъ съ самаго перваго-же момента долженъ *фактически* оказаться или въ совершенно отрицательномъ положеніи, или, наоборотъ, онъ будетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ только утверждать истинныя начала жизни. Въ первомъ случаѣ, онъ уже не имѣлъ-бы права на *безусловное* существованіе; во-второмъ случаѣ, т.-е. если задача каждой человѣческой личности заключается въ томъ, чтобы раскрыть въ міровомъ бытіи себя, какъ *нравственную личность*,—явить въ себѣ *образъ Бога*,—тогда естественный бракъ какъ въ самой половой функціи, такъ и въ необходимыхъ слѣдствіяхъ ея—есть дѣло, фактически несоотвѣтствующее истинѣ [1]). Здѣсь чрезъ родовой актъ общенія идеально-нравственное начало природы человѣка всецѣло поглощается *безсмысленнымъ чувственнымъ*

[1]) Природа превозмогаетъ! Авторъ, конечно, знаетъ, что *на той-же страницѣ Библіи*, гдѣ сказанъ радостный глаголъ о человѣкѣ, что онъ есть „*подобіе и образъ* Божій", сказана ему и заповѣдь: „плодись, множись, *наполни землю*". Но mademoiselle кричитъ изъ него: „не вижу, не читаю, не знаю!", „*образъ Божій* и нравственный законъ *несовмѣстимы* съ „плодитесь, множитесь" ибо я—*нравственъ*, и *не могу, отвращаюсь* размножаться". *В. Р—въ*

матеріальнымъ процессомъ организма [1]), и человѣкъ изъ своей разумной всегдашней жизнедѣятельности сводится на степень *простаго животнаго существованія* [2]).

„Все это необходимо должно быть именно такъ, если только не принимать бракъ въ понятіи христіанскаго таинства, гдѣ онъ является *орудіемъ борьбы человѣка съ его нравственнымъ несовершенствомъ*,— школой воздержанія [3]) и полнаго освобожденія супруговъ изъ-подъ власти матеріальныхъ началъ,—хотя [4]), конечно, и христіанское таинство не уничтожаетъ собственнаго постояннаго качества брака, и его фактическаго значенія для нравственнаго начала, ибо никто не можетъ измѣнить природу вещи. А потому, *если гдѣ-либо въ мірѣ существуетъ зло*, не какъ простой естественный недостатокъ

[1]) Да вовсе не „безсмысленнымъ", а прекраснымъ и духовнымъ, этическимъ и метафизическимъ. Не пора-ли сказать философствующимъ mademoiselles, что половая дѣятельность, которая никѣмъ (кромѣ совершающихъ) *не зрима*, никѣмъ *не осязаема*, о которой *не говорятъ*, *не пишутъ* (сознаютъ дурное и грѣхъ *въ писаніи*) явно и есть *умопостигаемая область*, чисто *духовная область*, восходящаяся какъ паръ и свѣтъ только *въ мысли, воображеніи* и *желаніяхъ*; что это есть, такимъ образомъ, самый спиритуалистическій міръ. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ дуракъ: да чѣмъ животныя плохи?! Египтяне ихъ почитали за *святыхъ*, и мы тоже считаемъ ихъ *безгрѣшными* людей. Между тѣмъ у животныхъ самецъ и самка не могутъ даже встрѣтиться, чтобы сейчасъ-же самецъ не началъ особеннымъ образомъ ласкать и нѣжить самку, т.-е. они находятся въ *постоянномъ, непрерывномъ* половомъ возбужденіи. И—*невинны*. Урокъ мудрецамъ и мудречихамъ. *В. Р—въ.*

[3]) Скажите, пожалуйста! Писалъ-бы ужъ прямо: „мы всѣ, *настоящіе* христіане—mademoiselles, и мужчинъ-язычниковъ намъ вовсе не надо". *В. Р—въ.*

[4]) Хорошо это „хотя"... *Логика* говоритъ: „нѣтъ брака безъ совокупленія", а *натура* кричитъ: „не хочу совокупленія, не могу". *В. Р—въ.*

добра, т. е. несовершенство, а *какъ активная и злая сила* какъ *прямое отрицаніе нравственнаго добра*, а вмѣстѣ съ симъ и вѣчнаго смысла бытія и *Бога*: то *бракъ есть со средоточіе, центральный пунктъ для этого зла* [1]) *Здѣсь дьяволъ борется съ Богомъ, добро и зло враждуютъ за свое значеніе въ мірѣ человѣка. Кто побѣдитъ?*

„Въ сужденіяхъ по вопросу о бракѣ нерѣдко указываютъ въ качествѣ дѣйствительнаго его *основанія* на тѣ поставленныя задачи и часто весьма высокія намѣренія, которыя будущіе супруги желаютъ видѣть и думаютъ осуществить въ своей совмѣстной супружеской жизни. Но тотъ наличный фактъ, что бракъ существуетъ и всегда можетъ существовать помимо какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей, съ ясною очевидностью показываетъ, что онѣ не только не служатъ для брака его естественнымъ основаніемъ, но даже, можно сказать, что съ чисто внѣшней стороны дѣла онѣ вовсе и не обязательны для него. *Никакія благородныя начинанія человѣка сами по себѣ никогда не были-бы въ состояніи создать никакого брака въ точномъ смыслѣ этого слова, если-бы не было дано въ дѣйствительности фактической*

[1]) Ну, вотъ это хорошо, потому-что прямо. Попики такъ рѣшительно не говорятъ, все виляютъ. И „таинство" и „скверна". Г-нъ Фоза не виляетъ, и говоритъ, что *бракъ есть борьба съ Богомъ*, т.-е. конечно съ христіанскимъ Богомъ, съ І. Христомъ; и что ужъ если въ немъ есть „таинство", то—сатанинское. Но вѣдь отсюда уже прямой выводъ у автора и авторовъ такой мысли, что Ветхій Завѣтъ, благославляющій чадородіе, есть завѣтъ человѣка съ Сатаной, а Библія—сатанинская книга: съ чѣмъ согласно тѣхъ христіанъ которые доваволяли себѣ обрѣзываться, пріобщались какъ къ братьямъ своимъ къ состоящимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ евреямъ—сжигали на кострѣ, какъ служителей Сатаны и дѣтей дьявола. У насъ, въ Россіи, былъ одинъ случай такого сожженія, въ Византіи—множество такихъ случаевъ, цѣлая эпоха. *В. Р—въ.*

возможности брака (мой курс.). Но независимо отъ всѣхъ подобныхъ мотивовъ и вообще различныхъ цѣлей, которыя могутъ преслѣдовать вступающіе въ бракъ, послѣдній самъ по себѣ всегда долженъ имѣть какое-либо основаніе по отношенію къ самой возможности его существованія, какъ таковаго. И бракъ, дѣйствительно, имѣетъ это свое основаніе, и именно въ заложенномъ въ физическую природу организма *инстинктѣ рода*, безъ котораго какъ *не могло бы никогда возникнуть никакого брака*, такъ и заключенный *помимо его* бракъ *потерялъ бы для человѣка всякое значеніе*, ибо оказался-бы *не имѣющимъ никакого смысла содружествомъ двухъ*, а не трехъ, четырехъ, десяти и т. д. лицъ. Пусть чисто физическая сторона брака будетъ играть совсѣмъ незначительную роль въ супружеской жизни, а при заключеніи брака пусть ей отводится самое послѣднее мѣсто, или даже пусть она умышленно совсѣмъ игнорируется—все это, однако, ничуть не измѣняетъ и не можетъ измѣнить того положенія, что *основу* всякаго брака въ дѣйствительности составляетъ все-таки *родовой актъ*, а не что-либо другое, ибо только чрезъ него получаетъ свою реальность инстинктъ рода [1]). „Бракъ на всѣхъ ступеняхъ органической лѣстницы, начиная водорослью и кончая человѣкомъ, представляетъ одно и тоже явленіе: это сліяніе двухъ существованій, въ ближайшемъ смыслѣ двухъ клѣточекъ, въ одну" [2]). И если какъ въ исторіи, такъ и въ настоящее время встрѣчаются иногда неумныя попытки создать для человѣка бракъ на другихъ фантастическихъ началахъ, а именно на началахъ про-

[1]) Какъ все *точно* и вѣрно. Это—семое *вѣрное* разсужденіе о бракѣ, какое я читаю за много лѣтъ. *В. Р—въ.*

[2]) „Жизнь растеній", К. Тимирязевъ. — *Примѣч. г-на Фоги.*

стого содружества мужчины и женщины, то такія попытки всегда признавались и признаются аномаліями ибо единственная, самой природой осуществляемая цѣль всякаго брака, есть поддержаніе жизни своего рода, каковая цѣль здѣсь положительно отрицается Только дѣти даютъ исключительно возможный разумный смыслъ брака для естественнаго человѣка. А такъ какъ этотъ разумный смыслъ брака не можетъ быть осуществленъ никакимъ инымъ путемъ, кромѣ именно супружескаго сожительства, то поэтому-то всѣ попытки создать бракъ на иныхъ началахъ и нужно признавать аномаліями [1]).

„Что касается брака, какъ опредѣленной, внѣшней нормы жизни, которую иногда *по недоразумѣнію* [2]) также указываютъ въ качествѣ истинной его сущности, то, хотя она и связана непосредственно съ родовымъ актомъ, однако находится въ постоянной зависимости совсѣмъ отъ другихъ побочныхъ причинъ: соціальныхъ, моральныхъ, отъ высокой или низкой степени нравственнаго, умственнаго и даже физическаго развитія человѣка. Для человѣка, напр., на первой ступени его развитія, бракъ положительно не связанъ ни съ какою, тою или другою, обязательною для него формою жизни, тогда-какъ для современныхъ культурныхъ народовъ, и тѣмъ болѣе для христіанъ, бракъ является не только нерасторгаемою связью двухъ лицъ, но и обставленъ массою всевозможныхъ обязанностей, налагаемыхъ и поддерживаемыхъ соціальными законами и современной жизни.

„Вслѣдствіе такой своей *измѣнчивости* и совершенно

[1]) Классическое, по точности, разсужденіе. Его надо прямо *переписывать* въ трактаты о бракѣ,—отстранивъ виляющія семинарскія тетради. *В Р—въ.*

[2]) Вотъ! *В. Р—въ*

условіи зависимости, вообще никакая форма брачной жизни, сама по себѣ, не составляетъ и не можетъ составить дѣйствительной *основы* брака.

„Итакъ 1) данный въ самой природѣ организма *инстинктъ рода*, который является начальнымъ моментомъ всякаго брака или непосредственнымъ побужденіемъ къ нему, 2) *дѣти* которыя служатъ конечнымъ завершеніемъ, послѣднимъ моментомъ въ бракѣ и, наконецъ, 3) физическое единеніе супруговъ, *родовой актъ*, который связываетъ между собою начальный и послѣдній, моменты и, такимъ образомъ, какъ бы даетъ возможность браку перейти изъ потенціи въ дѣйствительность,—вотъ всѣ три момента, изъ синтеза которыхъ слагается *все реальное содержаніе брака, какъ такового*. Причемъ, уничтоженіе одного изъ этихъ моментовъ непосредственно влечетъ за собою разрушеніе всего брака [1]), если не въ фактѣ его бытія, то во всякомъ случаѣ въ фактѣ его естественнаго значенія. — И если, теперь, мы хотя немного вдумаемся въ это трехъ-моментное реальное содержаніе брака, то увидимъ лишь одно, что онъ по своему существу является чудеснымъ фокусомъ [2]) всей живой физической природы. Именно, здѣсь

[1]) Какъ все точно. Но авторъ долженъ согласиться со мною, что у христіанъ никакого брака нѣтъ: ибо 1) ни бездѣтное, 2) ни отсутствіе родового акта (когда одинъ супругъ *бросилъ* другого) у христіанъ не расторгаетъ брака. „Была форма: что-же отъ нея *отломалось*, если супруги не совокупляются и не могутъ совокупляться? Бракъ *остался*". У христіанъ, „по строжайшему ученію Церкви, бракъ есть *форма*; а миряне договорили: „формальность". Эта-то *суть* и разрушаетъ или растлѣваетъ европейскую семью. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ, сказалъ-же истину: что „христіанство *разгадало* чудесный *фокусъ* всей живой физической природы". Только *это одно*,— и можно закрыть всѣ книги и не читать больше, какъ можно

самое естественное, а не искусственно вызванное, природное органическое влеченіе, и вмѣстѣ самое интенсивное, доступное для физическаго организма, чувственное раздраженіе, которое одно только и бываетъ причиной всѣхъ животныхъ дѣйствій въ формѣ ощущенія пріятнаго и непріятнаго; наконецъ, въ потомствѣ, въ поддержаніи жизни рода, какъ исключительно въ послѣдствіи только родового акта, бракъ становится положительно полезенъ и необходимъ для существованія человѣчества [1]). Въ этомъ именно фактическомъ содержаніи брака и заключается все его дѣйствительное значеніе для естественнаго человѣка, и внѣ этого значенія бракъ лишенъ для него всякаго смысла.

„Но если одного органическаго начала и одного самой природой осуществляемаго значенія брака было бы вполнѣ довольно для человѣка, какъ живого организма, чтобы онъ могъ вступать въ бракъ, то для *человѣка новой духовности* это явилось уже недостаточнымъ. Особенно эта недостаточность ощутилась въ сознаніи

было-бы и всѣмъ писателямъ бросить перо, и сосредоточиться только на этомъ одномъ вопросѣ: „мы исповѣдуемъ религію, разгадавшую узелъ бытія;—съ Богомъ мы? или *противъ* Бога?" Но тотъ-же послѣдовательный авторъ говоритъ: „узелъ этотъ борется съ началомъ *Богомъ*, и утверждаетъ злое начало въ мірѣ". Только крупинка отдѣляетъ его отъ сознанія: „Боже, прости мнѣ грѣхъ мой всю жизнь я положилъ на борьбу съ *Тобою* и на служеніе злу"... Не даромъ мерещилось съ начала нашей эры, что когда-нибудь настанется „свѣто-преставленіе", т.-е. „*преставленіе* (источниковъ) свѣта", истины. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ сказалъ-же истину: „мы отрицаемъ полезное и необходимое для существованія человѣчества", „мы *враги* человѣка и человѣчества". Если бы такъ *точно* говорили, споръ давно былъ-бы оконченъ. *В. Р—въ.*

христіанскихъ народовъ, и побудила ихъ стремиться измѣнить самую физическую природу дѣйствительной *основы* всякаго брака—родового акта. Они начали отыскивать и выдвигать на первое мѣсто все то, что такъ или иначе можетъ обнаружить въ содержаніи брачной жизни идеально-нравственную природу личности и, наоборотъ,—*подавить* то, что свидѣтельствуетъ о человѣкѣ какъ *грубомъ, чувственномъ животномъ*. Въ частности, въ качествѣ истиннаго содержанія этой новой жизни человѣка, указывается преимущественно на любовь супруговъ, которую и выставляютъ какъ необходимое условіе всякаго нормальнаго брака. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно умаляется въ собственныхъ глазахъ супруговъ самостоятельное значеніе физическаго общенія ихъ, и даже наивно мечтаютъ свести въ будущемъ это отправленіе организма, если не на положительное „нѣтъ", то, по крайней мѣрѣ, поставить по отношенію къ нему самого человѣка какъ бы въ *страдательное, неизбѣжное* для него положеніе [1]).—И, по истинѣ, странно: люди какъ будто никакъ не хотятъ понять, что все это весьма прекрасное, высокое само по себѣ и цѣнное въ жизни человѣка, относится вовсе не къ самому существу брака, не къ его матеріальной органической основѣ, которую хотятъ измѣнить, а имѣетъ всегда въ виду только извѣстное *содержаніе* возникшей новой

[1]) Каково чудовищное давленіе содоміи! давленіе на совершенно уже нормальный бракъ, на совершенно нормальныхъ супруговъ! „Пріятно" и „есть чудесный фокусъ всей живой физической природы": кому мы „*насчастно* подчинены", закономъ „*неизбѣжности* обречены исполнять" его!! О, духовно-содомская цивилизація: и она смѣетъ свой пасосъ возводить въ законъ! въ „нравственное правило"! въ „нравственность и святость", наконецъ!
В. Р—ва.

брачной жизни супруговъ. А потому, если здѣсь и происходитъ какое-либо измѣненіе по отношенію къ основѣ брака, то исключительно чисто внѣшнее,—именно со стороны отношенія къ нему человѣка, какъ нравственнаго существа, а не просто какъ живого организма. Самъ же по себѣ бракъ, по всему своему фактическому содержанію—какъ всегда и раньше, такъ и теперь—остается по прежнему исключительно матеріаленъ. Совершенно вѣрно, что человѣкъ можетъ, конечно до нѣкоторой степени, умалить для себя значеніе физическаго общенія, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще того, чтобы вся основа брака—родовой актъ—въ существѣ своей природы необходимо тотчасъ же измѣнилась. И совершенно справедливо то мнѣніе, что содержаніе брачной жизни всегда можетъ быть поставлено каждымъ человѣкомъ на нравственныя начала жизни, но совершенно ложна та надежда, что будто бы отсюда должно неизбѣжно измѣниться и все фактическое отношеніе брака къ нравственному началу природы человѣка. Супруги только могутъ выработать себѣ извѣстный идеалъ своихъ нравственныхъ отношеній другъ къ другу, къ дѣтямъ, вообще къ окружающимъ ихъ людямъ, но перемѣнить фактическое содержаніе брака и его фактическое значеніе для нравственнаго начала — это не въ ихъ власти, какъ и вообще ни въ чьей власти. Самое подобное ожиданіе будетъ точно такъ же наивно, какъ то, если-бъ люди, измѣняя, улучшая наличное содержаніе соціальной жизни человѣка, черезъ то самое надѣялись въ существѣ измѣнить и самый организмъ человѣка, какъ единственно реальную основу всего соціальнаго строя жизни, такъ что въ концѣ всего соціальнаго развитія организмъ человѣка могъ-бы обходиться напр. совсѣмъ безъ пищи. Но, очевидно, что всѣ

таковыя надежды могутъ существовать только въ мышленіи человѣка, а достигнуть ихъ практическаго осуществленія возможно не иначе, какъ въ разстроенномъ воображеніи самого же человѣка. Но если люди часто упорно не хотятъ понимать и различать всего этого сами добровольно, то тогда ихъ заставитъ и дѣйствительно заставляетъ принять истину о бракѣ жестокая въ этомъ случаѣ правда дѣйствительной жизни. Эта правда дѣйствительности, а не воображенія, всякій разъ каждому индивидуальному сознанію черезъ горькій опытъ собственной его жизни опредѣленно и рѣшительно показываетъ, что никто и ничто не измѣнитъ реальной органической основы брака.

„Сколько бы люди ни фантазировали и ни идеализировали относительно условій возможности существованія брака въ будущемъ, въ частности сколько бы ни возвышали нравственное содержаніе брачной жизни — они все-таки съ роковой неизбѣжностью именно горькимъ своимъ опытомъ всякій разъ будутъ вынуждены всегда признавать одно: что бракъ фактическимъ своимъ содержаніемъ, внѣ какихъ либо условныхъ цѣлей— всецѣло покоится на одномъ матеріальномъ началѣ. И самая любовь супруговъ, которая выставляется въ качествѣ истиннаго мотива къ браку и истиннаго его содержанія, и которая вытекаетъ непосредственно изъ привязанности, расположенности одного лица къ другому, есть ничто иное, какъ въ точномъ смыслѣ *индивидуализированное органическое же влеченіе, или лучше* она есть просто *опоэтизированная половая страсть*. Идеализируя бракъ, она представляетъ его для человѣка не въ дѣйствительномъ его видѣ и значеніи: это безусловно должно отразиться однимъ вредомъ какъ на внутренней жизни самихъ супруговъ, такъ и

на всемъ историческомъ теченіи жизни. Это хорошо и подтверждаютъ многіе литературные типы, которые въ большинствѣ случаевъ оказываются совершенно неспособными къ жизни именно потому, что слишкомъ далеко ушли въ своихъ мечтахъ отъ дѣйствительной правды и приняли миражъ любви за истинную любовь. Послѣдняя нисколько не нуждается собственно въ *бракѣ* для своей реализаціи, и могла бы остаться въ формѣ *содружества, знакомства, духовной связи*. Ибо истинная идеальная любовь вытекаетъ не изъ привязанности или расположенія лица къ другому, а изъ нравственнаго самоопредѣленія человѣка дѣйствовать именно такъ, а не иначе, и имѣть своимъ предметомъ не одно или нѣсколько лицъ, а всѣхъ людей—безъ различія и при всѣхъ условіяхъ ихъ жизни. Мало этого, *идеальная любовь* даже никогда и не можетъ создать никакого брака, ибо она *имѣетъ своимъ основаніемъ-источникомъ то самое высшее нравственное начало природы человѣка, которое фактически въ корнѣ отрицается всякимъ содержаніемъ брака* [1]).

„Замѣчательное [2]) и достойное глубокаго вниманія явленіе, что когда люди хотятъ показать самое тяжелое *преступленіе человѣка противъ себя же самого*, какъ

[1]) Типичное разсужденіе дѣво-мужчины: какъ они *восторженно любятъ*, въ тоже время *тушатся всѣмъ волосьемъ!* Читатель, отвернувъ назадъ нѣсколько страницъ, прочтетъ медицинскіе примѣры этого, которыхъ я взялъ малую крупицу. *В. Р—въ.*

[2]) Отсюда начинается „святое святыхъ" духовныхъ содомлянъ, отъ Платона до нашего времени: „грѣхъ! преступленіе!" Точь-въ-точь это *то ощущеніе* къ нашему, какое всемірно у насъ существуетъ къ *этому*: „противоестественно! грѣхъ! безаконіе!" Ну, кто-же можетъ перешагнуть черезъ свою организацію: трудне, чѣмъ прыгнуть впередъ своей тѣни! *В. Р—въ.*

нравственной личности, то они обыкновенно такое преступленіе пріурочиваютъ къ *акту полового общенія*, т. е. къ тому, что по природѣ своей представляетъ совершенно естественное отправленіе физическаго живого организма. И психологически такое понятіе оказывается вполнѣ вѣрнымъ, ибо *позоръ преступленія* этого отправленія дѣйствительно бываетъ для личности *самымъ тяжелымъ*, и, что особенно важно, не совнѣ налагается на человѣка, а *износится человѣкомъ изъ-нутри же самого себя* [1]). Если же къ этому часто прибавляется еще *жестокая кара со стороны общества* [2]), то она можетъ служить здѣсь только подтвержденіемъ справедливости [3]) личнаго собственнаго суда человѣка надъ самимъ собою. Между тѣмъ на первый взглядъ въ высшей степени странна какая-бы то ни было возможность самого появленія у человѣка мысли, что имъ совершается здѣсь какое-то *преступленіе*, или вообще что-то такое *недолжное* для него: потому что родовой

[1]) Здѣсь вездѣ вмѣсто „нравственная личность" надо читать „наша сдомско-дѣвственная природа". Я тоже нравственный человѣкъ: но отъ юности, отъ 17 лѣтъ, когда впервые совершилъ этотъ актъ, и затѣмъ въ двухъ супружествахъ, какъ и въ актахъ (немногихъ) внѣ супружества, не чувствовалъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти, никакого грѣха, ничего позорнаго! Просто, не могу этого понять. *В. Р—въ.*

[2]) То-то: вотъ происхожденіе дѣтоубійства у христіанъ! Изъ безсѣменности, изъ мужеложества. Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду не вѣнчаныя сожитія и рождающихся отъ нихъ дѣтей. Кратко и рѣзко, каждый „духовный отецъ" за недоданные ему (за вѣнчаніе) 25 рублей повелѣваетъ несчастной матери умертвить своего ребенка, и *заставилъ* общество „*заставить*" ее привести въ исполненіе свою волю. *В. Р—въ.*

[3]) „Справедливости"... Справедливо дѣтоубійство! О, какая правда, что на такихъ, какъ вы, когда-то былъ просыпанъ сѣрный огонь съ неба. *В. Р—въ.*

актъ, при совершенной своей естественности, даже можно сказать иногда нѣкотораго рода потребности физическаго организма [1]), есть въ тоже время дѣло чисто интимное, личное. Оно совершается всегда тайно, скрытно, а слѣдовательно какъ по отношенію къ себѣ никакого чужого вмѣшательства не допускаетъ, такъ и само въ свою очередь ничьихъ чужихъ интересовъ непосредственно не затрагиваетъ [2]). И отъ такого сознанія человѣкомъ преступности родового акта ничуть не спасаетъ его ни гражданскій институтъ брака, *ни даже церковное таинство брака:* они только ограждаютъ человѣка отъ *покора передъ людьми*, но не спасаютъ и не могутъ спасти человѣка отъ *покора передъ самимъ собою, какъ нравственной личностью* [3]). Въ законномъ супружествѣ нѣтъ только юридическаго суда общества, ибо юридическая правда здѣсь вполнѣ удовлетворена; и потому возмущенный матеріальнымъ процессомъ половыхъ отправленій нравственный духъ человѣка зна-

[1]) Слышите признаніе содомлянина: „*иногда нѣкотораго рода потребности* организма", и то съ убавкою: „можно сказать даже". Просто онъ не вѣритъ, что это *всякая* потребность, и описываетъ родовой актъ какъ (ему) неоткрытую Америку. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ! какую-же надо имѣть *подлость*, какой *грѣхъ* въ себѣ носить, какое *злодѣяніе*, чтобы осудить этотъ „никого не касающійся актъ и никого не затрагивающаго" младенца отъ него! Нѣтъ проклятые содомляне, содомляне юриспруденціи и содомляне клира, пустили борзыхъ собакъ, чтобы растерзать этихъ невиннѣйшихъ дѣвушекъ и невинныхъ дѣтей! О, до чего глупо сочинилъ Достоевскій о помѣщикѣ, затравившемъ собаками мальчика: какъ-будто все населеніе Воспитательнаго Дома въ благочестивой Москвѣ — не есть „затравленныя собаками дѣти", но только собаками, выпущенными не отъ помѣщика и не со псарни, а изъ подъ золотыхъ маковокъ Москвы и отъ *духовныхъ* нашихъ отцовъ. *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ! „И при церковномъ таинствѣ — позоръ". Что-же это „таинство" дѣлаетъ и для чего оно нужно? *В. Р—въ.*

чительно умиротворяется, но только именно умиротворяется, *нравственныя же мученія личности въ формѣ стыда* все равно, какъ и внѣ брака, сопровождаютъ и теперь *каждый родовой актъ общенія*. Собственно при законномъ супружествѣ въ сознаніи каждаго человѣка происходитъ совершенно тождественное тому, что долженъ былъ бы переживать каждый солдатъ, убивающій непріятеля на войнѣ [1]: вѣдь сознаніе солдата, что онъ убиваетъ людей ради защиты своей родины, или защищая добро, вовсе не уничтожаетъ въ немъ нравственнаго сознанія того, что онъ все таки совершаетъ преступленіе, ибо убиваетъ человѣка—личность; и что гораздо лучше было бы, если бы возможно было, совсѣмъ избѣжать этихъ кровопролитій. И никакіе высшіе интересы, оправданія, не въ силахъ измѣнить „убійство въ себѣ", т.-е. сдѣлать его не убійствомъ, не преступленіемъ, а положительно добромъ. Точно также никакія исполненія гражданскихъ постановленій относительно брачной жизни и никакія церковныя освященія брака никогда не въ силахъ измѣнить фактическаго значенія физіологическаго акта брака для человѣка, какъ нравственной личности. *Самъ по себѣ родовой актъ останется навсегда такимъ же, какимъ онъ данъ и внѣ законнаго супружества.* А потому исполненіе его все равно всегда будетъ вызывать у человѣка „стыдъ",— и не у отдѣльныхъ только личностей, а вообще у всѣхъ людей. Какъ самый дикій человѣкъ, живущій исключительно матеріальными интересами жизни, такъ и самый культурный, обосновывающій свою жизнь и дѣятель-

[1]) Договорялся: совокупиться („интимный, никого не касающіеся актъ")—тоже что *убить* (другого! отца чьего-то, сына, мужа!). Нѣтъ, на головы этихъ содомитовъ конечно надо наливать сѣрный огонь. *В. Р—въ.*

ность на высшихъ началахъ бытія, какъ развратникъ такъ и высоконравственная личность—всѣ безъ исключенія здѣсь уравниваются. Всѣ они одинаково—будутъ ли нѣкоторыя состоять въ законномъ супружествѣ, а другіе въ незаконномъ сожитіи или предаваться тайнымъ порокамъ — безразлично всѣ скрываютъ это органическое отправленіе и стыдятся его, какъ недостойнаго для себя дѣйствія. Наркотическія вещества употребляются между прочимъ съ этою цѣлью — самозабвенія нравственной личности, чтобы все происходило болѣе нечувствительнымъ образомъ для нравственнаго сознанія человѣка [1]). Вообще же нравственный стыдъ не уничтожается ни при какихъ условіяхъ родового акта.— Ни тогда, когда онъ является въ видѣ дополненія и реализаціи любви, ни въ томъ случаѣ, когда процессъ его становится цѣлью самъ по себѣ, какъ наслажденіе. Стыдъ одинаково присущъ обоимъ моментамъ и тотчасъ слѣдуетъ за отправленіемъ, въ видѣ реакціи на то нервное и психическое возбужденіе, которое предшествуетъ ему. И снова человѣкъ, какъ только совершитъ этотъ *позорный для него актъ*, чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, что онъ нагъ, и спѣшитъ прикрыть наготу свою, и старается спрятать куда-либо лицо свое отъ Бога, ходящаго въ нравственномъ сознаніи человѣка. „И открылись глаза у нихъ обоихъ, въ моментъ

[1]) То-то христіане напиваются до пьяна передъ совокупленіемъ (разсказъ мнѣ о купцахъ въ Кльцѣ), и то-то у христіанъ столько *наслѣдственнаго* алкоголизма! Все плоды „нравственнаго закона личности". Да провалитесь вы съ вашей „нравственной личностью", которая несетъ убійство, пьянство и разврать! *Совокупленіе всегда должно быть въ трезвомъ видѣ и при пустомъ желудкѣ*, т. е. не ранѣе 2-хъ часовъ послѣ ѣды. Въ другомъ видѣ совершать его безнравственно. *В. Р—въ*

грѣхопаденія, и узнали, что наги они; и сорвали листьевъ смоковницы и сдѣлали себѣ опоясаніе И услышали голосъ Предвѣчнаго Бога .., и скрылись человѣкъ и жена его отъ лица Предвѣчнаго Бога среди деревьевъ сада. И воззвалъ Предвѣчный Богъ къ человѣку и сказалъ ему: „гдѣ ты?" и сказалъ (человѣкъ): „голосъ Твой услышалъ я въ саду и убоялся, ибо нагъ я, и скрылся". И сказалъ (Богъ): „кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?"... Вотъ слово Библіи. И въ моментъ грѣхопаденія въ глубинѣ каждой человѣческой души раздается высшій голосъ, спрашивающій: „гдѣ ты? гдѣ твое нравственное достоинство"? „человѣкъ—владыка природы и образъ Божій, существуешь ли ты еще"? И тутъ же дается отвѣтъ: „я услышалъ Божественный голосъ, и убоялся возбужденія и обнаруженія своей *низшей природы*: я стыжусь, слѣдовательно существую, не физически только существую, но и *нравственно*;—я стыжусь своей животности, слѣдовательно я еще существую, какъ человѣкъ [1]).

„Вступающіе въ бракъ безусловно хотятъ, конечно, смотрѣть на себя, какъ на высшія существа, подобно тому, какъ прародители, вкушая отъ запрещеннаго

[1]) Авторъ хитритъ, притворяясь незнающимъ, что сопутствовавшія грѣхопаденію слова и дѣйствія никакой связи съ родовымъ актомъ не имѣли. Адамъ и Ева *застыдились* еще не *совокупившись, дѣвственные!* Но вотъ что надо замѣтить: пожалуй, крошечная застѣнчивость (не стыдъ, не „грѣхъ") и появляется *по окончаніи* акта, рѣшительно и абсолютно отсутствуя *въ теченіи* его и *передъ нимъ*. Что-же означаетъ застѣнчивость *послѣ*? Естественную жажду *покоя*, составную часть котораго составляетъ скрытость, неосязаемость и невидимость. „Отдохни, усни" въ отношеніи половыхъ органовъ, и только. Сами-же супруги послѣ этого пожимаютъ другъ другу руку, или ласково проводятъ рукой по щекѣ, или крестятъ другъ друга *В. Р—въ*.

древа, черезъ то самое думали пріобрѣсти себѣ всевѣдѣніе Бога. Но въ дѣйствительности оказывается, какъ тѣ, такъ и другіе находятъ въ себѣ только одну физическую природу животныхъ, и вслѣдствіе этого у нихъ тотчасъ же открываются глаза и узнаютъ, что „они наги", и спѣшатъ прикрыть наготу свою, желая этимъ внѣшнимъ способомъ скрыть отъ себя обнаруженное ими теперь свое несомнѣнное *родство* со всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ, ибо физическая нагота только можетъ увеличить тяжесть ихъ обманутаго ожиданія и черезъ то усиливать ихъ душевную муку. Стыдъ охватываетъ всего человѣка, и онъ уже не смѣетъ открытыми глазами взглянуть въ лицо другого человѣка, хотя бы и своего сообщника, и потому они прячутъ свои взоры даже другъ отъ друга,—избѣгая смотрѣть другъ на друга [1]), и тотчасъ становятся другъ другу въ тягость [2]). Въ тягость дѣлаются теперь имъ и всѣ другія лица [3]), отъ которыхъ они спѣшатъ тоже укрыться, чтобы не узнали объ ихъ паденіи, ибо во взорахъ каждаго человѣка [4]) они слышатъ тотъ же голосъ Бога (нравственнаго

[1]) Что за низкое подозрѣніе! ничего подобнаго не бываетъ. *В. Р—въ*.

[2]) Что за клевета на бракъ. О, психика содомства! *В. Р—въ*.

[3]) Клевета, клевета! Напротивъ, всѣ радуются, поздравляютъ, новобрачные *дѣлаютъ визиты*, т.-е. *всѣхъ хотятъ видѣть*, и сознаютъ, что *ихъ также всѣ другіе люди желаютъ видѣть*. Поэзія *новобрачія* (первыхъ и естественно частыхъ совокупленій) и *обычаи новобрачія* трогательны и всемірны; и, конечно, говорятъ совершенно *обратное* изложенному содомскому ощущенію! Какъ-бы слѣдовало *собрать* эти лучшіе человѣческіе обычаи; для нихъ не нашлось ни Кирѣевскаго, ни Рыбникова, ни Шейна! *В. Р—въ*.

[4]) Года 3 назадъ въ „приложеніяхъ" къ „Новому Времени" былъ напечатанъ разсказъ Вильде: въ немъ, въ первой-же главѣ, описывалось, какъ новобрачные ѣдутъ на пароходѣ,—и что „*всѣ пас-*

сознанія). Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ сообщниковъ родового акта, если только они не имѣли въ виду грубаго физическаго наслажденія, но внесли въ него хотя небольшую долю чистоты своей нравственной личности, тотчасъ-же по совершеніи его теряютъ все то уваженіе и благоговѣніе, какимъ раньше они были проникнуты другъ къ другу [1]).

...[illegible] *старались чѣмъ нибудь услужить имъ, быть имъ полезными*! Вотъ, правда! Я знаю родителей, которые, получивъ сообщеніе о беременности замужней дочери,—сейчасъ писали поздравленіе *зятю*. Что-же, *упрекали* они его, какъ за *стыдное*, за совокупленіе, получившее результатъ? Или онъ имѣлъ причины „убѣгать отъ лица Господа и отъ людей" за плодоносное совокупленіе? Конечно, ничего подобнаго, все напротивъ! Д. И. Менделѣевъ волновался, тосковалъ и тревожился, пока его замужняя дочь не забеременѣла. Да и *весь родъ человѣческій* такъ чувствуетъ, испытываетъ, говоритъ. Особенную и глубокую сторону *родового акта* составляетъ то, что онъ вовсе ждется духомъ человѣческимъ, сердцемъ человѣческимъ, воображеніемъ человѣческимъ, гаданіемъ человѣческимъ, *не для себя одного* (coitus ad me), но и *для ближнихъ, родныхъ, сосѣдей*, отдаленно—для всѣхъ, или, ласкательнѣе, „для всѣхъ-бы"; Богомъ-же оно восхотѣлось и потому „благословилась" для всѣхъ высшихъ и лучшихъ его созданій, для всего *одушевленнаго міра*! Вотъ—истина, и прямо ощущаемая, и названная въ Библіи! Но посмотрите, съ какою настойчивостью и какъ увѣренно содомито-дѣвы проводятъ свое извращенное вранье о дѣлѣ, *фактически имъ вовсе неизвѣстномъ*! Точь-въ-точь, какъ увѣренно „духовные отцы", древнихъ временъ и нынѣшнихъ, тоже проводили эту несчастную мысль и наконецъ вдолбили ее несчастному человѣчеству! *В. Р—въ*.

[1]) Что за подлая мысль: „благоговѣніе и уваженіе" (очень точныя слова) *увеличиваются* послѣ этого! Читай трогательное письмо г-жи Гончаровой, вышедшей за мужъ за Дантеса, въ мѣсяцы ея беременности, къ мужу. Это благородно и нѣжно, какъ сонеты Петрарки къ Лаурѣ. Характерное одно слово я услыхалъ отъ простолюдинки, которую скорѣе растлилъ, чѣмъ соблазнилъ, купеческій сынокъ: „Меня подруги уговаривали ему отдаться, но я не хотѣла, потому что онъ *былъ* мнѣ *противенъ*. Я ненавидѣла

Это тяжелое чувство стыда ощутительно и продолжается цѣлые дни, мѣсяцы, и даже годы [1]), и много надо человѣку усилій, чтобы привыкнуть къ этому отправленію организма; однако совершенно безразличнаго отношенія къ нему онъ никогда не достигаетъ. Послѣднее, собственно, и невозможно для человѣка по самой природѣ [2]), какъ нравственной личности, и по самой природѣ родового акта, какъ чисто животно-органическаго отправленія, которое въ самомъ своемъ процессѣ является не только отрицаніемъ, но и даже, пожалуй, временнымъ убійствомъ нравственнаго начала личности; ибо нравственная личность человѣка совершенно теряетъ себя здѣсь въ высшей степени чувственномъ матеріальномъ процессѣ органической природы! Человѣкъ добровольно сходитъ здѣсь съ трона своей божественности и погружается и даже положительно отождествляется съ слѣпой неразумной матеріей [3]) и вслѣдствіе этого неиз-

его (слова буквальны). А когда случилось и онъ *сдѣлалъ со мной*,—то потомъ *я за нимъ бѣгала*". Ей въ ту пору было 15 лѣтъ. Вотъ факты: да и всякій бракъ распадался-бы черезъ годъ—два, если бы половой актъ не связывалъ мужчину и женщину взаимнымъ „благоговѣніемъ и уваженіемъ", сейчасъ-же сказывающимся на пятый—седьмой—десятый день. *В. Р—въ*.

[1]) См. выше факты изъ Крафтъ-Эбинга *о самоощущеніяхъ содомитовъ въ бракѣ: это* самыя признанія *и они дѣлаютъ*! Не нужно дополнять и говорить читателю, что бракъ вовсе исчезъ-бы съ лица земли при этомъ „многолѣтнемъ стыдѣ" супруговъ отъ своего совокупленія. Да повѣрьте-же, г.г. содомиты, пожалуйста повѣрьте, что рѣшительно *ничего подобнаго и ни съ кѣмъ не бываетъ*,—кромѣ *одного* васъ *В. Р—въ*.

[2]) Прямо, — *крикъ природы* содомской! „Нѣтъ! невозможно! не вѣрю!" *В. Р—въ*.

[3]) То-то и хорошо: дѣлается какъ цвѣтокъ, дерево и звѣзда, какъ ягненокъ или кроткій телецъ! Чего-же тутъ стыдиться? Даже І. Христа католики символизируютъ въ видѣ *агнца*, а мы Святого Духа— въ видѣ *голубя*. *В. Р—въ*

бѣжно теряетъ въ себѣ образъ Бога,— нравственное начало своей природы, и какъ бы дѣлается исключительно просто физическою живою вещью міра. Это безусловно справедливо, что образъ Божій въ человѣкѣ, который состоитъ въ свободѣ и разумности [1]), а выражается во всегдашней активной дѣятельности—въ осуществленіи человѣкомъ себя, какъ нравственной личности,—здѣсь, въ родовомъ актѣ, во время страсти уничтожается. Въ родовомъ актѣ личность поглощается органическимъ процессомъ, и происходитъ слѣяніе личности человѣка съ стихійными началами природы [2]). И если вѣрно, что все высокое получаетъ свое начало изъ идеальной природы личности, а злое заключается преимущественно въ подчиненіи нравственной личности матеріальнымъ началамъ жизни, то здѣсь, въ родовомъ актѣ, *зло торжествуетъ свою полную побѣду* [3]). Бракъ въ самой своей основѣ является центральнымъ пунктомъ всей борьбы [4]) между чисто-матеріальными грубыми

[1]) „Свободна и разумна" алгебра: но образъ Божій не похожъ на алгебру. *В. Р—въ.*

[2]) Какъ прекрасно: такъ-же, какъ обоняніе цвѣтка, какъ вкушеніе отъ виноградной лозы, какъ любованіе на звѣздное небо,— но только *глубже* и *внутреннѣе*. Все, все, что сказалъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „Когда волнуется желтѣющая нива"—все это дѣйствіе на душу цѣлостной природы повторяется, но *глубже*, въ дѣйствіи на человѣка родового акта и его сопутствующихъ обстоятельствъ, любви и семьи. Да и понятно, ибо актъ этотъ есть *узелъ* природы. *В Р—въ.*

[3]) Какое безуміе! *В. Р—въ.*

[4]) Напротивъ, цвѣтомъ *гармоніи*! Родовой актъ есть столько-же *матеріальный* (сѣмя, яйцо), сколько и *духовный* (сѣмя съ *душою* въ себѣ, яйцо съ *душою* въ себѣ, съ талантомъ, съ геніемъ!). Въ родовомъ актѣ увѣнчивается любовь, и онъ есть первый камень хозяйства, дома, экономики. Чудное и святое соединеніе мужчины и женщины! *В. Р—въ*

интересами жизни, плотью, и идеальными запросами и стремленіями нравственной личности человѣка: и никогда еще нравственная личность человѣка не можетъ совершить столь глубокаго акта своего *паденія* [1]. И потому-то именно съ половымъ актомъ связано непосредственное чувство стыда, какъ реакціи духовнаго начала противъ ея порабощенія и приниженія со стороны животной матеріи. Это чувство стыда есть ничто иное, какъ отрицательное отношеніе нравственной личности къ порабощенію ея матеріальнымъ началамъ. Человѣку стыдно подчиняться матеріальному влеченію организма, ему стыдно быть тождественному простому животному [2]). Сама по себѣ животная матерія не можетъ быть зломъ, какъ не можетъ быть и добромъ: она именно безразлична съ точки зрѣнія чистой нравственности. А потому и сходство человѣка со всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ, которое всегда было очевидно для него, ничуть не могло бы само по себѣ служить къ уничтоженію человѣческаго достоинства. Сознаніе своего сходства съ животными, какъ въ различныхъ отправленіяхъ организма, такъ и вообще въ наличныхъ условіяхъ физической жизни, всегда, конечно, присуще человѣку. Однако это сознаніе никогда не можетъ оскорблять человѣка, и именно потому, что все то, въ чемъ, собственно, по самой природѣ заключается сходство человѣка съ животными, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ только необходимыя условія для существованія чело-

[1]) Безуміе и богохульство. Вотъ гдѣ и какъ подрывается Ветхій Завѣтъ! *В. Р—въ.*

[2]) Добавляйте: „стыдно человѣку *думать*, стыдно, что у него есть *кровообращеніе*". *В. Р—въ.*

вѣка, какъ нравственной личности [1]). И человѣкъ, несмотря на свое очевиднѣйшее внѣшнее сходство по конструкціи своего организма со всѣмъ животнымъ царствомъ, тѣмъ не менѣе все-таки въ то же самое время всегда сознаетъ себя стоящимъ несравненно выше животнаго міра и совершенно даже отличнымъ отъ него: ибо онъ одинъ, будучи нравственною личностью, можетъ *властвовать* надъ стихійной частью своей природы. Вотъ эта грань, которая лежитъ между человѣкомъ и животнымъ, и уничтожается въ родовомъ актѣ, гдѣ человѣкъ не только не осуществляетъ себя, какъ особое идеальное начало въ мірѣ, а наоборотъ, становится совершенно на противоположную сторону: онъ утверждаетъ себя — какъ животное, подобное всѣмъ прочимъ животнымъ [2]). И у человѣка теперь, вмѣсто прежняго сознанія возможности своего превосходства предъ животнымъ, возникаетъ мысль уже о своемъ положительно осуществившемся духовномъ родствѣ съ животнымъ царствомъ [3]). Раньше это родство только

[1]) Очень все точно и разумно. Но, по истинѣ, въ *фунтѣ* земли, песку, уже есть *добро*, — ибо, какъ сказалъ какой-то схоластикъ—„нѣтъ ничего прискорбнѣе *небытія*". *В. Р—въ.*

[2]) И хорошо. Хорошо уже потому, что *смиренно*. Авторъ кричитъ: „нравственная личность", „нравственная личность", но вѣдь она сама—изъ нервовъ и мозга, а мозгъ и нервы отъ звѣздъ, отъ стихій, и, словомъ, Космосъ есть великая утроба, въ которой и изъ которой родилась „нравственная личность". Все связано „шестью днями творенія". Да и, затѣмъ, у какого разбойника нѣтъ „нравственной личности": ибо онъ и *разбойникомъ* могъ стать по „нравственной свободѣ" въ себѣ, по сей „божественной, *одному человѣку* присущей, свободѣ". Что же, авторъ прикажетъ мнѣ больше любить мазуриковъ и шулеровъ, чѣмъ овецъ, козъ и коровъ? *Да никогда! В. Р—въ.*

[3]) Тутъ только поэзія. Не понимаю, зачѣмъ автору *выходить изъ природы? Этого-то онъ нигдѣ и не доказываетъ*, и только стукаетъ словами. *В. Р—въ.*

мыслилось, или заключалось какъ бы въ потенціи. Теперь же человѣкъ реализировалъ его, и именно чрезъ ощутительную для него потерю своей разумности въ страсти полового акта, а чрезъ эту потерю своей разумности—и въ фактическомъ отождествленіи себя со всѣмъ остальнымъ неразумнымъ животнымъ міромъ. Переведенное при посредствѣ полового общенія изъ потенціи въ дѣйствительность, родство человѣка съ животнымъ міромъ и даетъ о себѣ знать самымъ чувствительнѣйшимъ образомъ въ фактѣ *стыда*, какъ о *явленіи недостойномъ человѣка* и *не должномъ быть*. Человѣку теперь стыдно не за свое просто внѣшнее сходство съ животнымъ міромъ, а за положительное *родство* съ нимъ. Стыдъ, сопровождающій всякій разъ родовой актъ, яснымъ образомъ показываетъ человѣку, что хотя онъ сходенъ въ своей жизни, какъ организмъ, со всѣми животными организмами природы, однако никогда не долженъ дѣлать этого сходства положительнымъ *родствомъ*, а, наоборотъ, долженъ строить свою жизнь на началахъ себя, какъ нравственной личности. Человѣкъ не просто животный организмъ, но плюсъ еще нѣчто другое, высшее содержаніе, образъ Бога [1]); и если человѣкъ отдаетъ себя во власть матеріальнаго про-

[1]) Все это—забвеніе, что *тамъ-же*, гдѣ сказано объ „образѣ и подобіи Божіемъ", сказано и „плодитесь, множитесь". Несчастная книжность, несчастная интеллигентность сдѣлала то, что человѣкъ мыслитъ себя „подобіемъ Божіимъ", когда строчитъ газетную статью или брошюру, а не когда носитъ на рукахъ больного ребенка, не когда мать кормитъ его грудью, не когда родители зачинаютъ его. Проклятое скопчество, родитель сухой и *суетной* интеллигентности. Нѣтъ, явно надо перемѣнить всѣ мотивы религіозности, всю мотивировку отношеній къ Богу и связи съ нимъ. *В. Р—въ.*

цесса природы, то и это высшее его начало смѣшивается съ нимъ и какъ бы уничтожается. Думать же, что половой актъ можно хотя бы чрезъ милліонъ лѣтъ одухотворить [1]), сдѣлать не плотскимъ, а проявленіемъ высшаго начала въ человѣкѣ, возможно только въ наивной фантазіи человѣка.

„Человѣку хочется вѣрить, что нравственный стыдъ, обнаруживаемый въ актѣ супружескаго сожительства, зависитъ вовсе не отъ природы его, а отъ того психическаго настроенія человѣка, съ которымъ онъ относится къ браку. Въ силу такого хотѣнія человѣкъ надѣется, что съ теченіемъ времени люди настолько внутренне-нравственно возвысятся, что уже никакого стыда супружескихъ общеній тогда быть не можетъ, а слѣдовательно прекратится и та нравственная мука самихъ супруговъ, которая необходимо связана съ этимъ стыдомъ [2]). Въ частности, самъ по себѣ актъ сожи-

[1]) Да онъ вполнѣ духовенъ и сейчасъ: половой актъ рождаетъ изъ себя море мысли и воображенія (младенца *съ душою*), и оно же, т.-е. воображеніе и мысль, обволакиваетъ (актъ) въ поэзіи, между тѣмъ какъ *физическій* глазъ и *физическое слово* (голосъ) не смѣютъ его коснуться. Совокупленіе есть самый духовный актъ, не то что пошлая, базарная похвятка. *В. Р—въ*

[2]) Содомскія мечты, намъ вовсе не нужныя. И теперь *во всякомъ своемъ составномъ частяхъ* актъ этотъ прекраснѣ. Чтобы его сдѣлать привлекательнымъ для человѣка, ради обезпеченія размноженія, природа и ея Создатель соединили въ немъ все самое лучшее, какъ разнообразно прекрасное соединено и въ цвѣтахъ растеній. Что онъ *для всѣхъ*, кромѣ mademoiselles въ спортукѣ, прекраснѣ, видно изъ воображенія человѣческаго, которое его любитъ представлять не въ другомъ, нежели какъ онъ существуетъ, видѣ,— не трансформируетъ его, а беретъ въ реальности. Онъ-бы никогда не *воображался*, не *мечтался*, если бы хоть въ какой-нибудь части

тельства, согласно этимъ мечтаніямъ человѣка, долженъ, съ теченіемъ времени, если ужъ не превратиться въ какое-то таинство, отъ выполненія котораго человѣкъ будетъ получать только одно чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія, то, во всякомъ случаѣ, по отношенію къ родовому акту супруги станутъ въ полное безразличіе его для нихъ, какъ нравственныхъ личностей, и онъ будетъ совершаться, въ крайнемъ случаѣ, точно такимъ же образомъ, какъ напр. совершается пищевареніе въ желудкѣ [1]). Однако осуществленіе подобной, хотя и благородной, надежды человѣка возможно лишь въ построеніяхъ богатой фантазіи самаго человѣка, и ни коимъ образомъ не въ дѣйствительной жизни. Супружеское физическое единеніе, до какого бы минимума мы ни доводили его чувственную сторону [2])

былъ дуренъ, отталкивающъ. *И въ этомъ направленіи* единственное „нравственное совершенство" должно заключаться въ томъ, чтобы *не лгать* болѣе, а сказать ту правду, какую всякій носитъ въ себѣ. *В. Р—въ.*

[1]) Какое гадкое сравненіе: кто-же *мечтаетъ* или *воображаетъ* о кишкахъ и ихъ движеніи? Между тѣмъ, благородные и язящные греки въ религіозныхъ процессіяхъ носили изображеніе небольшой фигурки мальчика съ очень большимъ органомъ, который нестая его жрица приводила въ движеніе, поднимала (Геродотъ). Имѣли-же греки *вкусъ* и *эстетику*? *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ, договорился: „*идеальный* бракъ есть нашъ идеалъ", „наилучшій бракъ есть тотъ, въ коемъ супруги *не хотятъ другъ друга*, чувственность отсутствуетъ". Но медицина подстерегаетъ философа-моралиста, и съ хохотомъ комментируетъ „да это и *бываетъ—у содомлянъ!* Они *не хотятъ* или почти не хотятъ другого супруга". Я-же говорю, что весь этотъ идеалъ „нравственнаго супружества" коренится въ немъ Содома. Побочно сдѣлаемъ замѣтку, что на этомъ-то содомо-дѣвственномъ идеалѣ брака коренится и европейская теорія развода: „они не живутъ другъ съ другомъ, жена сбѣжала отъ мужа, мужъ кинулъ

для себя, всегда необходимо требуетъ и будетъ требовать для возможности своего осуществленія высшаго подъема животнаго начала, и, обязательно, на счетъ пониженія жизнедѣятельности духа—нравственнаго начала. Мало этого, оно всегда требуетъ для своего осуществленія такого нервнаго органическаго возбужденія, которое необходимо должно закончиться оскорбительной для личности потерей себя, — иначе говоря, оно необходимо должно быть *страстнымъ*; и уничтожить эту страсть въ родовомъ актѣ — значитъ уничтожить весь актъ. А потому какой бы таинственностью, мистичностью ни обставляли люди физическую сторону брака, и какими бы благородными порывами души ни объясняли необходимость сожительства, все равно—въ собственныхъ глазахъ самого человѣка родовой актъ навсегда останется недолжнымъ, ибо онъ, какъ всякая другая страсть [1]), всегда совершается и можетъ совершаться на счетъ пониженія моей свободно-разумной нравственной личности. Думать же, чтобы супружескія отправленія были проявленіемъ духовнаго начала, и являться, напримѣръ, только осуществленіемъ мечтанія о будущемъ ребенкѣ, конечно, можно,—но человѣку суждено будетъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ

жеву",—жалуется міръ. „Тѣмъ лучше", отвѣчаетъ Содомъ: „ибо они теперь *не совокупляются*". Или: „они ненавидятъ другъ друга, дерутся".—„И отлично", успокаивается въ душѣ содомитъ: „если дерутся—значитъ *не совокупляются, а совершенствуютъ въ себѣ нравственную личность*". *В. Р—въ.*

[1]) О, дубинное разсужденіе: да развѣ можно „безъ страсти" написать стихотвореніе? Развѣ „безъ страсти" писалъ Шекспиръ „Лира", Пушкинъ—„Годунова", Лермонтовъ—„Мцыри", „Безъ страсти" писалъ только Херасковъ; и даже эта брошюра написана не „безъ страсти", не „безъ жара", и только грустно, что не съ супружескимъ жаромъ, но съ дѣво-содомскимъ. *В. Р—въ.*

остаться при однихъ мечтаніяхъ. Онъ вмѣстѣ съ этими мечтаніями долженъ допустить раздраженія организма или чрезъ воображеніе, или еще какимъ-либо инымъ образомъ, и тѣмъ возбудить въ себѣ страсть полового чувства. Мечтанія, которыя предшествуютъ родовому акту, служатъ незамѣтнымъ къ нему переходомъ, и они или вовсе не вызовутъ половой страсти, или (непремѣнно и неодолимо *В. Р.*) сами будутъ грязны. Здѣсь возможно говорить не о перемѣнѣ природы одного какого-либо начала, а только о границахъ того и другого, причемъ, если бы для матеріальнаго начала оставленъ былъ всего одинъ пунктъ его самостоятельной, а не служебной жизнедѣятельности, то и тогда онъ остался бы со всѣми своими характерными чертами и ни чуть не измѣнился бы въ своемъ содержаніи отъ того, что сфера идеальнаго начала гораздо обширнѣе. Чѣмъ больше человѣкъ употребляетъ энергіи на раскрытіе себя, какъ носителя идеальнаго высшаго нравственнаго бытія, изъ котораго только единственно и можетъ выходить все чистое, идеально-разумное: тѣмъ болѣе онъ суживаетъ самостоятельное активное значеніе органическаго начала—плоти [1]); но само по себѣ, въ самомъ своемъ существѣ, матеріальное начало ни чуть не измѣняется въ духовное, или, наоборотъ, при обратномъ значеніи—духовное измѣнялось бы въ плотское. Жизнедѣятельность плотского начала только можетъ насильственно подавлять такую-же жизнедѣятельность нравственнаго, идеальнаго начала природы

[1]) Комическая дилемма: или идеальное начало и эманципація, или-же потенція—и тогда *крушеніе* идеальнаго начала. Конечно міръ не могъ-бы существовать, еслибъ эта дилемма была реальна. Очевидно, „образъ Божій" извращенно чувствуется дѣвственниками. *В. Р—въ*

человѣка, что особенно и замѣтно въ кульминаціонномъ пунктѣ жизни плоти—плотскомъ соединеніи двухъ лицъ. Здѣсь органическое животное начало требуетъ отъ человѣка-нравственной личности, чтобы онъ не только пересталъ жить высшими своими интересами, но и положительно забылъ, что онъ разумно-свободное существо, имѣющее своею цѣлью раскрыть себя, какъ нравственную личность. И человѣкъ, дѣйствительно, подъ давленіемъ половой страсти теряетъ самообладаніе, самосознаніе, и всецѣло какъ бы отождествляется съ чисто матеріальнымъ отправленіемъ своего организма. Иначе и не можетъ быть: ибо при малѣйшемъ возбужденіи сознанія личности къ его постоянной активной разумной дѣятельности,—необходимо тотчасъ убивается страсть, а вмѣстѣ съ нею и самый родовой актъ [1]). А потому, и фантазировать о полномъ подавленіи страсти въ супружескихъ сношеніяхъ всегда возможно, но только достигнуть этого въ дѣйствительности, по самой природѣ вещей, невозможно. И для того, чтобы ребенокъ появился въ дѣйствительности, а не въ воображеніи только,—человѣку необходимо нужно на время подавить всѣ свои возвышенныя благородныя чувства, мечтанія, и спуститься въ наличныя условія его происхожденія, и неизбѣжно перенести на себѣ ту нравственную муку, которую влечетъ за собою родовой актъ. Только человѣкъ съ извращенной внутренней природой, и который фактически живетъ въ развратѣ,—только такой человѣкъ можетъ спокойно переносить (хотя только сравнительно спокойно), актъ половыхъ отправленій [1]). Иначе говоря, въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ совершенно обратное тому заблужденію, по которому *чѣмъ нравственнѣе* личность—тѣмъ *менѣе* ею чувствуется недолжность половыхъ отправленій. Дѣйствительность говоритъ намъ совершенно обратное, т.-е., что развитіе нравственнаго сознанія человѣка, въ силу котораго онъ уже теперь не можетъ приступать къ родовому акту съ грубою цѣлью физическихъ наслажденій, оно-то и служитъ единственною причиною нравственныхъ мученій человѣка въ бракѣ. Стыдъ въ болѣе сильной степени появляется именно только у людей не развращенныхъ, и, наоборотъ, полное отсутствіе стыда можетъ свидѣтельствовать вовсе не о высокой степени нравственнаго развитія человѣка, а только о полномъ его нравственномъ паденіи.

[1]) Удивительно все по *точности* мысли, по строгости *разсужденія*: это лучшій трактатъ о бракѣ, какой я читалъ, единственный научно-правильный. Но „натура взяла свое": и всѣ *идеалы автора извращены*. Въ добавленіе и *объясненіе* вѣрныхъ наблюденій автора, скажу, что та „потеря сознанія", которая происходитъ въ послѣдній моментъ родового акта, не есть конечно исчезновеніе „куда-то" души, ума, нравственной личности и идеализма (тогда человѣкъ *умеръ-бы*), а есть *всего этого переходъ въ сѣмя*. Весь духъ человѣка, все его личное „я" проницаетъ сіяніемъ сѣмя: отъ чего въ дитяти и отражается весь „духъ" его родителей, ихъ таланты, геній, благородство. Изъ этого объясняется пониженная духовность у дѣтей „пренебыточествующихъ" геніевъ: они не способны совершить акта съ требующимся „забвеніемъ себя", съ „потерей сознанія"; т. е. во время акта *душа* ихъ остается въ головѣ, и сѣмя въ утробу матери переходитъ *обездушеннымъ только животнымъ*, только *ферментомъ патологическаго зачатія*. *В. Р--ъ*

[1]) Подобный образъ намъ данъ Достоевскимъ въ лицѣ отца братьевъ Карамазовыхъ. *Примѣч. в. Розан.*—Авторъ можетъ подозрѣвать, что *я теперь* Ѳ. П. Карамазовъ: но не былъ-же я имъ *въ 17 лѣтъ*, не былъ имъ, когда писалъ „Мѣсто христіанства въ исторіи": но и въ то время я вообще никогда я „муки", „позора" и „грѣха" въ половомъ соединеніи не чувствовалъ, а наоборотъ чувствовалъ всегда, что „все дѣло добро сотворилъ Богъ",—согласно всѣмъ православнымъ. *В. Р--ъ*.

„На потерѣ стыда и высшаго нравственнаго сознанія собственно и держится половая функція организма, тогда какъ развитіе нравственнаго сознанія человѣка ведетъ къ полному его уничтоженію [1]). „Я стыжусь, слѣдовательно существую не физически только, но и нравственно, — я стыжусь своей животности, слѣдовательно, я существую еще какъ человѣкъ [2])". Отсюда— надежда человѣка, что съ теченіемъ времени люди перестанутъ стыдится акта физическихъ общеній, есть въ существѣ дѣла надежда на то, что придетъ время, когда люди будутъ жить исключительно по физическому опредѣленію жизни, т.-е. будутъ заключать весь интересъ жизни въ органическихъ отправленіяхъ ихъ животной природы, а не въ нравственномъ развитіи человѣка, какъ свободной и разумной личности, а слѣдовательно—это надежда на полное его нравственное паденіе [3]). Только тогда, когда человѣкъ съ теченіемъ времени обратится въ простую, физическую, хотя и живую вещь наличной дѣйствительности, онъ можетъ спокойно переносить актъ полового общенія, который въ этомъ случаѣ явится полнымъ выраженіемъ подлинной природы человѣка, какъ преходящей вещи, какъ животнаго. Но эта надежда въ отношеніи ко всему человѣчеству въ его совокупности представляетъ сущій абсурдъ, ибо если въ

[1]) Вотъ! „*Импотенція* и скопчество есть нашъ *христіанскій идеалъ*". „И съ прекращеніемъ *рождаемости* мы успокоимся". Но чѣмъ человѣчеству сходить въ могилу, лучше вы, содомитяне, въ нее сходите. *В. Р—въ.*

[2]) В. С. Соловьевъ: „Оправданіе добра". *Примѣч. в. Фохи.*

[3]) Ну, а какъ-же это у евреевъ, добрый авторъ? У евреевъ, которые, приступая къ акту, т.-е. въ самую секунду „входа" въ жену, совершаютъ ритуально исповѣданіе: „Се, исполняю Твою святую заповѣдь". Неужели *есть евреи* находятся въ „безконечномъ нравственномъ паденіи"?! *В. Р—въ.*

нравственномъ отношеніи отдѣльные люди, хотя бы и большинство, идутъ по пути регресса то весь-то историческій процессъ развитія человѣчества, независимо отъ случайныхъ уклоненій, идетъ по пути прогресса нравственнаго развитія человѣка; и на основаніи этого съ полною основательностью можно предположить, что бракъ съ теченіемъ времени, если не для большинства, то для нѣкоторыхъ личностей, не только потеряетъ положительное значеніе, но и сдѣлается для нихъ совсѣмъ нравственно невозможнымъ [1])... Въ совершенномъ бракѣ, въ которомъ до конца осуществляется внутренняя полнота человѣческаго существа... дѣторожденіе дѣлается и не нужнымъ [2]), и невозможнымъ... Совершенный бракъ есть начало новаго процесса, не повторяющаго жизнь во времени, а возстановляющаго ее для вѣчности [3])...

„Внѣшнее физическое дѣторожденіе является какъ естественное послѣдствіе недостигнутаго въ настоящемъ совершенства, и какъ необходимый путь для его будущаго достиженія" (В. С. Соловьевъ). „Вѣдь не даромъ же сама природа сдѣлала такъ, что это дѣло и мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то такъ и нужно понимать" (Л. Н. Толстой) [4]). Между тѣмъ люди пи-

[1]) Вотъ! Хороша мечта. „Наши семинарскія тетради и нашъ содомскій идеалъ мы сбережемъ и осуществимъ цѣною *погибели всего человѣческаго рода*". Да это, конечно, и есть завѣтъ и стимулъ монашества. Не правъ-ли я, давно начавъ кричать: смотрите, это идутъ погубители человѣчества, злодѣи въ образѣ антеевъ, пантеры въ образѣ овецъ! *В. Р—въ.*

[2]) Хорошо! Какая прелесть!! *В. Р—въ*

[3]) Для могилы. *В Р—въ.*

[4]) У Л. Толстого есть какая-то личная и семейная тайна, на которую намекъ содержится въ разговорахъ его съ г. *Гинцбургомъ*. Когда зашла рѣчь о дѣтяхъ его, и что они—неспособны, то Л. Тол-

таютъ странную надежду, что если и не теперь, то, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, это по природѣ мерзкое и стыдное не уничтожится совсѣмъ, а только сдѣлается чистымъ, возвышеннымъ [1]).

„Въ оправданіе брака весьма нерѣдко можно слышать указаніе на рожденіе дѣтей, въ которыхъ, дѣйствительно, заключается весь естественный смыслъ брака; но въ то же самое время сама по себѣ эта ссылка на дѣтей все-таки едва ли не болѣе, чѣмъ странна. Оправдывать бракъ дѣтьми для человѣка будетъ рѣшительно все равно, какъ если бы какой-нибудь морфинистъ сталъ оправдывать свою привычку тѣмъ болѣзненнымъ, ненормальнымъ, но пріятнымъ состояніемъ организма, которое непосредственно вызываетъ морфій въ человѣкѣ [2]). Если бы подобное разсужденіе и было бы вполнѣ убѣдительно-состоятельно для самого морфиниста, и

стой привелъ нѣкоторую философію, и, сославшись на одного своего ребенка, сказалъ, что ему есть что́ сказать о его рожденіи, но онъ развѣ скажетъ это въ секунду смерти, — *вотъ передъ тѣмъ, какъ юркнуть подъ крышку гроба*". Слова не оставляютъ сомнѣнія о чрезмѣрной постыдности этихъ словъ (міровая застѣнчивость), этого признанія, — и я опасаюсь, не по части-ли это „дѣвственныхъ идеаловъ" великаго писателя земли русской. Во всякомъ случаѣ „Крейцерова соната" есть сплошь рыдающая *натура* муже-дѣвы, „осквернившейся съ женщиною" лишь по положенію „женатаго" человѣка, когда „noblesse oblige". *В. Р—въ.*

[1]) Нельзя не поблагодарить добраго, патетическаго и честнаго архим. Михаила (нынѣ старообрядческаго епископа), — *единственнаго монаха*, который по переводѣ изъ Казани въ Петербургъ, начавъ разсуждать въ печати о бракѣ, сказалъ громко; „половое сліяніе *все и до дна чисто*". За это дѣти, нынѣшніе и будущіе, должны воспѣть ему хвалу. Онъ - *не* въ дѣтоубійцахъ, хотя и монахъ. *В. Р—въ.*

[2]) О, гады, о, дѣтоубійцы, Ироды, Скублинскіе... Приравнять *дѣторожденіе* къ морфинизму!... *В. Р—въ.*

могло бы для него служить дѣйствительнымъ основаніемъ въ пріемѣ морфія, то оно оказалось бы совершенно несостоятельнымъ для нормальнаго здороваго человѣка, ибо кому же въ самомъ дѣлѣ желательно быть, хотя можетъ быть и въ пріятномъ, но все-таки въ болѣзненномъ состояніи? Точно то же самое нужно сказать и относительно дѣтей, какъ естественномъ слѣдствіи родового акта: можетъ быть и они суть нѣчто, если не *ненормальное* [1]), то во всякомъ случаѣ и не соотвѣтствующее истиннымъ цѣлямъ жизни человѣка. — И дѣйствительно, если мы возьмемъ человѣка не какъ только простой живой организмъ и не въ физическомъ опредѣленіи его временной земной жизни, а человѣка, какъ носителя высшаго идеальнаго начала и въ его абсолютномъ вѣчномъ содержаніи жизни, то дѣти здѣсь окажутся не только нежелательнымъ явленіемъ, но положительно фактически неотвѣчающимъ истиннымъ задачамъ жизни человѣка. И, прежде всего, они всякій разъ отрицаютъ за человѣкомъ всякое абсолютное, вѣчное содержаніе его собственной индивидуальной жизни [2]), обращая человѣка въ простое средство осуществленія невѣдомыхъ ему какихъ-то міровыхъ цѣлей общаго бытія. Потомство необходимо заставляетъ человѣка разсматривать себя уже не подъ точкою зрѣнія его личной цѣнности, а подъ точкой зрѣнія его временныхъ условій существованія въ предѣлахъ на-

[1]) Дѣти—ненормальность! Но это, конечно, *неодолимое убѣжденіе* содомита. „Натура кричитъ". *В. Р—въ.*

[2]) Да *индивидуальная*-то жизнь украшается дѣтьми. „*Честь отца*"—палладіумъ для дѣтей; онъ благороднѣе, нежели палладіумъ государства— „*слава гражданина*" *Гордость* матери сыномъ— выше, *свяк[illegible]нѣе*, чѣмъ *слава* его передъ толпою. Богатство *отца* лучше, бла[illegible]днѣе чѣмъ, богатство скопца-финансиста. *В. Р—въ.*

личной дѣйствительности. Фактически въ появленіи каждаго слѣдующаго поколѣнія человѣческаго рода свидѣтельствуется ни о чемъ другомъ, какъ именно о томъ, что *я*, какъ опредѣленная индивидуальная личность, самъ по себѣ не имѣю ровно никакой безусловной цѣны, и не имѣю никакого своего личнаго вѣчнаго содержанія жизни, которое я могъ бы осуществить во всей своей жизни; и потому-то и явилось это слѣдующее поколѣніе, которое должно замѣнить меня и въ которомъ я думаю хотя немного смягчить нелѣпость моего личнаго бытія [1]). Но это новое поколѣніе само, въ свою очередь, обречено на такое же безсмысленное временное существованіе, какъ и мое личное существованіе, въ чемъ оно и не замедлитъ быть обличено слѣдующимъ за нимъ поколѣніемъ. И жизнь всего человѣческаго рода теперь представляетъ собою картину лишенной въ своемъ существованіи всякаго смысла смѣны однихъ поколѣній другими, среди которыхъ отдѣльное самостоятельное „я" совершенно исчезаетъ. Въ естественномъ слѣдствіи брака—потомствѣ—послѣдующее поколѣніе прямо и непосредственно упраздняетъ своихъ предшественниковъ; и обличаетъ ихъ въ безмысленности ихъ временнаго существованія и обнаруживаетъ предъ ними всю иллюзорность ихъ личной жизни, каковою они всегда живутъ въ своемъ собственномъ сознаніи [2]). Потомство именно реальнѣйшимъ

[1]) Такое-же глупое разсужденіе, какъ слѣдующее: „Я ѣмъ въ пятницу пирогъ съ грибами, а въ понедѣльникъ ѣлъ съ капустой. Отчего я не остановился на пирогѣ съ капустой? Увы, мнѣ: ѣда пирога съ грибами обращаетъ въ совершенное ничто пирогъ съ капустой, и тогда для чего-же его пекли"?! *В. Р—въ.*

[2]) До чего все глупо! Былъ Авраамъ и угодилъ Богу, въ видѣ трехъ странниковъ посѣтившаго его. И родился отъ него!

образомъ свидѣтельствуетъ сознанію каждаго человѣка уже самимъ фактомъ своего появленія, о безцѣльности личнаго существованія своихъ предшественниковъ, обнаруживая каждому человѣку, что онъ по своей жизни вовсе не безусловная *личность*, а простая *физическая вещь* міра, ограниченная въ своемъ бытіи наличнымъ физическимъ существованіемъ, и предназначенная служить только средствомъ всеобщаго процесса жизни... Никакого иного значенія для человѣка, какъ личности, бракъ имѣть не можетъ". *Фози.*

Все это разсужденіе г-на Фози, представляя вообще квинтъ эскенцію Платоновой мудрости, дѣвственной мудрости, христіанской мудрости, церковной мудрости, въ высшей степени драгоцѣнно точностью языка и рѣшительностью искреннихъ сужденій. „Яблочко дозрѣло",— и чѣмъ возиться съ семинарскими тетрадками, лучше было разобрать его одного. Въ „тетрадкахъ" ничего другого нѣтъ, кромѣ здѣсь изложеннаго,—но все лишь запудрено, замалевано, подслащено. Мышьякъ съ сахаромъ. Но лучше имѣть съ нимъ дѣло безъ сахара.

Исаакъ. Отъ Исаака—Іаковъ, котораго опять посѣтилъ Богъ и боролся съ нимъ въ ночи! Вѣдь это *не одно*! Съ потомствомъ приходитъ *разнообразіе* и *обиліе* всего отношенія къ міру: *лично* я не въ силахъ охватить науку и войну, культуру и религію, хоть живи *вѣчно*, хоть будь семи пядей во лбу! Но *я* размножился: и въ дѣтяхъ, внукахъ, въ сотомъ поколѣніи я *тысячью рукъ* работаю въ человѣчествѣ, я обоняю всѣ запахи міра, дѣлаю всѣ профессіи, я рабъ и царь, геній и безумецъ. Какое богатство сравнительно съ какимъ бы то ни было личнымъ существованіемъ! Да и вообще неужели виноградная лоза бѣднѣе виноградной ягоды" Неужели яблоня, приносящая ежегодно пользы, не богаче и не лучше единичнаго яблока! А священное „Древо Жизни" въ Апокалипсисѣ" приноситъ плоды 12 разъ годъ"...". *В. Р—въ*

Передвиженіе пола изъ положительныхъ въ отрицательныя тяготѣнія.

Противо-родовыя *идеи* не могутъ возникнуть безъ противо-родовыхъ *инстинктовъ*; а таковые *единственно* встрѣчаются, и притомъ *безспорно* встрѣчаются, на той точкѣ *текущаго пола*, гдѣ онъ изъ влеченія къ гармонизаціи съ противоположнымъ анатомически поломъ (сопряженіе, супружество) переходитъ во влеченіе къ сліянію *со своимъ* поломъ. Въ этой точкѣ перехода является, всего на моментъ, полное *отрицаніе пола*; полъ, и свой и чужой, ощущается какъ совершенно *ненужное*, *лишнее*, *придаточное*; чему не отвѣчаетъ внутри *никакой психологіи*, *никакихъ идей*. Это глубоко спокойное состояніе можно сравнить съ состояніемъ дѣтства и ранняго отрочества; или, точнѣе, дѣтство и раннее отрочество суть фаза въ жизни каждаго человѣка, когда онъ переходитъ этотъ поясъ, названный нами духовною содоміею [1]), чтобы затѣмъ вступить или въ обширное поле сопряженности съ противоположнымъ поломъ, или въ необширное, но глубокое, терпкое, старое озеро сліянія со своимъ поломъ. Д-ръ Форель („Половой вопросъ", стр. 282) приводитъ результатъ опроса, произведеннаго у 3.916 муж-

[1]) Совершенно тупоголовое предположеніе Шопенгауэра, что содомія устроена самою природою въ интересахъ рожденія сильнаго потомства, и *потому* встрѣчается въ возрастѣ отроческомъ, когда сѣмя *не созрѣло*, и въ возрастѣ *дряхломъ*, когда оно полуспизло, опровергается: 1) тѣмъ, что сущность содоміи заключается въ поглощеніи, положимъ старцами, сѣмени именно *самого цвѣтущаго возраста*, отъ котораго родились-бы наилучшія дѣти, и 2) что активная содомія, кромѣ случаевъ личной порочности, не очень частыхъ, встрѣчается какъ врожденный фактъ, обнимающій жизнь человѣка *во всемъ его возрастахъ*. Впрочемъ, эта гипотеза знаменитаго философа до того не отвѣчаетъ всѣмъ фактамъ что ее нечего опровергать. *В Р—ъ.*

чинъ, причемъ оказалось, что изъ нихъ 94_{100}^{0} чувствовали влеченіе къ противоположному полу, 3_{100}^{0} чувствовали совмѣстное или періодически мѣняющееся влеченіе къ обоимъ поламъ, и 1_{100}^{0} —къ сліянію со своимъ поломъ. Эта послѣдняя категорія получила въ наукѣ названіе „урнинговъ". Обычная теорія, что это суть особи „съ мужскимъ тѣломъ и женскимъ мозгомъ и душою", есть болѣе имя и описаніе, нежели объясненіе. Очевидно, объясненіе этого явленія лежитъ въ недостающей *полной теоріи пола*, которая наравнѣ съ этою аномаліею объяснила-бы и прочія. Но совершенно очевидно, что для выработки, или, лучше сказать, для открытія этой теоріи, этого объясненія, изученіе урнинговъ и особенно исповѣданія ихъ представляютъ страшно важный матерьялъ. Какъ есть *электричество* положительное и отрицательное, какъ въ математикѣ есть положительныя и отрицательныя *величины*, съ „*О*" между ними, какъ есть *движеніе* впередъ и назадъ и точка *покоя*: такъ явленіе пола, въ зачатіи сплетенное изъ двухъ половъ, изъ материнскаго, т. е. *женскаго*, и изъ отцовскаго, т. е. *мужскаго*, есть непремѣнно въ *каждомъ* организмѣ и въ *каждый* моментъ его жизни *муже-женское*, и отъ этого *текущее*, *вибрирующее*, *лучащееся*, причемъ 1) ни индивидуумъ на протяженіи своей жизни не остается тождественнымъ себѣ самому все время, ни 2) всѣ индивидуумы сходными между собою. Полъ въ насъ дрожитъ, колеблется, вибрируетъ, лучится. То материнская сторона преобладаетъ, то отцовская, то обѣ стороны въ гармоніи (дѣтство), то которая-нибудь въ подчиненіи, исчезаніи, умираніи (время нормальной половой дѣятельности, когда человѣкъ ищетъ пополненія себя замирающею въ немъ стороною). Старческое влеченіе къ полу, иногда выражающееся въ безумныхъ про-

ступкахъ-припадкахъ, есть поглощеніе жизни и ея источниковъ почти умирающимъ: это тотъ глотокъ воздуха, который дѣлаетъ утопающій, вынырнувъ на секунду изъ воды. Это глубоко жалкія явленія, едва-ли наказуемыя, отъ которыхъ просто надо *беречься каждому и беречь, охранять другихъ*. Это—dementia non individui, sed generis humani. Оставимъ однако это все. Мы здѣсь не строимъ теоріи пола. Но чтобы показать читателю, что полъ есть именно *текущее*, и притомъ перетекающее изъ *положительныхъ* величинъ въ *отрицательныя*, мы должны указать на одинъ случай разсказа Крафтъ Эбингу пацієнтомъ и вмѣстѣ врачемъ факта перерожденія, имъ испытаннаго уже въ зрѣломъ возрастѣ, изъ мужчины въ женщину. Такимъ образомъ здѣсь міровой процессъ передвиженія, совершающійся во всемъ человѣчествѣ, случайно задѣвъ и *совмѣстившись началомъ и результатомъ въ одномъ субъектѣ*— далъ полную свою картину, которая могла быть разсказана. Случай этотъ я считаю болѣе удивительнымъ, чѣмъ всякая „Вавилонская башня", и могущимъ для философіи и науки дать болѣе результатовъ, чѣмъ раскопки Ниневіи или Персеполя. Вотъ этотъ разсказъ объ удивительномъ превращеніи:

„Я родился въ Венгріи, въ 1844 г. Долгое время я былъ единственнымъ сыномъ своихъ родителей, такъ какъ *остальныя дѣти оказывались нежизнеспособными* [1]).

[1]) Вообще разительно и любопытно *индивидуальное происхожденіе* аномалій пола. Вотъ-бы поработать наукѣ... Хоть-бы начать собирать кой-какія наблюденія. Я раньше думалъ, что напр. *во время беременности* родители допустятъ между собою содомическій актъ, какъ случай и забаву,—и тогда *родится содомитъ*. Но это, очевидно, поверхностно: *происхожденіе* „уранизовъ" безпросвѣтно глубоко и таинственно. Скорѣе, оно происходитъ отъ *про-*

Лишь впослѣдствіи родился братъ, который жилъ довольно долго.

„Я происхожу изъ семьи, въ которой часто являлись нервныя и психическія страданія [1]) Въ дѣтствѣ я былъ очень красивъ, *съ роскошными свѣтлыми локонами и прозрачной кожей*. Я былъ *послушный тихій, скромный* мальчикъ, и меня охотно брали въ любое дамское общество, не опасаясь, чтобы я чѣмъ-либо шокировалъ.

„При весьма богатой фантазіи — этого постояннаго врага моего — довольно быстро развились мои способности. Въ 4 года я уже читалъ и писалъ; память моя простирается до 3-хъ лѣтняго возраста. Я игралъ всѣмъ, что попадало мнѣ въ руки, — оловянными солдатиками, камушками, ленточками. Лучше всего я чувствовалъ себя въ домѣ матери, гдѣ все было мое. У меня были два-три товарища, къ которымъ я относился хорошо, но также охотно встрѣчался и съ ихъ сестрами, которыя

ставленія уже родителей по тому *отсѣку* мірового круга или мірового эллипсиса, по коему движется весь полъ, summa sexus (колесо Іезекіиля). Содомія—въ *афеліи* и *перигеліи* этого эллипсиса, въ его *сужденіяхъ*, въ „носикѣ" мірового лица: а *рожденіе* („норма") въ боковыхъдлинныхъ его сторонахъ. Всякій человѣкъ—естественно въ „какой-нибудь" точкѣ эллипсиса родители „содомита"—въ его *боковыхъ длинныхъ линіяхъ*: но *малъ, здѣ линія* начинаетъ склоняться къ „носику". Сами родители, поэтому, плодородны: но уже въ нихъ есть неощутимый „толчокъ" къ содоміи, который въ дѣтяхъ *проболжается болѣе* и *реализуется*. Но и это только „можетъ быть". Темь, темь и темь... *В. Р—въ*.

[1]) Можно предположить, что не страданія были основою и причиною послѣдующаго феномена пола: а что этотъ феноменъ, бурно пробиваясь къ осуществленію, сотрясалъ „нервными и психическими страданіями" ту органическую среду, въ которой появился. Ибо полъ—всегда *центръ*, всегда *зерно*. *В. Р—въ*

относились ко мнѣ, какъ къ дѣвочкѣ, что сначала не стѣсняло меня.

„Я былъ на пути къ тому, чтобы совершенно превратиться въ дѣвочку. Я зналъ, однако, что это не подобаетъ мальчику. И я старался поэтому играть съ мальчиками, подражалъ во всемъ своимъ товарищамъ, старался перещеголять ихъ удальствомъ, что и удавалось мнѣ. Не было такого высокаго дерева, на которое я не взобрался бы. Дѣвочекъ я старался избѣгать, такъ какъ мнѣ не слѣдовало заниматься ихъ играми, и меня злило, что онѣ считали меня равнымъ себѣ.

„Въ обществѣ взрослыхъ я *былъ*, однако, *всегда* одинаково *скроменъ* и одинаково желаннымъ гостемъ. Меня часто тревожили фантастическія сновидѣнія: мнѣ снились дикіе звѣри, которые однажды заставили меня бѣжать съ постели, при чемъ я не проснулся. Я всегда былъ одѣтъ просто, но красиво, и поэтому *полюбилъ вообще красивую одежду*. Мнѣ помнится, съ дѣтства у меня явилась *склонность къ женскимъ перчаткамъ*, которыя я одѣвалъ часто какъ могъ. Однажды, когда *мать* кому-то отдала *пару своихъ перчатокъ*, я очень сердился. На ея вопросъ, я отвѣтилъ, что *лучше бы она мнѣ ихъ подарила*. Меня подняли на смѣхъ, и съ тѣхъ поръ я остерегался говорить о своемъ *пристрастіи къ женскимъ вещамъ* [1]).

„Особенно *радовала* меня маскарадная одежда, т. е. *женская*. При видѣ таковой, я *завидовалъ* его *обладательницѣ* [2]). Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на двухъ

[1]) Вещи, и особенно платье, человѣкъ создаетъ по натурѣ своей, въ сущности—изъ натуры своей: и съ дѣвичьимъ *сложеніемъ* мальчикъ невольно ищетъ женскихъ *вещей*. *B. P*—въ.

[2]) Какъ все незамѣтно, какъ невольно, какъ „мало-по-малу" *B. P* - въ.

молодыхъ людей, замаскированныхъ женщинами. И, тѣмъ не менѣе, самъ не рискнулъ бы одѣть женскаго костюма, боясь насмѣшекъ. Въ школѣ я былъ весьма прилеженъ, *учился лучше всѣхъ* [1]). Родители всегда внушали мнѣ что первое въ жизни—это *долгъ* [2]), и *показывали* сами *примѣръ*. Посѣщеніе школы было для меня удовольствіемъ, такъ какъ учителя были снисходительны, а старшіе ученики прекрасно относились къ младшимъ.

„Въ это время мы покинули родину, такъ какъ отцу пришлось уѣхать. Мы отправились въ Германію. Здѣсь господствовалъ *строгій режимъ*, отчасти среди учителей, отчасти среди учениковъ, и надо мной снова *стали смѣяться вслѣдствіе моей женственности* [3]).

„Мои товарищи дошли до того, что они *назвали моимъ именемъ дѣвушку, похожую на меня*, а *ея именемъ меня назвали*. Такъ что я ненавидѣлъ эту дѣвушку, съ которой подружился потомъ, когда она вышла замужъ. Моя мать продолжала красиво одѣвать меня, и это было мнѣ противно, потому что это вызывало вѣчно насмѣшки. Я очень обрадовался, наконецъ, когда меня *одѣли* въ настоящую *куртку* и настоящія *брюки*. Но и тутъ начались новыя терзанія. *Костюмъ стѣснялъ меня у половыхъ частей*, въ особенности когда сукно оказывалось влажнымъ. А когда портной примѣрялъ мнѣ брюки и прикасался къ половымъ частямъ, дрожь пробѣгала у меня по тѣлу. Это ощущеніе было для меня невыносимо. Затѣмъ приходилось дѣлать гимнастику, и *я не могъ продѣлывать упражненій, которыя и дѣвушкамъ не легко даются. Во время купанья меня мучила стыдливость*; мнѣ стыдно

[1]) Высокія способности, никакого пониженія ихъ. *B. P*—въ.

[2]) Нравственная, не распущенная семья. *B. P*—въ.

[3]) Все невольно и мало-по-малу. Какая-же „паталогія" (страданія, болѣзнь)?! *B. P* въ.

было раздѣваться, хотя я это дѣлалъ очень охотно: въ тоже время это доставляло мнѣ удовольствіе.

„До 12-ти лѣтъ *я чувствовалъ слабость въ крестцѣ*. Плавать я научился поздно, но за то настолько хорошо, что могъ совершать большіе туры. До 18-ти лѣтъ у меня *было женоподобное* лицо, и лишь съ этого времени начался у меня ростъ бороды, такъ что я нѣсколько успокоился. Пріобрѣтенная на 12-мъ году и излѣченная на 18-мъ году паховая грыжа очень стѣсняла меня, особенно при гимнастикѣ. Сюда съ 12-ти лѣтъ присоединились, при долгомъ сидѣніи и въ особенности при вечерней работѣ, *зудъ, треніе и дрожаніе*, начиная съ penis'a *до крестца*. Это затрудняло сидѣніе и стояніе, усиливаясь при простудѣ. Но я рѣшительно не предполагалъ, чтобы это имѣло связь съ половой сферой.

„Такъ какъ никто изъ моихъ товарищей этимъ не страдалъ, то я ничего на этотъ счетъ не зналъ, и мнѣ приходилось напрягать до высшей степени терпѣніе, чтобы переносить это, тѣмъ болѣе, что *животъ вообще часто стѣснялъ меня*.

„Въ половыхъ вопросахъ я еще вообще былъ совершенно несвѣдущъ, но уже *на 12-мъ, 13-мъ году я чувствовалъ, что мнѣ пріятнѣе было бы быть женщиной*. Мнѣ гораздо *больше нравилась ея фигура, ея спокойная походка, въ особенности ея одежда*; но я опасался думать объ этомъ, хотя зналъ, что *не убоялся бы кастраціоннаго ножа для достиженія своей цѣли*. Если бы мнѣ пришлось отвѣтить, почему я предпочиталъ *женскую одежду*, я сказалъ бы: *меня непреодолимо влечетъ къ этому*; быть можетъ, *я и казался самому себѣ скорѣе дѣвушкой, въ виду удивительно нѣжной кожи, особенно лица и рукъ. Среди дѣвушекъ я былъ желаннымъ гостемъ*. Хотя и мнѣ нравилось ихъ общество, но я избѣгалъ ихъ,

потому что мнѣ *приходилось пересиливать себя, чтобы самому не казаться женственнымъ*. Однако, въ душѣ я завидовалъ имъ. Особенную *зависть* вызывала у меня подруга, которая получила *длинное платье* [1] и ходила въ перчаткахъ и со шлейфомъ.

„Когда я на 15-мъ году совершилъ путешествіе, одна дама предложила мнѣ переодѣться дѣвушкой и выйти съ нею погулять. Не смотря на все желаніе сдѣлать это, я не согласился, потому что эта дама была не одна. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ это время, какъ въ одномъ городѣ мальчики ходятъ въ блузахъ съ короткими рукавами и обнаженными руками. Одна *разодѣтая дама показалась мнѣ прямо богиней; я былъ-бы счастливъ, если-бы она прикоснулась ко мнѣ своей рукой*; я съ завистью думалъ о томъ, съ какой радостью одѣлся бы въ эту *прекрасную одежду*.

„Тѣмъ не менѣе я *прилежно занимался*, окончилъ реальное училище и гимназію въ 19 лѣтъ, *хорошо выдержалъ экзаменъ* на аттестатъ зрѣлости. Я помню, на 15 году я впервые *высказалъ* своему другу *желаніе быть дѣвушкой*. На вопросъ, *почему* именно, *я ничего не могъ отвѣтить*. На 17-мъ году я попалъ въ общество кутилъ; я пилъ много пива, курилъ, заигрывалъ съ продавщицами. Послѣднія охотно знакомились со мною, но *относились всегда ко мнѣ такъ, словно и я самъ былъ въ юбкѣ*. Уроковъ танцевъ я не могъ посѣщать.

„Я *мечталъ* о томъ, какъ счастливъ я былъ-бы, *если-*

[1]) Поразительно! Вотъ врожденный callus древности. Но до чего тупы медики (см. Пеликанъ: „Медицинское наслѣдованіе о скопчествѣ"), которымъ *ни разу не пришло на умъ* соединять скопчество религіозное съ этимъ фактомъ въ натурѣ человѣчества, что *нѣкоторые въ немъ рождаются предназначенными къ оскопленію, суть ex nascente религіозные galli*. *В. Р—въ*

бы я былъ дѣвочкой. Я вспоминаю *съ чувствомъ нѣжности о красивомъ другѣ съ женоподобнымъ лицомъ и темными локонами* [1]). Мнѣ помнится, я очень желалъ, чтобы мы оба были дѣвушками.

„Будучи студентомъ, я, наконецъ, добился однажды coituss'a. Hoc modo sensi, me libentius sub puella concubuise et penem meum cum cunno mutatum maluisse. Дѣвица, къ своему изумленію, должна была обходиться со мною, какъ съ дѣвушкой, на что она охотно согласилась (она, видимо, была еще неопытна и не смѣялась надо мною).

„По временамъ я бывалъ дикъ, но чувствовалъ всегда, что я, при этомъ, только маскируюсь. Я пилъ, буянилъ, но все же на уроки танцевъ не могъ являться, боясь выдать себя. Дружба моя была искренняя, безъ заднихъ мыслей. Особенно *радовался я, когда товарищъ маскировался дамой*, или когда *я* могъ *оцѣнивать дамскіе костюмы на балу*. Я отлично понималъ въ этомъ дѣлѣ и постепенно начиналъ даже чувствовать какъ женщина.

„Два раза я покушался на самоубійство вслѣдствіе несчастныхъ связей. Однажды я безъ всякой причины не спалъ 14 дней, много галлюцинировалъ, говорилъ въ бреду съ живыми и мертвыми.

[1]) Къ исторіи литературы и вообще культуры. Кто-же не обращалъ вниманія, что лицо Рафаэля, безбородое и такое нѣжное, есть *прекраснѣйшее лицо дѣвушки*; и почти также прекрасно, какъ лицо Рафаэля, лицо, terribile dictu, Чернышевскаго (см. чудный его портретъ въ „Вѣстникѣ Европы", октябрь 1909 г.), проводившаго въ „Что дѣлать" теорію о глупости ревнованія своихъ женъ; на самомъ-же дѣлѣ, конечно, теорію о полномъ наслажденіи мужа при „дружбахъ" его жены, при чемъ мужъ втайнѣ, въ воображеніи, уже наслаждается красотою и всѣми формами женинаго „друга". Значеніе Чернышевскаго въ нашей культурѣ, конечно, огромно. Онъ былъ $^1/_8$-урнингъ, $^1/_4$-урнингъ, $^1/_{10}$-урнингъ. *В. Р—ва.*

„Была у меня и *подруга*, знавшая мои склонности, она *одѣвала мои перчатки*; но *обходилась со мною какъ съ дѣвушкой. Я понималъ женщинъ лучше всякаго мужчины, и когда онѣ узнавали это, со мною обходились какъ съ подругой. Я не переносилъ скверносло*вія. Вѣчно мнѣ оставалось непонятнымъ одно: я зналъ, что у меня женскія наклонности, но зналъ, вѣдь, и то, что я—мужчина; я сомнѣвался лишь, *нравилась ли мнѣ когда-нибудь женщина, помимо моего желанія быть таковой*, и помимо попытокъ къ coitus'y, который, между прочимъ, *не доставлялъ мнѣ удовольствія*.

„Изученіе акушерства давалось мнѣ съ трудомъ (я *стыдился за дѣвушекъ-паціентокъ и сочувствовалъ имъ*). Во многихъ случаяхъ я выказывалъ себя опытнымъ врачемъ. Совершилъ въ качествѣ вольнопрактикующаго врача походъ. *Верховая ѣзда*, которая была мнѣ *противна* уже во время студенчества, *тяготила* меня, такъ какъ *половыя части вызывали при этомъ болѣе женственное чувство*.

„Я постоянно полагалъ еще, что я—*мужчина съ неопредѣленными чувствами*. Я никогда *не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, испытывалъ вѣчныя огорченія, витала между сантиментальностью и дикостью*, которая по большей части была аффектирована.

„Своеобразно шло дѣло съ моей женитьбой. *Охотнѣе всего я вообще не женился бы*. Но этого требовали мое семейное и общественное положеніе. Я *женился на прекрасной, энергичной женщинѣ* изъ семьи, гдѣ процвѣтало женское господство. Я былъ влюбленъ въ нее настолько, насколько можетъ нашъ братъ: то, что онъ любитъ, онъ всѣмъ сердцемъ любитъ; невѣсту любитъ со всей свойственной ему женственной глубиной, почти какъ женихъ. Я разсчитывалъ, что бракъ излечитъ меня.

Но *уже въ первую брачную ночь я чувствовалъ, что я функціонирую какъ женщина съ мужскимъ строеніемъ.*

„Въ общемъ *мы жили счастливо и въ мирѣ*, около двухъ лѣтъ были бездѣтны. Затѣмъ, послѣ *тяжелой беременности*, родился мальчикъ, который и до сихъ поръ *меланхоличенъ*. Потомъ второй—вполнѣ здоровый, потомъ третій, четвертый, пятый. Всѣ *расположены къ неврастеніи* [1]). Такъ какъ я *не находилъ себѣ нигдѣ мѣста*, то я часто посѣщалъ веселое общество, много работалъ, дѣлалъ эксперименты, оперировалъ. Свои *супружескія обязанности* я во всякомъ случаѣ выполнялъ, но *безъ всякаго удовлетворенія*. Съ перваго coitus'а и до сихъ поръ *мужское положеніе* при этомъ *мнѣ противно и* слишкомъ *тягостно*.

„Охотнѣе я игралъ-бы другую роль. Мы жили вмѣстѣ, пока сильное заболѣваніе ревматизмомъ не заставило меня разъѣзжать по различнымъ курортамъ. Одновременно я сталъ до того анемиченъ, что почти каждые два мѣсяца мнѣ приходилось принимать желѣзо. Часто меня мучила стенокардія, затѣмъ развились одностороннія судороги въ подбородкѣ, шеѣ, носу,—гемикранія, судорожныя сокращенія грудныхъ мышцъ и діафрагмы. Три года тому назадъ меня поразилъ чрезвычайно сильный припадокъ артрита.

„Еще до этого припадка я принималъ горячія ванны. При этомъ случилось разъ, что *я вдругъ почувствовалъ перемѣну, словно я былъ близокъ къ смерти. Я собралъ послѣднія силы, выскочилъ изъ ванны, но почувствовалъ себя совершенно женщиной съ libido*. Позднѣе, когда

[1]) *Худо* выходятъ дѣти. Внѣ „предназначенія"... Но случай особенно важенъ тѣмъ, что полу-„дѣвушка" даже *зачала* въ дѣвушкѣ: *слабо* и *почти съ отвращеніемъ*. *В. —въ.*

явился Extr. cannabis ind.,—я принялъ три-четыре дозы, потомъ принялъ дозу гашиша,—у меня явился судорожный смѣхъ, своеобразное чувство въ мозгу и глазахъ, милліарды искръ, проникающія отъ мозга черезъ всю кожу. Но я все же еще могъ заставить себя говорить.

„Я вдругъ *увидѣлъ себя съ ногъ до груди женщиной; я чувствовалъ, какъ раньше въ ваннѣ, что половыя части видоизмѣнились, что тазъ расширился, груди увеличились, ненасытная похоть поработила меня*. Тутъ я закрылъ глаза и, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ измѣненнымъ лица. Врачъ, казалось мнѣ при этомъ, имѣетъ вмѣсто головы гигантскую картошку, у моей жены была на туловищѣ луна. Но все же я былъ еще на столько крѣпокъ, что когда оба они вышли на нѣсколько минутъ изъ комнаты, я тотчасъ записалъ въ свою книжку мою послѣднюю волю.

„Кто опишетъ мой ужасъ, когда я *на слѣдующее утро почувствовалъ, что совершенно превратился въ женщину, когда я при хожденіи и стояніи чувствовалъ вульву и груди!...*

„Когда я, наконецъ, всталъ съ постели, я чувствовалъ, что со мной произошло полное превращеніе... За время этой болѣзни у меня была масса галлюцинацій слуха и зрѣнія [1]), я *говорилъ съ мертвыми* и т. д., я *видѣлъ и слышалъ духъ родныхъ* [2]), чувствовалъ себя

[1]) Все это—не причина, а послѣдствіе громаднаго преобразованія! „Звенитъ въ ушахъ", „искры изъ глазъ сыплются", когда человѣкъ, въ сущности, пролетаетъ,—но *внутренно, организаціонно*—билліоны миль, межъ-звѣздныя пространства!! *В. Р—въ.*

[2]) Поразительно! И прямо чудо! Вѣдь онъ, въ самомъ дѣлѣ „умеревъ" и „воскреснувъ", слышалъ голосъ мертвыхъ, и чувствовалъ все, и *женское*, родство. „Во мнѣ будто легіоны ходятъ и пролетаютъ звѣзды", могъ-бы онъ о себѣ сказать. *В. Р—въ*

двойственной личностью, но все-таки не замѣчалъ еще, что мужчина угасъ во мнѣ. Измѣненіе моей психики было счастьемъ, такъ какъ меня поразилъ ударъ, который при прежнемъ моемъ настроеніи оказался бы для меня смертельнымъ.

„Такъ какъ я часто еще смѣшивалъ явленія невростенін съ ревматизмомъ, то я не оставилъ пользоваться ваннами, пока кожный зудъ усилился до того, что я бросилъ всякую наружную терапію (я становился все анемичнѣе отъ ваннъ), и закалялъ себя, насколько возможно было. Но женская внедрившаяся въ меня мысль осталась и до того окрѣпла, что я *носилъ только маску мужчины*, въ дѣйствительности же *во всѣхъ отношеніяхъ чувствовалъ себя женщиной*, а воспоминанія о прежнемъ исчезли. Окончательно подорвала мое здоровье инфлуэнца.

„*Status praesens.* Я высокаго роста; сѣдая борода; становлюсь сутуловатымъ; послѣ инфлуэнцы утратилъ четверть своей силы. Лицо, въ виду порока клапановъ, нѣсколько покраснѣвшее; хроническій конъюнктивитъ; скорѣе мускулистъ, чѣмъ тученъ; лѣвая нога имѣетъ варикозныя расширенія, часто нѣмѣетъ; утолщенія не замѣтно еще, но склонность къ этому есть.

„Маммиллярная область замѣтно выдается; *животъ имѣетъ форму женскаго живота, ноги имѣютъ женственное строеніе, икры также*; то же самое надо сказать о *рукахъ*. Могу носить *женскіе чулки* и *перчатки* $7^{6}/_{4}$—$7^{1}/_{2}$. Также безъ труда *ношу корсетъ*. Вѣсъ колеблется между 168 и 164 фунтами. Въ мочѣ нѣтъ ни бѣлка, ни сахара; мочевая кислота выше нормы; цвѣтъ мочи прозрачный Стулъ по большей части правильный; если же стула нѣтъ, наступаютъ всѣ женскіе припадки запора. Сонъ плохой, подчасъ недѣлями сплю кряду лишь 2—3 часа. Аппетитъ хорошъ, но въ общемъ желудокъ переноситъ не больше, какъ у здоровой женщины, и на острую пищу реагируетъ тотчасъ кожными высыпями и жженіемъ въ мочеиспускательномъ каналѣ. Кожа бѣлая, гладкая: невыносимый зудъ въ ней явился около двухъ лѣтъ назадъ, за послѣднія недѣли ослабѣлъ, обнаруживается еще въ колѣнномъ суставѣ и въ мошонкѣ.

„Склонность къ потѣнію. Испаренія, которыхъ раньше почти не было, носятъ теперь характеръ довольно *сильныхъ женскихъ испареній*, особенно внизу живота, такъ что мнѣ приходится еще больше женщины слѣдить за чистотой (*душу платокъ, пользуюсь душистыми мылами, одеколономъ*).

„*Общее самочувствіе.* Я чувствую себя женщиной въ образѣ мужчины. Если я иногда и чувствую еще форму мужчины, то данный членъ все же чувствуется женскимъ, напр. *penis какъ клиторъ*, мочеиспускательный *каналъ какъ уретра и входъ во влагалище* (онъ кажется мнѣ постоянно влажнымъ, хотя былъ сухъ); *мошонка, какъ labia majora*. Словомъ—*я всегда чувствую вульву*. А что это значитъ, можетъ знать лишь тотъ, кто самъ это испыталъ. Вся *кожа на всемъ тѣлѣ воспринимаетъ ощущенія, какъ у женщины; я не могу ходить безъ перчатокъ, потому что руки не переносятъ ни холода, ни жары*. Въ такое время, когда не принято, чтобы мужчины носили зонтикъ, я чувствую крайне *непріятное ощущеніе въ кожѣ лица*.

„*Просыпаясь* по утрамъ, я нѣсколько минутъ *не могу очнуться*, я словно *ищу самого себя*, а затѣмъ является *насильственная мысль, что я—женщина. Я чувствую вульву*. И я встрѣчаю день глубокимъ *вздохомъ, зная, что предстоитъ опять все то же*. Не шутка чувствовать себя женщиной, а вести себя какъ мужчина. Я *все должень*

снова изучать. Ножи, аппараты,—все, все рѣшительно—*я чувствую года три совершенно иными, и, при измѣнившемся мышечномъ чувствѣ, долженъ заново знакомиться съ ними* [1]).

„Все мнѣ удалось, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей. За то острой ложкой работаю гораздо лучше. Противно мнѣ то, что при изслѣдованіи женщинъ я слишкомъ сочувствую имъ. Нѣкоторое время меня мучило насильственное чтеніе мыслей у обоихъ половъ, съ чѣмъ и теперь еще приходится бороться.

„Три года тому назадъ я еще безсознательно смотрѣлъ на міръ женскими глазами. Такое измѣненіе явилось почти внезапно въ отношеніи n. opticus къ мозгу и сопровождалось сильной головной болью.

„Я былъ у женщины, страдавшей половымъ извращеніемъ. Тутъ-то я вдругъ увидѣлъ, что въ ней произошло такое же превращеніе, какъ и во мнѣ, т.-е. что она чувствуетъ себя мужчиной. И въ сравненіи съ ней я чувствовалъ себя женщиной. Она не знала еще о своемъ состояніи.

„Съ тѣхъ поръ *всѣ* мои *чувства проявлялись въ женской формѣ*. Къ церебральной системѣ почти непосредственно присоединилась вегетативная, такъ что всѣ *припадки носили женскій характеръ. Чувствительность всѣхъ нервовъ, особенно слухового, обонятельнаго и тройничнаго, возросла до нервозности. Стукъ окна заставлялъ*

1) Поразительно! измѣнилась *душа* съ измѣненіемъ *пола*. Не ясно-ли, что душа есть только *функція* пола, что полъ есть ноуменъ души, какъ *своего* феномена. Точнѣе, полъ—невидимый безцвѣтный, неосязаемый—есть *сотворяющій* душу и тѣло съ его формами. И пошлые медики пропустили этотъ случай, это „открытіе радія", которое они описали равнодушно, какъ полицейско-судебный случай, или какъ „курьезъ". Болваны: при встрѣчѣ съ Сократомъ они записали-бы только: „вѣсить 4 пуда 10 фунтовъ". *В. Р—въ.*

меня содрогнуться; не абсолютно свѣжая пища вызывала у меня трупный запахъ.

„Но за то со времени этого превращенія я *легче переносилъ зубную боль* и мигрень, и меньше страдалъ при стенокардіи. Удивительно: я *чувствовалъ себя робкимъ, слабымъ существомъ*, но въ случаѣ угрожающей опасности былъ хладнокровенъ и спокоенъ, какъ и при тяжелыхъ операціяхъ.

„Какъ ни малы были мои грудные соски, но я все-же чувствовалъ ихъ женскими грудями,—и сорочка, сюртукъ, блуза стѣсняли меня и производили теперь неловкость. Тазъ казался мнѣ совершенно женскимъ. Я чувствовалъ давленіе въ таліи. *Каждый мѣсяцъ у меня въ теченіе 5 дней были всѣ molimina* (сопутствующія регуламъ недомоганія), *какъ у женщины;* только кровей не было, хотя *было ясное ощущеніе, будто отходитъ жидкость, будто половыя части опухаютъ. Въ послѣдующіе затѣмъ два дня является весьма сильное ощущеніе: все тѣло охвачено чувствомъ потребности въ оплодотвореніи, оно пропитано имъ, какъ сахаръ пронитывается водой, или какъ мокрая губка* Очевидно, сначала нуждающаяся въ любви женщина, а ужъ затѣмъ—мужчина; оттого, мнѣ кажется, скорѣе имѣется стремленіе къ зачатію, чѣмъ къ совокупленію [1]). За послѣдніе три года я чувствую себя во время совокупленія пассивно, какъ женщина, *иногда даже съ женскимъ ощущеніемъ эякуля-*

1) Вотъ глубокій отвѣтъ всѣмъ моралистамъ, которые, суда дѣвушекъ за дѣтей, всегда кричатъ, что онѣ родили по „разсчетному влеченію" къ совокупленію: тогда какъ, наоборотъ, онѣ совокупляются въ силу неодолимой потребности въ зачатіи! Совсѣмъ разная оцѣнка факта: изъ аморальнаго онъ переходитъ въ глубоко моральный, въ исполненіе воли Божіей и закона природы. *В Р—въ.*

ляціи. Чувствую послѣ этого себя утомленнымъ и опло-дотвореннымъ, какъ женщина,—иногда даже не хорошо, чего не бываетъ у мужчины. Нѣсколько разъ совокупленіе доставило мнѣ такое наслажденіе, что я ни съ чѣмъ не могу его сравнить. Это—*пріятнѣйшее, наиболѣе сильное чувство*, которому все можетъ быть принесено въ жертву. *Въ этотъ моментъ женщина есть одна лишь vulva, поглотившая всю личность...*

„За послѣдніе три года я ни на одну минуту не переставалъ чувствовать себя женщиной. Теперь я уже привыкъ, и мнѣ не такъ тяжело. Но это въ спокойное время. Когда же является потребность въ половомъ удовлетвореніи, положеніе становится невыносимымъ. Чувствуется жженіе, теплота, напряженность въ половыхъ частяхъ (при отсутствіи эрекціи, половые органы какъ бы выходятъ изъ своей роли). Въ это время крайне трудно работать; невозможно ни сидѣть, ни лежать, ни ходить.

„Бракъ нашъ, за исключеніемъ минутъ совокупленія, производитъ такое впечатлѣніе, будто совмѣстно живутъ двѣ женщины, изъ которыхъ одна маскируется мужчиною. Когда у меня не являются описанныя періодическія molimina, то *является чувство беременности или полового пресыщенія, котораго мужчина не знаетъ*. При эротическихъ сновидѣніяхъ преобладаютъ явленія, какія снятся женщинамъ. Все это ужасно тяготитъ, и ужъ лучше быть или сдѣлаться безсилымъ. **Будь я холостой, я давно кастрировалъ бы у себя яички, мошонку и дѣторо́дный органъ** [1]). Къ чему все это *женское ощуще-*

[1]) Какое поразительное признаніе, до конца и глубины объясняющее скопчество! И медики, коимъ *правительственно* предлагалось объяснить скопчество (см. монографію д-ра Пеликана), не воспользовались

нія удовольствія, когда зачатіе невозможно? Къ чему всѣ эти *побужденія женской любви*, когда для удовлетворенія опять необходима женщина? Какъ тягостны эти *женскія испаренія*! Какъ унижаетъ мужчину *пристрастіе къ одеждѣ и украшеніямъ*! Да и вообще, какъ тяжело, когда *прежнюю индивидуальность* приходится чувствовать лишь *какъ маску*, чувствовать себя всегда женщиной! Когда мужчина, пользующійся общественнымъ довѣріемъ и авторитетомъ, *долженъ возиться со своей, хотя бы только воображаемой, вульвой*!

„Помимо того приходишь въ замѣшательство, когда кто-либо случайно замѣтитъ *женское проявленіе чувства*. Я помню, какъ испугался однажды, когда моя жена сказала знакомой дамѣ, что *я отлично понимаю въ женскихъ туалетахъ*. Помню, какъ была поражена одна свѣтская дама, когда я указалъ ей на неправильное воспитаніе дочери, и при этомъ письменно и устно *изложилъ ей все, что можетъ чувствовать женщина* (впрочемъ, я сказалъ, что узналъ все это изъ писемъ). Теперь, когда дочь оказалась дѣйствительно хорошо воспитанной, эта дама питаетъ ко мнѣ еще большее довѣріе.

„Надо еще замѣтить, что я съ тѣхъ поръ *сталъ чувствительнѣе къ температурнымъ колебаніямъ къ эластичности кожи* у пациентовъ, *къ напряженію внутренностей у нихъ*, и что во время вскрытій и операцій разныя *жидкости легче проникаютъ у меня черезъ кожу*. Каждое вскрытіе причиняетъ мнѣ боли, каждое изслѣдованіе проститутки или женщины, страдающей болями, тягостно мнѣ. Я вообще *нахожусь теперь подъ сильнымъ влія-*

этимъ и такими фактами. Впрочемъ, въ медицинѣ кажется вовсе нѣтъ *литературы* объ „андрогинахъ", не помню ни *одной диссертаціи*. Полное невѣдѣніе, но совершенно младенческое. *В. Р.*—въ

нимъ симпатіи и антипатіи. Духи вліяютъ на меня разно. Такъ, напр., фіалка и роза причиняютъ мнѣ безпокойство, другіе запахи противны мнѣ, иланг-ъ вызываетъ у меня непреодолимое половое возбужденіе. Прикосновеніе женщины кажется мнѣ гомогеннымъ; coitus возможенъ потому, что *жена* моя нѣсколько *мужественнѣе меня обладаетъ болѣе плотной кожей, и все же это скорѣе мѣдовская любовь.*

„При этомъ я чувствую себя всегда пассивно. Если я ночью не могу спать отъ возбужденія, то мнѣ удается заснуть лишь, si femora mea distensa habeo, sicut mulier cum viro concumbens, или если я ложусь на бокъ; но при этомъ ни рукавъ, ни постель не должны касаться груди, иначе я не засну; точно также и животъ не долженъ быть прижатъ. *Лучше всего я сплю въ женской сорочкѣ* и въ перчаткахъ, ибо у меня легко зябнутъ руки. *Пріятно мнѣ также въ женскихъ панталонахъ*, такъ какъ они не прикасаются къ половымъ органамъ. Больше всего мнѣ *нравилась женская одежда во времена кринолиновъ.*

„Наибольшее удовольствіе я получилъ отъ знакомства съ дамой, которая страдала неврастеніей и которая послѣ послѣднихъ родовъ стала чувствовать себя какъ мужчина.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я объяснилъ ей значеніе этого чувства, она старается воздерживаться отъ coitus'a. Глядя на нее, мнѣ легче переноситъ свое состояніе. Будь она мужчиной, а я молодой дѣвушкой, то именно она была бы избранницей моего сердца. Но теперь она была не то, что раньше; она *элегантно одѣтый господинъ, не смотря на груди, прическу и т. д.* [1]). Она говоритъ кратко и

[1]) Удивительно! Прямо прилагать къ видѣ картинки къ „Исторіи религій", какъ иллюстрацію финикійской Venus barbatus. И поразительно, что здѣсь преобразованіе наступило *послѣ родовъ*. *В. Р—въ.*

отчетливо; ей не нравится все, что меня забавляетъ. Свое горе она переноситъ съ достоинствомъ, *находитъ утѣшеніе въ религіи и выполненіи долга*, она *не любитъ женскаго общества и женскихъ бесѣдъ*, а также *не любитъ сладостей.*

„Что касается основныхъ измѣненій, какія я замѣтилъ въ себѣ со времени полной effeminationis (превращенія въ женщину), то они таковы:

„1. Постоянное чувство, что я—женщина съ головы до ногъ.

„2. Постоянное чувство, что у меня женскіе половые органы.

„3. Періодичность ежемѣсячныхъ molimina.

„4. Правильно возникающая женская похотливость, но безъ влеченія къ опредѣленному мужчинѣ.

„5. Пассивное женское ощущеніе при coitus'ѣ.

„6. Женское ощущеніе при воображеніи coitus'a.

„7. При видѣ женщинъ чувство принадлежности къ нимъ.

„8. При видѣ мужчинъ женское отношеніе къ нимъ.

„9. При видѣ дѣтей то же.

„10. Измѣнившееся настроеніе, значительно большее терпѣніе.

„11. Удавшаяся мнѣ, наконецъ, покорность судьбѣ, чѣмъ я обязанъ только церковной религіи,—иначе я давно наложилъ бы на себя руки"...

„У меня *не все сказано*, но я не въ силахъ здѣсь продолжать свои размышленія и углубиться еще болѣе въ самого себя... Я надѣюсь, что разъ я выполняю свои обязанности врача, гражданина, отца и мужа, то я вправѣ причислить себя къ разряду людей, заслуживающихъ не одного лишь презрѣнія. Наконецъ, я хотѣлъ изложить результатъ моихъ воспоминаній и моего размышленія,

чтобы доказать, что и при женскомъ образѣ мыслей и чувствъ можно быть врачемъ. Я считаю крайне несправедливымъ закрывать женщинѣ путь къ медицинѣ. Женщина подчасъ угадываетъ чутьемъ тамъ, гдѣ мужчина, несмотря на діагностику, бродитъ въ потьмахъ, особенно въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Если-бы зависѣло отъ меня, то каждый врачъ долженъ былъ-бы нѣсколько мѣсяцевъ продѣлать effeminatio. И тогда онъ лучше понималъ бы ту половину человѣчества, отъ которой онъ происходитъ. Онъ умѣлъ бы цѣнить величіе женской души и постигалъ бы жестокость судьбы ея"...

„Спустя три года", пишетъ Крафтъ-Эбингъ, этотъ субъектъ прислалъ ему новый status praesens своего образа мыслей и чувствъ. Онъ существенно соотвѣтствуетъ прежнему. Физически и душевно онъ „чувствуетъ себя совершенно какъ женщина, но его мыслительная способность осталась нетронутой и предохраняетъ его отъ paranoia. Фактически не произошло существенныхъ перемѣнъ въ состояніи этого все еще практикующаго врача до 1900 года".

Такой-же случай превращенія изъ одного пола въ другой,—такъ сказать физіологическій кусокъ религіозныхъ культовъ Сиріи, — Крафтъ-Эбингъ разсказываетъ относительно женщины:

„Госпожа Х., дочь важнаго чиновника. Будучи дѣвочкой, Х. имѣла рѣшительныя наклонности къ спорту мальчиковъ. Пока она носила короткія платья, она бѣгала по полю, взбиралась на скалы. Ее рѣшительно *не интересовали наряды и украшенія*. Только разъ, *когда ей сдѣлали платье мужского покроя, она испытала большую радость*. Она также была чрезвычайно довольна, когда ей пришлось разъ *въ спектаклѣ изображать мальчика*. Въ остальномъ, однако, ничто не обнаруживало homosexual'наго предрасположенія. До свадьбы (21-го года) она не запомнитъ случая, когда у нея явилась бы склонность къ особѣ собственнаго пола. Также безразличны были для нея и субъекты мужского пола. Когда она стала взрослой, у нея было много поклонниковъ, которые льстили ей, но тѣмъ не менѣе она *никогда не задумалась о различіи половъ. Различіе для нея состояло только въ одеждѣ*. На единственномъ балу, который она посѣтила, ей *нравились лишь остроумныя бесѣды и хорошее общество, но не танцы и не танцующіе* [1]). Менструаціи безъ боли явились на 18-мъ году. Госпожа Х. чувствовала, что *менструаціи* нѣчто *ей несвойственное, тягостное. Обрученіе* со статнымъ, богатымъ господиномъ, рѣшительно не знавшимъ женской натуры, было для нея дѣломъ совершенно *безразличнымъ. Къ браку она не чувствовала ни симпатіи, ни антипатіи. Супружескія обязанности* сначала причиняли ей *страданія*, затѣмъ стали *тягостны. Никогда* у нея не являлось при этомъ *чувство сладострастія*, но она съ теченіемъ лѣтъ *родила 6 дѣтей*. Когда супругъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго дѣторожденія, пользовался coitu interruptu, она чувствовала себя оскорбленной въ своемъ *моральномъ и религіозномъ чувствѣ*.

„Х. становилась все неврастеничнѣе, *грустны, чувствовала себя несчастной*. Гинекологическое леченіе и различныя ванны не доставили ей никакого улучшенія. На 36-мъ году у нея однажды явился апоплексическій ударъ, и она пролежала два года, испытывая тяжелыя

[1]) Прямо наши 60-ые годы! Вся тогдашняя „бура" вышла изъ стакана homosexuain'ности. См. выше о Чернышевскомъ. *В. Р—въ*

неврастеническія страданія (безсонница, давленіе въ головѣ, сердцебіеніе, психическая подавленность, чувство нарушенія физическаго и умственнаго равновѣсія до чувства угрожающаго умопомѣшательства, и т. д.). Въ теченіе этой болѣзни произошло удивительное превращеніе въ ея душевномъ и физическомъ чувствованіи. Разговоры навѣщавшихъ ее дамъ *о любви, туалетахъ, модахъ, хозяйствѣ*, слугахъ *были ей противны*. Ее даже угнетало то, что она—сама женщина. Она *не могла рѣшиться взглянуть на себя въ зеркало. Прическа и туалетъ ужасали ее*. Къ удивленію окружающихъ, ея *нѣжныя и красивыя женскія черты лица получили мужское выраженіе*, такъ что она скорѣе производила впечатлѣніе мужчины въ женской одеждѣ. Она жаловалась своему домашнему врачу, что *менструаціи стали ей чужды, вызываютъ у нея тяжелое настроеніе*, что запахъ *менструальной крови* сталъ ей *отвратителенъ*, но она *не можетъ прибѣгнуть къ духамъ*, потому что и *они противны ей*.

„Она почувствовала теперь удивительное превращеніе во всемъ своемъ существѣ. Она замѣтила *притокъ физической силы*, и, продѣлавъ гимнастическія упражненія, ей казалось, что она помолодѣла. Она поражается тому, какъ *измѣнилась ея мыслительная способность;* у нея явился совершенно *новый способъ выражаться, соображать быстро и мѣтко*, самый *выборъ словъ совершенно не женскій*. У нея, столь *набожной и строго нравственной женщины*, явилась даже *наклонность ругаться*.

„Она упрекала себя въ томъ, что ведетъ себя, думаетъ, чувствуетъ совсѣмъ не какъ женщина.

„Затѣмъ она почувствовала превращеніе въ тѣлѣ. Къ своему изумленію она *почувствовала, что груди исчезаютъ у нея, что тазъ ея становится уже, что кости становятся массивнѣе, кожа грубѣе и плотнѣе*. Она

не могла уже *носить ни браслетовъ, ни колецъ, ни серегъ, ни вѣера*. Камеристка и швея замѣтили, что отъ Г-жи Х. *чувствуется какъ-бы другой запахъ*, что *голосъ* ея сталъ *ниже, грубѣе, мужественнѣе*.

„Когда паціентка встала, наконецъ, съ постели, оказалось, что она совершенно *утратила женскую походку*: она буквально должна была принуждать себя къ извѣстнымъ жестамъ и движеніямъ въ своемъ женскомъ костюмѣ: она больше *не въ силахъ* была *переносить шлейфъ*. Прежняя жизнь въ качествѣ женщины казалась ей теперь чуждой, несвойственной ей, и она не могла больше играть роль женщины. *Черты лица становились все мужественнѣе*. Въ животѣ явились совершенно чуждыя ощущенія. Она жаловалась врачу, что *не чувствуетъ больше внутреннихъ половыхъ органовъ*. Область срамныхъ частей, казалось ей, увеличилась, она часто ясно *чувствовала*, что у нея имѣется *penis* и *scrotum*. Также ясно *обнаружилась мужская похоть*.

„Все это сильно *угнетало ее*, и ея *грусть доходила до того, что она боялась помѣшаться*. Врачу удалось успокоить ее, и паціентка постепенно снова достигла равновѣсія въ своемъ новомъ, чуждомъ состояніи. Она *старалась исполнять свои обязанности матери и хозяйки*. Интересна была по истинѣ мужская *сила воли*, которую она при этомъ обнаружила; прежняя *слабохарактерность совершенно исчезла*.

„Для своего мужа Х. была неразрѣшимою загадкой.

„Врачу она жаловалась, что время отъ времени у нея является *животная, мужская похоть*, и это повергаетъ ее въ уныніе. *Половое сношеніе* съ мужемъ казалось ей *ужаснымъ и невозможнымъ* [1]).

[1]) Типичное представленіе о нормальномъ половомъ актѣ г. Фило и въ *аскетической литературѣ*. *В. Р—въ*.

„Порой пацієнтка испытывала еще женское возбужденіе, но это становилось все рѣже. Она тогда снова чувствовала женскіе половые органы, прежнія груди. Но такіе моменты были ей противны, и ей казалось, что это второе превращеніе сведетъ ее съ ума.

„Она покорилась судьбѣ, въ чемъ много помогла ей *глубокая религіозность*.

„Самое непріятное во всемъ этомъ для нея то, что ей, подобно актеру, приходится играть чужую роль передъ людьми, именно роль женщины". (**Крафтъ-Эбингъ**, стр. 312—330).

Самооттрицанія пола.

Выраженіе врача и акушера: „я *кастрировалъ-бы* у себя органы воспроизведенія, болѣе не нужные", объясняетъ съ такою полнотою первоначальныя и оригинальныя явленія самооскопленія, что ничего другого, кромѣ разсказа этого врача, не нужно прибавлять, не нужно ничего искать. Очевидно, эти *и близкія къ этому* явленія въ текущемъ полѣ и вызвали всѣ древніе и новые случаи оскопленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не почувствовать, что такой носитель живого чуда въ себѣ, который чувствуетъ въ себѣ то, чего не видитъ и не осязаетъ, а что видитъ и осязаетъ—того не чувствуетъ, долженъ быть глубочайше потрясенъ, взволнованъ, испуганъ вѣчнымъ испугомъ. И какъ каждый человѣкъ въ подобномъ положеніи, онъ не можетъ не обратиться къ Тому, Кто вѣковѣчно служилъ человѣчеству и опорой и утѣшеніемъ; не можетъ не обратиться въ этомъ по преимуществу метафизическомъ состояніи къ Первоисточнику всѣхъ метафизикъ, всего непостижимаго.

Подобныя-то обращенія къ Богу людей, такъ или иначе аномальныхъ въ полѣ, въ большей или въ меньшей степени аномальныхъ, не могущихъ вести нормальную семейную жизнь, не могущихъ нормально супружествовать,—и образовали *весь* аскетизмъ, какъ древній такъ и новый, какъ языческій такъ и христіанскій. Только въ то время, какъ въ другихъ религіяхъ онъ занималъ *уголокъ*, образовывалъ *цвѣточекъ*, — христіанство собственно состоитъ все изъ *него одного*, съ прибавками терпимыми, снисходимыми, полу-законными, и, въ сущности, *по строгой внутренней его мысли*—беззаконными.

Есть явленія оригинальныя и подражательныя; вторыя могутъ происходить по *примѣру*, по *ученію*. Но первыя всегда происходятъ *по природѣ*. „Не могу *иначе*!"—вотъ крикъ натуры, лежащій въ основѣ и безмолвнаго житія, и ученія, и пропаганды.

Мы приведемъ одно такое „житіе" изъ Кіевскаго *Патерика*. Въ немъ сказывается это неодолимое „не могу", которое составителями „житій" было принято за „не хочу". Такимъ образомъ фактъ природы, неизвѣстный составителямъ житій, былъ принятъ за особенно глубокое, за особо чистое исповѣданіе религіи дѣвства, или точнѣе—за исповѣданіе религіи, проистекшей отъ Вѣчнаго Неразрушимаго и Ненарушимаго Дѣвства („*присно-дѣвства*").

Вотъ это „Житіе" текстуально:

„О преподобномъ Моисеѣ Угринѣ".

„Вотъ что узнано было объ этомъ блаженномъ Моисеѣ. Онъ былъ родомъ Угринъ, любимецъ святаго Бориса и братъ того Георгія, на котораго этотъ князь надѣлъ золотую гривну, и котораго убили съ нимъ на Альтѣ и отрубили голову изъ-за золотой гривны. Этотъ же Моисей одинъ избавился

тогда отъ горькой смерти и пришелъ къ Предиславѣ, сестрѣ Ярославовой. И какъ въ то время нельзя было никуда выдти,—онъ, крѣпкій душою, остался здѣсь и пребывалъ въ молитвѣ къ Богу. Потомъ благочестивый князь нашъ Ярославъ, побуждаемый горячей любовью къ братьямъ-мученикамъ, пришелъ на безбожнаго и гордаго и окаяннаго Святополка, и побѣдилъ его. Но этотъ бѣжалъ къ Ляхамъ (полякамъ), пришелъ опять съ Болеславомъ и изгналъ Ярослава, а самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Болеславъ-же, возвращаясь въ Ляшскую землю, захватилъ съ собой обѣихъ сестеръ Ярославовыхъ и многихъ бояръ его.

„Между ними былъ и этотъ блаженный Моисей. И вели его закованнаго по рукамъ и по ногамъ въ тяжкія желѣза, и крѣпко стерегли его, потому что былъ онъ крѣпокъ тѣломъ и *прекраснѣ лицемъ*. И увидѣла его, *прекраснаго и юнаго*, одна молодая женщина. Была же она изъ великихъ земли той, имѣла большое богатство и власть. И залегла ей въ душу красота его, и уязвилось сердце ея страстнымъ желаніемъ. Чтобы склонить къ тому же и Преподобнаго, она стала увѣщевать его льстивыми словами, говоря:

„— Зачѣмъ ты напрасно переносишь такія муки, когда имѣешь разумъ, который могъ бы избавить тебя отъ этихъ мукъ и страданій?

„Моисей же сказалъ:

„— Такъ Богу угодно.

„Она же сказала ему:

„— Если покоришься мнѣ, я избавлю тебя и сдѣлаю великимъ во всей землѣ Ляшской. И будешь ты владѣть мною самою и всею областью моей.

„Понялъ блаженный желаніе ея нечистое [1]) и сказалъ ей:

[1]) Почему „нечистое“? Совершенно чистое,—какъ у Евы при взглядѣ на Адама. Все взято изъ „Кіевскаго Патерика“, собранія житій „святыхъ“ Кіевскихъ Пещеръ. Все съ XIII—XIV—XV вѣка давалось въ поученіе, въ

„— Но кто же, взявши жену и покорившись ей, сохранилъ [1]) законъ? Покорился женѣ Адамъ первозданный и изъ рая изгнанъ [2]) былъ. Самсонъ всѣхъ превзошелъ силою, войска противниковъ одолѣвалъ, а послѣ женою преданъ былъ иноплеменникамъ. И Соломонъ постигъ глубину премудрости, а повинуясь женѣ—идоламъ поклонился. И Иродъ многія побѣды одержалъ, а поработился женѣ и умертвилъ

„просвѣщеніе“ русскому народу, младенцу, который жевалъ ту пищу, какую ему вкладывали въ ротъ. Между тѣмъ пища эта вся отравлена ядомъ скопчества и бунтомъ противъ заповѣди Господней: „плодитесь! множитесь!“ По духу этого отрицанія, „святые“ Пещеръ были хоть и наивные (и невѣжные), однако богоборцы. А „Патерикъ“ былъ и остается книгою богоборческою. И онъ писанъ урнингомъ-безбрачникомъ, и въ немъ писано объ урнингахъ-же, каковымъ несомнѣнно былъ этотъ Моисей. *В. Р—въ.*

[1]) Да Исаакъ, сынъ Аврама, былъ не только женатъ, но и „покоренъ женѣ“, и—*сохранилъ* законъ *Женатый* Авраамъ былъ одинъ изъ человѣчества избранъ Богомъ въ *завѣтъ* съ *Собою*, чего еще не случилось ни съ *однимъ* монахомъ. Но смотрите, какъ самоувѣренно пишетъ монахъ-урнингъ: выражаетъ *нашу* грѣшную, и хотя въ каждомъ словѣ отрицаетъ и порицаетъ *все* Св. Писаніе, но ему кажется, что онъ пишетъ что-то „божественное“. *В. Р—въ*

[2]) Да онъ „изгнанъ“ былъ ни въ какомъ случаѣ не за жену, которую далъ *ему* Богъ, а за преслушаніе заповѣданія Божія о невкушеніи плода отъ древа *познанія* добра и зла. Если Ева, *жена*, — дала ему этотъ плодъ, и подъ перомъ монаховъ это обращено въ аргументъ противъ женитьбы, то вѣдь доказали-ли они, что Змій не соблазнилъ-бы *одного* Адама, и *безъ* его *женатости*? Если передъ Евою не устоялъ Адамъ, то почему онъ устоялъ-бы передъ Змѣемъ? Змій похитрѣе Евы,—а Адама онъ все равно сталъ-бы искушать, потому, что ему надо было склонить и не Адама и не Еву, а — *человѣка*. Продолжи монахи глупую мысль свою, и они дошли-бы до несвоевременности доказывать „грѣховность земледѣлія“: „ибо первый убійца на землѣ, Каинъ—былъ *земледѣлецъ*“ и Богъ даже опредѣленно отвергъ жертву его, принесенную изъ *плодовъ земледѣлія*“. *В. Р—въ*

Іоанна Предтечу [1]). Такъ какъ же мнѣ, свободному, самому сдѣлать себя рабомъ жены? Я не позналъ ея отъ рожденія

„Она же сказала:

„— Я тебя выкуплю, сдѣлаю знатнымъ, господиномъ надъ всѣмъ домомъ моимъ поставлю, и будешь ты мужемъ моимъ. Только исполни мою волю, удовлетвори страстному желанію души моей, дай мнѣ насладиться твоей красотой [2]). Для меня довольно твоего согласія. Не могу я сносить, что гибнетъ даромъ твоя красота [3]). Пусть же утихнетъ сердечный пламень, сжигающій меня, и перестанутъ мучить меня помыслы [4]), и

[1]) Какая наивность въ эпохахъ! И не взято ни одного примѣра *обратнаго*, ни Агарь, ни Ревекка, ни Рахиль. Все—*забыто*, все—*закрыто завѣсою* отъ читателя, которымъ былъ цѣлый народъ! И еще Церковь, пропитавшая народъ этимъ жено-ненавидѣніемъ, постоянно учила, подводя глаза къ небу, что она-то и есть „Мать брака“ (свящ. Филевскій въ письмахъ ко мнѣ), что „только христіанство вывело женщину изъ унизительнаго положенія, въ какомъ она находилась у язычниковъ и находится у мусульманъ“ (С. А. Рачинскій), что оно „подняло положеніе женщины“. *Монахини и черницы* — да: но на жену и мать она только подняла мужнины кулаки. То-то церковь ни *разу* противъ этихъ кулаковъ не подняла протеста: не было *примѣра*. „*Свое* добро хорошо пахнетъ“, — даже когда это и есть какново „добро“. *В. Р—въ.*

[2]) Совершенно *нормальное* желаніе, естественное, святое; какъ у Евы. *В. Р—въ.*

[3]) Какъ основательно! Прямо—законъ Божій: „ты молодъ и прекрасенъ, и я не стара еще и не безобразна—давай, размножимся по слову Божію, зачнемъ прекрасныхъ дѣтей“. Просто,—какъ и все было открыто и просто въ первобытныя тѣ времена. На что-же злится монахъ? Ненавидя человѣка, замѣчаете-ли, какъ ненавидитъ онъ Бога? *В. Р—въ.*

4) „Помыслами“, какъ извѣстно, страдаютъ всѣ монахи („Покаянный каноиъ“ Андрея Критскаго, „Требникъ“). Благочестивая жена, пожелавшая себѣ мужемъ Моисея Угрина, и передаетъ ему о „помыслахъ“, этомъ началѣ грѣховныхъ извращеній пола: и если-бы онъ сколько-нибудь имѣлъ въ сердце своемъ любви къ человѣчеству, сожалѣнія о братьяхъ своихъ, если-бы онъ имѣлъ *заботу* о спасеніи души ея

успокоится страсть моя! И ты насладишься моей красотой, и будешь господиномъ всему имѣнію моему, наслѣдникомъ моей власти, старшимъ между боярами.

„Блаженный же Моисей сказалъ ей:

„— Будь же увѣрена, что я не исполню твоей воли. Я не хочу ни власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего

то онъ *принудилъ* бы даже себя стать ея мужемъ въ предупрежденіе развращенія ея (мысленнаго) Въ Ветхомъ Завѣтѣ *неоднократно* передано, какъ отцы взрослыхъ дочерей, видя чрезмѣрное половое влеченіе мужчинъ города или села, говорили имъ: „вотъ, подождите, — у меня есть дочь (чаще — дочери), еще не познавшая мужа, и я вамъ выпшу ихъ“. Въ громадной странѣ со сложнымъ населеніемъ, съ подвижными заработками („отхожіе промыслы“), церковь, государство и общество должны-бы любовно и согласно, безъ всякой „вопіе міре“, разсмотрѣть вопросъ: какъ удовлетворить половую нужду этого *вынужденно*-бродячаго населенія? И поставивъ этотъ вопросъ, конечно чиновники и мудрецы должны-бы передать его въ „комиссію изъ женщинъ“, или хотя-бы всему женскому сословію. Женщины, которымъ врожденъ инстинктъ материнства (вѣрнѣй заботы, заботы сверху внизъ) не въ отношеніи однихъ собственныхъ дѣтей, а вообще,—безъ сомнѣнія не отвергли-бы абсолютную необходимость какъ-нибудь отвѣтить на эту „жажду“. Теперь это разрѣшилось въ проституцію, въ ужасный промыселъ, который обрекъ толпы ничуть не плохихъ дѣвушекъ на невѣроятное униженіе, позоръ, несчастіе и болѣзни, *связанныя* исключительно *съ удовлетвореніемъ этой бродячей нужды*. Но чѣмъ эти дѣвушки хуже другихъ, что *на нихъ одинъ это палъ*? Несомнѣнно, это должно быть совершенно переработано,—и именно въ смыслѣ *болѣе правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія* полового чувства. Съ полнымъ паденіемъ всѣхъ суевѣрій противъ дѣторожденія и совокупленія, брезжится, что это разрѣшилось-бы въ свободную (своеохотную) преданность этому всѣхъ незамужнихъ и вдовыхъ женщинъ. Вообще, бытіе у нѣкоторыхъ и даже у многихъ женщинъ проституціоннаго инстинкта, *на разныхъ степеняхъ его напряженія*, и полная *неспособность всѣхъ такихъ* женщинъ къ вѣрному и цѣломудренному *сожитію съ однимъ*, не можетъ быть лишена всякаго смысла въ природѣ, не можетъ не играть какой-то тайной для насъ роли въ мірѣ Космосѣ, въ цивилизаціи, въ исторіи. „*Кому*-то и онѣ нужны“, „одно-

этого чистота душевная, а также и тѣлесная [1]). Не погублю я труда пяти лѣтъ, которые Господь сподобилъ меня терпѣть въ этихъ оковахъ. Я не заслужилъ такихъ мукъ и потому надѣюсь избавиться за нихъ отъ мукъ вѣчныхъ.

„Когда Ляхина увидѣла, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушенію, пришла къ такой мысли:

„— Если я выкуплю его, онъ поневолѣ покорится мнѣ.

„И послала она къ тому, кто держалъ Моисея, чтобы тотъ взялъ у ней денегъ, сколько хочетъ, только предалъ бы ей юношу. Онъ же, видя удобное время для пріобрѣтенія богатства, взялъ у ней около тысячи, и отдалъ ей Моисея. И насильно безъ всякаго стыда повлекли блаженнаго на дѣло небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть надъ нимъ, и вотъ она велитъ ему сочетаться съ собой. Она освобождаетъ его отъ оковъ, одѣваетъ въ многоцѣнныя одежды, сладкими кушаньями кормитъ, объятіями и всякими любовными обольщеніями понуждаетъ на свою похоть. Преподобный же, видя ея неистовство, сталъ еще прилежнѣе молиться, еще крѣпче держать постъ. Онъ желалъ лучше, Бога ради, есть сухой хлѣбъ и пить воду съ чистотою, не-

то и у нихъ есть мѣсто". „Мѣсто" это и падаетъ именно на *двигаемость* и *смѣшиваемость* человѣчества; то, что оно не сидитъ, какъ два попугайчика въ клѣткѣ, на одномъ мѣстѣ,—*не можетъ* этого, и *не должно* этого. А между тѣмъ каждые пять дней уже „нужна женщина мужчинѣ". Для этихъ homines errantes in rebus gaaetis и сдѣланъ *міровой запасъ* въ feminae errantes *in sexu*. *В. Р—въ.*

[1]) Видите оклеветаніе брака у монаха? „Бракъ есть нарушеніе *чистоты* душевной и тѣлесной", „бракъ *оскверняетъ* душу и тѣло", „бракъ есть *скверна*". И все это, въ безчисленныхъ „Житіяхъ", они подсказываютъ, шепчутъ народу,—въ тоже время крича наружу: „Бракъ *честенъ* и ложе *не скверно*" (текстъ изъ ап. Павла), „мы *благословляемъ* бракъ", „вѣнчаемъ"—приходите только и заплатите деньги; „бракъ—*церковное таинство*". И нашли-же глупое государство, которое этому повѣрило. *В. Р—въ.*

жели многоцѣнное кушанье и вино съ скверною [1]). И не только одну сорочку, какъ Іосифъ, онъ всю одежду сбросилъ съ себя, избѣгая грѣха, и ни во что вмѣнилъ жизнь здѣшняго міра. И въ такую ярость пришла Ляхиня, что хотѣла голодомъ уморить его. Но Богъ не оставляетъ рабовъ своихъ, надѣющихся на Него. Онъ преклонилъ на милость одного изъ слугъ ея, и тотъ тайно подавалъ Моисею пищу. Другіе же увѣщевали преподобнаго, говоря:

„— Братъ Моисей! что́ мѣшаетъ тебѣ жениться? Ты еще молодъ, и она вдова, жившая съ мужемъ только одинъ годъ. И красотой она лучше другихъ женщинъ, и богатство имѣетъ безчисленное, и власть великую въ Ляшской землѣ. Если бы она захотѣла выдти за какого нибудь князя, и тотъ бы не погнушался ею. А ты, плѣнникъ, не хочешь исполнить ея волю. Если же скажешь: „не могу преступить заповѣди Христовой", то не говоритъ ли Онъ въ Евангеліи: „оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію; такъ что они уже не двое, а одна плоть". (Матѳ. XIX, 5, 6). А Апостолъ говоритъ: „лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться" (I. Коринѳ. VII. 9). Вдовамъ же велитъ вступать во второй бракъ. Зачѣмъ же ты передаешь себя на злыя и горькія муки, изъ-за чего страдаешь, когда ты не инокъ и свободенъ? Если придется тебѣ умереть въ этой бѣдѣ, какая тебѣ похвала будетъ? Да и кто же отъ первыхъ людей и до-нынѣ гнушался женъ... какъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ?.. Никто,

[1]) Опять „скверна"... „Жена" — скверная, „женщина" — скверна ласка ея или отъ нея—„скверна". Этимъ пропитано все „святоотеческое", „святость" церковная и опредѣляется этою „раздѣлительною отъ женщинъ" чертою. Мы уже указали выше, въ какомъ *вкусовомъ ощущеніи* лежитъ всего этого *источникъ*. „По *плоду* узнается дерево"... Но и обратно: „взглянувъ *на дерево*, уже узнаемъ, какой она принесетъ плодъ..." *В. Р—въ*

кромѣ нынѣшнихъ чернецовъ. Іосифъ сначала побѣдилъ, а потомъ и онъ женился. И ты, если теперь живъ останешься, то самъ взыщешь жены. И кто не посмѣется твоему безумію? Лучше уже тебѣ покориться этой вдовѣ, и будешь ты свободенъ и господинъ надъ всѣмъ.

„Онъ же говорилъ имъ:

„— Ей, братья и добрые друзья мои! добро вы мнѣ совѣтуете! Понимаю я, что это лучше того, что нашептывалъ змѣй въ раю Евѣ [1]). Вы убѣждаете меня покориться этой

[1]) Какіе свѣдущіе монахи: даже знаютъ и то, что Змій *нашептывалъ* въ раю. Тамъ вслухъ, въ словахъ, записанныхъ въ Библіи, даже слова нѣтъ *о плотскомъ соединеніи Адама съ Евою*, для чего Ева и дана была Адаму: но въ монастыряхъ твердо распространено убѣжденіе, что Змій „нашептывалъ" Евѣ плотски повлечь Адама къ соединенію съ собою, а самое „яблоко" толкуется иносказательно, какъ „женская прелесть", „чувственность". Помогаетъ этому то, что *въ раю, до грѣхопаденія* совокупленія еще не было; но если-бы Церковь заботилась о чистотѣ пониманія Св. Писанія, она взяла-бы изъ Талмуда то простое объясненіе этого, что райская жизнь первой четы продолжалась только *одинъ день*. Прежде всего, Адамъ былъ уже не „дебѣлый мужчина", каковымъ нелѣпо рисуютъ его на иконахъ, а отрокъ на переходѣ въ юношество. Сонъ его и сотвореніе Евы совершилось въ отвѣтъ на первое его чувственное пожеланіе: не могъ же допустить ему Богъ „разжигаться" въ раю, что́ есть грѣхъ даже и въ падшемъ состояніи (слова ап. Павла). Подготовленный чувственностью къ ней, Адамъ произноситъ извѣстное любящее восклицаніе при первомъ взглядѣ на дѣву-жену. Онъ уже знаетъ, что она — *его*, что она — *жена*, и произноситъ величайшую формулу брака, какая когда-либо была дана. Бракъ совершился-бы и исполненіе его въ раю-же послѣдовало бы съ первыми сумерками, какъ у всей твари, у всѣхъ людей,—если-бы, вѣроятно въ предвечерній часъ, не произошло соблазненіе Евы Зміемъ Судя по словамъ Божіимъ, что „сѣмя женщины живородящей станетъ стирать главу Змія" (слова эти перевраны и въ русскомъ и въ славянскомъ переводахъ Библіи),—если я позволительно влагать какой-нибудь иносказательный смыслъ въ слова Змія, *абсолютно отъ насъ сокрытый*, то можно только думать, что, *вопреки волѣ Божіей, давшей Еву въ совокупленіе Адаму*, Змій задумалъ поманить ее новымъ путемъ, вотъ

женщинѣ, но я никакъ не приму вашего совѣта. Если и придется мнѣ умереть въ этихъ оковахъ и страшныхъ мукахъ, я совершенно увѣренъ, что приму за это милость отъ Бога. Пусть всѣ праведники спаслись съ женами: *я одинъ грѣшенъ, и не могу съ женой спастись* [1]). Да если бы Іосифъ покорился женѣ Пентефрія, то не царствовалъ бы онъ послѣ,

этимъ путемъ урнингства, ненарушимаго дѣвства монашества, какъ-бы путемъ Моисея Угрина и подобныхъ. Такъ какъ разсказъ Библіи объ Адамѣ и Евѣ въ то же время есть образъ всякаго возрастанія юношей и дѣвъ и ихъ сочетанія,—то мы можемъ отмѣтить что и строки передъ *самымъ пробужденіемъ чувственности* (Адамъ и Ева) и дѣвы въ этотъ-же предъ-брачный возрастъ всѣ испытываютъ узенькій короткій по времени, поясокъ гомосексуальности: это наши „влюбленія институтокъ въ подругъ своихъ", и подобныя-же чувства въ мальчикахъ лѣтъ 15—16. Все, что *въ отношеніи къ полу* могъ нашептывать Змій, то вотъ такое дѣво-мужное: „не плодитесь, не множитесь—но живите, какъ *ангелы на небесахъ* — любя другъ друга *дѣвственною любовью*". Нельзя, въ параллель, не отмѣтить, что гости Лота и были почувствованы содомлянами какъ „ангелы", и вообще муже-дѣвы утверждаютъ и настаиваютъ (Платонъ въ „Федрѣ"), что ихъ чувства по *высотѣ духовности* и чрезвычайному даваемому *счастью* подобны „ангельскимъ", даютъ имъ „ангельское состояніе и блаженство". Все это надо отмѣтить. Но такъ или этакъ, — Адамъ и Ева были въ ночи уже изгнаны изъ Рая, и совокупленіе ихъ произошло внѣ его. Все, что можно думать объ этомъ, это — что, исполнивъ заповѣдь Божію о размноженіи въ раю-же, т. е. *поспѣшно* — они, по всему вѣроятію, *избѣжали-бы* и изгнанія изъ Рая. Но они замедлили и были изгнаны: и только здѣсь, уже претерпя за отлаганіе выполненія Божьей воли, поспѣшили начать „стирать главу Змія". Въ подлинной Библіи сказано: „И сказалъ Богъ Змію: *вражду* положу между тобою и *женщиною*, и между потомствомъ твоимъ и *дитятею ея*... И *сѣмя* женщины сотретъ главу тебѣ". *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ голосъ урнинга... вотъ *все исповѣданіе, цѣльное исповѣданіе* муже-дѣвства: „*не могу* съ женщиною быть", „грѣхъ", „скверна *для меня*"; „и не ссылайтесь на *святыхъ*, на *примѣры*, на тексты: все равно, не могу! не хочу! *Моей природѣ* это противно, враждебно, гадко!" *В. Р—въ.*

а видѣлъ Богъ терпѣніе его и далъ ему царство [1]), и въ роды прошла слава о немъ, какъ цѣломудренномъ, хотя онъ и дѣтей прижилъ. Я же не царства хочу и не власти; не хочу быть великимъ между Ляхами, почитаемымъ по всей Русской землѣ: *для Вышняго Царства я пренебрегъ всѣмъ этимъ* [2]). Если я живой избавлюсь отъ руки этой женщины, то *пойду въ монастырь* [3]). А что Христосъ говоритъ въ Евангеліи? „Кто оставитъ отца своего и мать, и жену, и дѣтей, и домъ [4]),—тотъ есть Мой ученикъ" (Лук. XIX, 26). Кого же

[1]) Все вѣдь это *сочиненіе, фантазія*, но такъ увѣренъ урнингъ, когда и вретъ („природа кричитъ")! См. выше аналогичное вранье,—и тоже какое упоенное! — Вл. Соловьева, Л. Толстого и Фози о „дѣвствѣ". *В. Р—въ.*

[2]) Прямо—знаменитыя слова о скопчествѣ. Такъ вотъ въ какомъ *мѣстѣ* ихъ корень... *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ, вотъ! Такъ вотъ *гдѣ* корень *всѣхъ* монастырей и *всего* монашества... наивно и чистосердечно раскаянная исторія Моисея Угрина, съ его столь ясно выраженной физіологической природой, *поднимаетъ завѣсу надъ всѣмъ дѣломъ*. „Исторію" эту надо-бы выгравировать на мѣди и прибить къ воротамъ всѣхъ монастырей. *В. Р—въ.*

[4]) Да, все отношеніе Іисуса къ браку уже было *двойственно*—и сперва ап. Павелъ, а затѣмъ и Церковь только продолжали эту двойственность. На переднемъ фасѣ—Бракъ въ Канѣ Галилейской, „первое чудо", „съ людьми", „на бракѣ ихъ". Затѣмъ, у Матѳ 19, какъ будто подтвержденіе всего Ветхаго Завѣта: „Сотворившій вначалѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ" и пр.,—хотя эти послѣднія слова и заключаются какимъ-то ненужнымъ скопчествомъ, этою *малостью фактическою*, о которой-бы и упоминать не стоило, высказывая такой универсальный законъ. *Но упомянуто.* Случайно? Въ какихъ цѣляхъ? Неразгаданно.—И затѣмъ говорится, какъ *особенное Христово*, какъ *новое Христово*, „христіанское", вотъ это противоположеніе „Христова *ученичества*" —отцу, матери, женѣ, дѣтямъ... Такъ сильно сказано: „*не можетъ быть* Моимъ ученикомъ, кто не *отрекся*"... Какъ-бы: „по *сему* (отреченію) будутъ узнавать, *Мои*-ли вы" (ученики, послѣдователи). И, наконецъ, совсѣмъ непостижимо это пламенное: „Огонь пришелъ Я низвесть на землю: и какъ желалъ-бы, чтобы онъ уже возгорѣлся! Крещеніемъ долженъ Я креститься: и какъ Я томлюсь, пока сіе совер-

мнѣ больше слушаться,—Христа, или васъ? Апостолъ же говоритъ: „женатый заботится о мірскомъ какъ угодить женѣ, а неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу". (1 Кор. VII, 32, 33) Спрошу я васъ кому больше слѣдуетъ служить,—Христу или женѣ? „Рабы должны пови-

шится! Думаете-ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но—раздѣленіе. *Отнынѣ* пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца; мать противъ дочери и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки своей и невѣстка противъ свекрови своей" (Луки, XII). Все это слишкомъ подробно, раздѣлительно и такъ настойчиво, притомъ *лично* настойчиво, *нововавѣтно* („новый и *другой* завѣтъ"), что и у ап. Павла и у Церкви не могло остаться сомнѣнія, что тутъ нужно между чѣмъ-то *выбирать*: между вѣрностью Ветхому Завѣту или вотъ этому Новому Завѣту, между „Плодитесь! Множитесь"! и „Если вы станете плодиться и множиться—*не можете быть Моими учениками*"... *Евангеліе тѣмъ именно ни на какую книгу не походитъ*, что *оно*, будучи человѣчно, въ то же время *не есть ни мужское, ни женское* (характеръ „мужского" и „женскаго" мы можемъ открыть въ каждой строкѣ, всякомъ жестѣ, въ каждомъ тонѣ человѣческаго слова и движенія). Уже *слова* Евангелія суть всѣ до единаго „какъ Ангелы на небеси"... „Любовь"-же евангельская, эта особая безполая любовь, небесно-спокойная, всѣмъ помогающая, „и добрымъ и злымъ", и отъ всѣхъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекая, ни съ кѣмъ *опредѣленно* не сливающаяся (бракъ), и есть внѣ-полое и обоюдо-полое чувство, духовно-физическое, но страшно тонко-физическое. „Живутъ какъ Ангелы"... Все „какъ у Ангеловъ"... Въ соотвѣтствіи этому, Іисусъ и могъ только (Матѳ. 19) сослаться формально на заповѣдь Ветхаго Завѣта: „плодитесь" и проч., но именно съ этимъ „и прочее", равнодушно: когда-же дѣло дошло не до отвѣта приставававшимъ на улицѣ (Матѳ. 19), а до *личнаго* Его отношенія, то Онъ и воскликнулъ: „ни—*жены*, ни—*дѣтей*, ни—невѣстокъ и свекровей *Мой огонь — другой! О, если-бы онъ возжегся!!!*". Такова была *Его* небесная природа... И взгляните на *изображенія* его, всѣ рѣшительно, безъ исключенія... Въ слегка склоненномъ лицѣ, обрамленномъ длинными прядями волосъ, во взорѣ задумчивомъ, кроткомъ и *нѣжномъ*,—*особенно нѣжномъ*, мы не увидимъ сходства ни съ однимъ извѣстнымъ намъ,

новаться господамъ своимъ на благое, а не на злое. (Еф. VI. 5). Пусть же будетъ извѣстно вамъ, держащимъ меня, что *никогда не прельститъ меня красота этой женщины*, никогда не отлучитъ отъ любви Христовой.

„Услышала это вдова та, и вотъ, съ помысломъ лукавымъ въ сердцѣ, сажаетъ она преподобнаго на коня, велитъ возить его со множествомъ слугъ по городамъ и селамъ, принадлежащимъ ей, и говоритъ ему:

„— Тутъ все, что тебѣ угодно,—твое; дѣлай со всѣмъ этимъ, что хочешь.

фактически или исторически, лицомъ... *Такова нѣтъ мужа, ни героя*... „*Не то, не то!*" „*Не* тотъ! *Не* тотъ!" Но будемъ вглядываться дольше, будемъ задумываться года. Нѣжное, прекрасное лицо, прекраснѣйшее на землѣ... Ничего мужского, мужественнаго, ничего *Геркулесовскаго* (беремъ типъ, идеалъ, образъ, *предѣлъ*, грань). Станемъ еще смотрѣть, думать, сравнивать... Погрузимся въ это годы... Станемъ изучать всевозможныя *Его* изображенія, всѣхъ эпохъ... *Во всѣхъ эпохахъ*- „геркулесовскаго" ничего. Но нѣтъ-ли, не попадается-ли обратное? Да,—нѣковой *наклонъ живописи* все показываетъ намъ одно и одно: *дѣвство*, нѣжность, женственность, просвѣчивающую сквозь *мужскіе* признаки, почти *малетъ* ихъ, слабый, нетвердый. Но откуда-же живописцы взяли свой *наклонъ*? Да изъ *слова!* Они *линіями* разъяснили то, что казалось *непроизнимымъ* и *неправдоподобнымъ* въ разсказѣ... они *утвердили разсказъ* и вмѣстѣ *догматъ*. „Отца вовсе нѣтъ, и въ сына могли перейти единственно черты *матери-дѣвы*" (разъясненіе мнѣ, на мой вопросъ „почему", М. П. Соловьева, великаго знатока церковной живописи, о „*дѣвообразности*" *всѣхъ* изображеній Спасителя). „*Двѣ* природы" въ немъ... и „*полнота* въ немъ человѣчности", закругленная, завершонная, чего и *не можетъ быть только въ одномъ мужескомъ или только въ одномъ женскомъ*. Такимъ образомъ и тайная поэзія евангельскаго слова, слога, и твердый церковный догматъ, повелѣли *такъ* рисовать, содѣлали „сладкимъ" такое рисованье... С. А. Рачинскій мнѣ указывалъ въ своей Татевской церкви совершенно *безбородый ликъ* Спасителя,-особенно имъ любимый, такъ какъ онъ несетъ въ себѣ память *самой древней* традиціи (живописной). Но когда все *мужествилось*, тогда все и *разъяснилось*... *В. Р—въ.*

„Людямъ же говорила:

„— Вотъ господинъ вашъ, а мой мужъ

Чтобы всѣ, встрѣчая его, кланялись ему

„А въ услуженіи у ней было множество рабовъ и рабынь.

„Посмѣялся блаженный безумію этой женщины и сказалъ ей:

„— Напрасно трудишься: не можешь ты прельстить меня тлѣнными вещами этого міра, ни украсть у меня духовнаго богатства. Пойми это и не трудись напрасно.

„Она же сказала:

„— Или ты не знаешь, что ты мнѣ проданъ? Кто избавитъ тебя отъ рукъ моихъ? Я никакъ не отпущу тебя живаго; послѣ многихъ мукъ, смерти тебя предамъ.

„Онъ же безъ страха отвѣчалъ ей:

„— Не боюсь я того, что ты говоришь. Но на предавшемъ меня тебѣ—больше грѣха. *Съ этихъ поръ я буду инокомъ*, Богу такъ угодно.

„Въ тѣ дни пришелъ со Святой Горы одинъ инокъ, саномъ іерей. По наставленію Божію пришелъ онъ къ блаженному и облекъ его въ иноческій образъ. Много *поучалъ* онъ его *о чистотѣ*, о томъ, какъ бы *избавиться отъ этой скверной женщины*, чтобы не предать себя во власть врага; и когда онъ ушелъ, стали искать его и нигдѣ не нашли. Тогда Ляхиня, потерявъ всякую надежду, пришла въ отчаяніе и подвергла Моисея тяжкимъ истязаніямъ: велѣла растянуть его и бить палками, такъ что и земля напиталась кровью. Бьющіе же говорили ему:

„— Покорись госпожѣ своей и исполни волю ея. Если ты не послушаешься, мы на куски раздробимъ твое тѣло. Не думай, что избѣжишь этихъ мученій; нѣтъ, во многихъ и горькихъ мукахъ предашь душу свою. Помилуй самъ себя! Сбрось эти ветошки, и надѣнь многоцѣнныя одежды, избавь

себя отъ ожидающихъ тебя мукъ, пока мы еще не коснулись твоего тѣла.

„И отвѣчалъ Моисей:

„— Братья! не медлите, дѣлайте, что вамъ велѣно. А мнѣ никакъ нельзя отречься отъ иноческой жизни и отъ любви Божіей. Никакое томленіе, ни огонь, ни мечъ, ни раны не могутъ отлучить отъ Бога и отъ великаго ангельскаго образа. А эта безстыдная и помраченная женщина явно показала свое безстыдство; не только Бога не побоялась, но и человѣческій срамъ презрѣла, *безъ стыда принуждая меня къ осквернѣнію и прелюбодѣянію* [1]). Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!

„Сильно печалилась вдова о томъ, какъ бы отмстить за свой срамъ. И вотъ посылаетъ она сказать князю Болеславу:

„— Ты самъ знаешь, что мужъ мой убитъ въ походѣ съ тобою, и ты далъ мнѣ волю выходить, за кого хочу. И полюбился мнѣ одинъ красивый юноша изъ твоихъ плѣнныхъ. Я, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла къ себѣ въ домъ; и все, что было у меня,—золото, серебро и всю власть свою отдала ему. Онъ же все это ни во что вмѣнилъ. Много и ранами и голодомъ томила я его, но ему и того мало. Пять лѣтъ пробылъ онъ въ оковахъ у плѣнившаго его, отъ котораго я его и выкупила; и вотъ шестой годъ остается у меня, и много мукъ принялъ отъ меня за свое непослушаніе, самъ на себя навлекъ это жестокосердіемъ своимъ. А теперь какой-то чернецъ постригъ его. Что же ты велишь мнѣ дѣлать съ нимъ?„

[1]) См. выше у г. *Фози*... „Лякини" склоняла его не къ *сожитію* съ собою, а къ *формѣнному* законному, къ *церковному* браку. Но онъ отвѣчаетъ, какъ г. Фози и всякій урнингъ: „*все равно*—это есть *скверна* и *прелюбодѣяніе*". Изъ этихъ „*обмолвокъ*" на разстояніи тысячи лѣтъ, у простеца и ученаго, какъ мы распознаемъ *одинъ корень дѣла*, одинъ *вкусъ*, одну *физіологію*! *В. Р—въ.*

„Князь велѣлъ ей пріѣхать къ себѣ и привезти съ собой Моисея. Она пришла къ нему и Моисея привела. Увидавъ преподобнаго, Болеславъ много принуждалъ его взять за себя эту вдову, но не уговорилъ и тогда сказалъ ему

„— Можно ли быть такимъ нечувствительнымъ, какъ ты! Столькихъ ты благъ и такой чести лишаешь себя и отдаешься на горькія муки! Отнынѣ будь тебѣ вѣдомо: передъ тобой на выборъ—жить, или умереть; или волю госпожи своей исполнить, отъ насъ въ чести быть и великую власть имѣть или, ослушавшись, послѣ многихъ мукъ смерть принять.

„Ей же сказалъ:

„— Пусть никто изъ купленныхъ тобою плѣнныхъ не будетъ свободенъ. Дѣлай съ ними, что хочешь, какъ госпожа съ рабами. И чтобы никто не осмѣливался ослушаться господъ своихъ.

„И сказалъ Моисей:

„— А что говоритъ Богъ: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ; или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою". (Марк. VIII. 36). Что ты мнѣ обѣщаешь славу и честь? Самъ ты скоро лишишься ея, и гробъ приметъ тебя, ничего не имѣющаго. Эта же *скверная женщина* въ злыхъ мукахъ убита будетъ.

„Такъ и было, какъ предсказалъ преподобный.

„Теперь вдова эта взяла надъ нимъ еще большую власть и безстыдно влекла его на грѣхъ. Однажды она велѣла насильно положить его съ собой на постель, цѣловала и обнимала его; но и этой прелестью не могла привлечь на свое желаніе [1]). Блаженный говорилъ ей:

„— Напрасенъ трудъ твой. Не думай, что я безуйный,

[1]) Исторія, только *другими словами* разсказанная, попытокъ совокупить такихъ юношей съ дѣвами. „Ничего не выходило",—разсказываетъ Крафтъ-Эбингъ. *В. Р—въ.*

или не могу [1]) этого сдѣлать: *я изъ страха Божія гнушаюсь тебя какъ нечистой* [2]).

„Услышавъ это, Ляхиня велѣла давать ему по сту ударовъ каждый день, а потомъ обрѣзать тайные члены, говоря:

„— Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другія.

„И лежалъ Моисей, какъ мертвый, истекая кровью, едва дыша.

„Болеславъ же, устыдясь величества этой женщины, и по прежней любви къ ней, потакалъ ей: онъ поднялъ великое гоненіе на черноризцевъ и всѣхъ ихъ изгналъ изъ своей области. Но Богъ скоро отмстилъ за рабовъ своихъ. Въ одну ночь Болеславъ внезапно умеръ, и сдѣлался великій мятежъ во всей землѣ Ляшской: поднялся народъ и побилъ своихъ епископовъ и бояръ, какъ и въ Лѣтописцѣ разсказано. Тогда убили и эту вдову. Преподобный же Моисей, оправившись отъ ранъ, *пришелъ къ пресвятой Богородицѣ, въ святой Печерскій монастырь*, неся на себѣ мученическія раны и вѣнецъ исповѣданія, какъ побѣдитель и храбрый *воинъ Христовъ*. И *далъ ему Господь силу противъ страстей*. Нѣкто изъ братіи, одержимый нечистой страстью, пришелъ къ этому преподобному и молилъ его помочь ему, говоря:

„— Даю обѣтъ сохранить до смерти все, что ты велишь мнѣ.

„Блаженный же сказалъ ему:

[1]) Нужно замѣтить, что „могу" здѣсь всегда не отдѣлимо отъ „хочу". „притомъ" *сладко* хочу". Моисею только казалось, что онъ „можетъ": но какъ это *длилось годъ* и онъ ни разу не „захотѣлъ", ни разу кровь его не заиграла при взглядѣ на молодость, на красоту, наконецъ въ отвѣтъ на *осязательныя ласки*, то совершенно очевидно, что кровь его была безъ мѣры въ этомъ отношеніи, т. е. находилась въ томъ *вѣчномъ покоѣ*, какой присущъ индивидуумамъ съ „ ± 0° полового притяженія. См. выше о *женатыхъ* и *не совокупляющихся* уринингахъ *В. Р—ва*. [2]) Совсѣмъ г. Фози. *В. Р—ва*.

„— *Никогда въ жизни ни съ одной женщиной слова не говори.*

„Братъ обѣщался исполнить совѣтъ преподобнаго съ любовью. У святого же въ рукѣ была палка, безъ которой онъ не могъ ходить отъ тѣхъ ранъ. Этой палкой онъ ударилъ въ грудь пришедшаго къ нему брата, и тотчасъ омертвѣли члены его, и съ тѣхъ поръ не было ему искушенія.

„Это вписано въ житіи святаго отца нашего Антонія, такъ какъ въ его время пришелъ блаженный Моисей. И скончался онъ о Господѣ въ добромъ исповѣданіи, пробывши въ монастырѣ десять лѣтъ. Въ плѣну же страдалъ онъ,— пять лѣтъ въ оковахъ, шестой *за чистоту*. Я упоминалъ объ изгнаніи чернецовъ изъ Ляшской земли, за постриженіе преподобнаго, отдавшагося Богу, котораго возлюбилъ. Это вписано въ житіи святаго отца нашего Ѳеодосія. Когда святый отецъ Антоній былъ изгнанъ княземъ Изяславомъ за Варлаама и Ефрема, жена князя, бывшая Ляхиня, удерживала его, говоря:

„— И не думай дѣлать этого. Тоже было нѣкогда въ нашей землѣ: изгнаны были черноризцы изъ предѣловъ земли нашей, и великое зло сдѣлалось тогда въ ней!

„Это было за Моисея, какъ мы написали прежде, говоря о Моисеѣ Угринѣ и Іоаннѣ Затворникѣ,—о томъ, что сдѣлалъ черезъ нихъ Господь во славу Свою, прославляя ихъ за терпѣніе и обогащая дарами чудотворенія. Слава Ему, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ".

(Изъ „Кіевскаго Патерика").

Вся эта исторія, въ картинѣ своей, до поразительности совпадаетъ съ тѣмъ, что намъ передаютъ біологи о попыткахъ слить муже-дѣвъ съ женщиною. Непобѣдимое отвращеніе, — *какъ-бы actus sodomiticus для насъ*, нормальныхъ, обыкновенныхъ. И нельзя въ сторону за-

кономателей, медиковъ, родителей не замѣтить, что попытки „женить" (или выдать въ замужество) этихъ субъектовъ „третьяго пола" совершенно равняются преступнымъ и ужаснымъ попыткамъ содомировать ихъ. Ибо для нихъ *наше-то* поло-сочетаніе и есть „содомъ" „гадость", „невозможное". — „*Выити замужь* — это для меня равнялось-бы *сойти съ ума*, но не умомъ, а *всѣмъ существомъ*", сказала мнѣ, опустивъ голову, одна совсѣмъ молоденькая дѣвушка, о которой я зналъ, что она — уранингъ, а она полу-знала, что я зналъ, и не открывала этого и не скрывала.

Къ этому порядку явленій должны быть отнесены всѣ случаи *безсупружнаго супружества*, т.-е. когда двое супруговъ, вступивъ между собою въ бракъ, или вполнѣ удерживали дѣвство, или очень скоро прекращали половое отношеніе,—живя десятилѣтія послѣдующей жизни безъ всякаго полового общенія. „Особый видъ *аскетическаго* подвижничества, встрѣчаемый среди мірянъ", говоритъ русскій переводчикъ къ творенію *Іоанна Мосха* „Лугъ духовный",—„это воздержаніе (читай—„отсутствіе половыхъ сношеній") въ бракѣ. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ (читай: „это явленіе мы наблюдаемъ") съ первыхъ временъ существованія Христіанской Церкви. Таковую жизнь вели: преподобный Аммонъ съ супругою, св. Магна анкирская (г. Анкира въ Галатіи), благочестивый Малхъ, Анастасій и Ѳеогнія, Пелагій Лаодикійскій съ супругою, Юліанъ и Василисса (285 г.), Кононъ Исаврійскій и Марія, (II вѣкъ), Цецилія и Валеріанъ, римскій аристократъ (230 г.), Захарія башмачникъ и Марія" (III вѣкъ)". Судя по неупоминанію противъ нѣкоторыхъ именъ даже вѣка, въ которомъ они жили, явно, что всѣ черты ихъ подробной біографіи затерялись во времени: но *въ памяти потомства* сохранилась цѣпь ихъ именъ и образовала

уже не фактъ, а *зовъ* и *примѣръ*, который дѣйствовалъ во всю исторію христіанства и дошелъ даже до холодной Россіи XIX-го вѣка (время перевода Іоанна Мосха). Такъ образуется *ученіе*, такъ образуется *традиція*, такъ образуется *школа*. Такъ нить за нитью вытканa была „Церковь",—не въ нелѣпомъ опредѣленіи „собранія вѣрующихъ", а въ глубокомысленномъ значеніи *единой традиціи и единаго духа*, выросшаго изъ одного зерна.

Зерно это—*безсѣменность*. Если формированіе и жизнь *сѣмени* и формированіе и жизнь *яйца* сообщаютъ каждому своему носителю, въ одномъ случаѣ *мужчинѣ* и въ другомъ *женщинѣ*, такую необозримую богатствомъ, сложностью и *обособленностью* психику, то и представить себѣ нельзя, до какой степени странна и необычайна будетъ психологія, вытекающаго изъ этого вѣчнаго и неразрушимаго дѣвства, гдѣ мы имѣемъ субъекта, о которомъ не можемъ сказать, что это „мужчина", и не можемъ сказать, что это „женщина", и самъ онъ не знаетъ этого, и даже *этого нѣтъ, а есть* что-то третье, *кто-то третій*! Можно было-бы сказать „третій полъ", если-бы все-таки мы не имѣли въ наличности *мужского* и *женскаго*, но страннымъ образомъ *перемѣшаннаго* и *раздробленнаго*! Во всякомъ случаѣ непремѣнно появится *третья психика*,—*не* мужская и *не* женская.

Какова будетъ она?

Никогда не будетъ дѣтей. Никогда не будетъ дома, „хозяйства",—иначе какъ въ смыслѣ *помѣщенія*, стоянки, логова, квартиры, кельи, пещеры, палатки. Одна виноградинка и нѣтъ лозы,—и помѣщеніе виноградинкѣ совсѣмъ другое, чѣмъ лозѣ. Такимъ образомъ глубочайше будетъ разрушенъ *типъ соціальной жизни*,—разрушенъ

не въ бытовомъ, а въ психологическомъ корнѣ, т.-е. болѣе глубоко. Это есть то разрушеніе, на мѣстѣ котораго ничего не выростаетъ. Не менѣе разрушается *типъ исторіи*. У него оставляется голова и отсѣкается туловище. *Будущее* не нужно тому, у кого не будетъ потомства,—будущее полное, всеобщее. Судьба послѣдующая человѣчества представится подъ угломъ зрѣнія не интересовъ этого человѣчества, а интересовъ группы этихъ одиночекъ, ихъ — за неимѣніемъ родового — *духовнаго союза, духовной преемственности и связи*. Эта группа людей будетъ жить и развиваться среди человѣчества, но противъ человѣчества, отрицая самый его корень. Наконецъ, въ каждомъ *племени* и *народѣ* эта группа не будетъ имѣть связывающихъ боковыхъ скрѣпъ въ видѣ горячо *лелѣемаго родства*. „Что братья и сестры мнѣ? Мнѣ важны—*ученики*", это типичный голосъ, типичное самоощущеніе каждаго подобнаго одиночки и всѣхъ ихъ.

Племени, народа, рода—нѣтъ. *Будущаго*—нѣтъ. *Прогресса* — не нуженъ. Что-же остается, и особенно что остается для очень высокихъ способностей, для большого горѣнія духа? для той живости его, какая и вообще отличаетъ младенца и ранняго отрока (обоюдо-полыхъ, см. выше) отъ дебѣлаго мужа и уставшей супруги?

Взрывъ духовныхъ интересовъ—всего того, что г. Фози назвалъ „нравственною личностью". При одинаковомъ количествѣ воды всякій потокъ тѣмъ *глубже*, чѣмъ онъ *уже*. Отщепленіе, *притомъ органическое, внутри самаго субъекта*, отъ такихъ огромныхъ областей, какъ народность и прогрессъ, закрытіе для ока человѣка этихъ частей горизонта, не можетъ не вызвать исключительной *ясности* взгляда, исключительнаго *удлиненія* зрѣнія, исключительной *высоты* мысли у такого субъекта. Повторяю, что все это не извнѣ, а внутри, не „заперто",

а „не хочется". Того, чего „хочется",—при этихъ условіяхъ уже хочется со страстью, съ огнемъ, геніемъ. „Дебѣлые супруги", будь ихъ сотни, тысячи,—не могутъ бороться съ десятками таковыхъ. У „дебѣлыхъ супруговъ" есть своя сила—но не въ духовномъ царствѣ; есть свое благочестіе: но это не „праведность" келій, не ихъ экстазъ и ночныя молитвы. Какъ ни странно сказать, но *европейское общество*, въ глубокой супранатуральности своей, въ глубокомъ спиритуализмѣ, въ глубокомъ идеализмѣ, въ грезахъ, мечтахъ—до Вертера и Левина—создано иночествомъ: ничего подобнаго, ничего похожаго не было никогда въ античномъ мірѣ, въ античной общинѣ, на античной ἀγορά и forum'ѣ; какъ нѣтъ этого и на Востокѣ, въ Азіи. *Ароматъ* европейской цивилизаціи, совершенно даже свѣтскій, даже атеистическій и анти-христіанскій,—все равно *весь* и *всякій* вышелъ изъ кельи инока. Это—*инока* безграничный субъективизмъ, *его* безпредметныя грезы, предчувствія, ожиданія, тревоги, страхи, смущенія, нерѣшительность, пересѣкшіяся въ діалогахъ гостинной и литературы. Робкіе глаза, тайная улыбка, слабое тѣло—все, все изъ кельи. Все то, что такъ отрицаетъ, такъ похоронило Агамемнона. Одиссея, крикуна-Демосѳена и римскихъ самодовольныхъ патриціевъ. Самые пороки древности, перейдя въ новый міръ *съ тѣми-же названіями*, получили новый колоритъ; самые добродѣтели древняго міра въ новомъ мірѣ пропитаны другимъ запахомъ. Патріотизмъ Гизо или Мишле не имѣетъ ничего общаго съ патріотизмомъ Геродота или Ѳукидида, и славолюбіе Байрона совсѣмъ не то, что славолюбіе Цицерона. Все стало нервознѣе, болѣзненнѣе, нѣжнѣе, хрупче. И все это—отъ нетвердыхъ ногъ (подлиннаго) монаха, тонкой его шеи, длинныхъ волосъ, женоподобнаго голоса.

Душа не та! Душа *новая*—Какая?—*Безсѣменная*. Безствольная, гибкая, ползучая или парящая за облаками; въ отрицательныхъ случаяхъ—не прямая, лукавая, хитрая, злопамятная, мстительная, „бабья". „Мужественность", костяное, твердое начало на-половину хрустнуло, когда умеръ древній міръ; женственность, „вѣчная женственность", страшно возросла и облила собою душу даже мужчинъ. Мужеподобность страшно понизилась въ Европѣ сравнительно съ классическимъ міромъ, гдѣ жены были храбрѣе и мужественнѣе христіанскихъ мужчинъ. „Христіанскій мужчина" — даже какъ-то не выговаривается. „Какой онъ мужчина?" хочется насмѣшливо переспросить; переспросить о Руссо, о Толстомъ, о Достоевскомъ, о многомъ множествѣ людей, геніально творившихъ *во вкусѣ христіанской Европы*. Совпаденіе *„женскаго въ мужскомъ"*—съ основнымъ *тономъ* европейской цивилизаціи до того поразительно, что не надо ничего другого еще знать, чтобы сказать: „да, въ *основѣ* своей эта цивилизація вышла и не изъ головы Зевса, и не изъ бедръ Афродиты, а какъ отсвѣтъ натуры Паллады и Ганимеда".

Мы отвлеклись отъ предмета и вновь возвращаемся къ нему. Наша тема—не цивилизація, а тѣсиѣе, уже: Церковь. Лютеранство, отвергшее монашество, потеряло съ нимъ и всякую *метафизику*: потому-что одно иночество и составляетъ всю метафизику въ христіанствѣ. Все прочее—раціонально, объяснимо, обыкновенно. Совершенно необъяснимо, со стороны-ли опоры въ Первомъ Завѣтѣ, или со стороны пониманія, разума—одно иночество; и оно одно составляетъ поворотъ въ исторіи отъ древняго къ новому, оно есть виновникъ и создатель „новой эры". Безъ него—просто ничего нѣтъ; есть штундисты, паш-

ковцы, благонамѣренные люди, чистоплотные люди, благонравные люди, добрые, либеральные и т. п. и т. п.; есть Свѣтловы, Петровы, „добрые пастыри", трезвые священники. Но непонятно, почему это образуетъ *Церковь* какъ *спеціальное*. Это просто „общество добрыхъ людей", или „общество благородныхъ людей", съ которыми пріятно имѣть дѣло. *Спеціальное* церкви начинается съ *монаха*, пусть нечесанаго, пусть злого, совершенно невѣжественнаго. Все равно: онъ несетъ въ себѣ *метафизическое зерно*, которое ошеломляетъ насъ новизной и странностью, которому мы удивимся и передъ которымъ, какъ передъ всякимъ *дивомъ*, можемъ преклониться. Эта „дивность" его заключается въ глубочайшемъ, трансцендентномъ разобщеніи со всѣми нами, въ совершенной непохожести на насъ, въ силу которой—смотря по расположенности и подготовленности—мы назовемъ его „демономъ" или „богомъ" (въ простонародьи), стоящимъ *выше* или *ниже* человѣка, но, во всякомъ случаѣ—*въ сторонѣ* отъ него. Разобщенность эта и дивность эта заключается въ оригинальной или подражательной, правдивой или притворной, потерѣ *вкуса* къ женщинѣ, потерѣ *интереса* къ женщинѣ, которое у подражательной и неоригинальной группы выражается во *враждѣ* къ женщинѣ, *бѣгствѣ* отъ нея и *страхѣ* передъ нею. Одинъ инокъ училъ и это навсегда нужно запомнить, какъ *суть* всего: „Чадца! Соль изъ воды берется, но соединяясь съ водою растворяется и исчезаетъ. Такъ и монахъ: отъ женщины произойдя, онъ, когда приближается къ женщинѣ, то *ослабѣваетъ и обращается въ ничто*" (Іоаннъ Мосхъ, стр. 265)... „Поэтому великіе подвижники, какъ Пахомій Великій, Іоаннъ Каламитъ, Ѳеодоръ, Маркіанъ, Пименъ, Руфъ, Симеонъ Столпникъ и др. не допускали на глаза себѣ не только сестеръ, но даже родныхъ ма-

терей!.. Въ случаѣ, если это было оригинальное явленіе, можно судить по этому о степени *отвращенія* отъ женщины; а если подражательное, „по заповѣди", то мы можемъ по этому судить о паѳосѣ заповѣди!

— Нѣтъ супружества, семьи! И не надо!

Въ этомъ состоитъ не „что-нибудь" въ христіанствѣ, а *все* оно. Подобно тому, какъ сотни предписаній Ветхаго Завѣта можно-же было свести къ двумъ: „люби Бога и ближняго, ибо въ этомъ *весь законъ и пророки*": такъ точно всѣ поученія, притчи, образы, сравненія, обѣщанія и правила Новаго Завѣта можно свести къ одной: „не *тяготѣй* къ женщинѣ". Извѣстно, что отдавая вновь постриженнаго отрока въ подчиненіе и руководство старцу, ему говорятъ: „вотъ, онъ будетъ тебѣ *какъ Богъ*, повинуйся ему *паче Бога*". Почему такъ, истина-ли въ этомъ? Полная: суть старца, *уже вывѣренная*, уже очевидная монастырю, заключается въ безсѣменности, въ невожделѣніи къ женщинѣ. А въ этомъ „законъ и пророки". Поэтому вмѣсто длиннаго богословія и пространныхъ наставленій, отроку и говорятъ: „вотъ *старецъ*, повинуйся ему",—и это совершенно тоже, что „исполнить всѣ законы и пророковъ". *Свѣтъ безсѣменный*: и ужъ кто взялъ зерно его — получитъ и весь свѣтъ. Но старецъ—безсѣмененъ, и „повиноваться ему—все равно, что Богу повиноваться". Очевидно.

Отъ этого не по злоупотребленію, а по глубокому предчувствію истины и по сознанію всего объема ея, монахи согласны скорѣе на допущеніи всякихъ злоупотребленій въ своей черной братіи, на невѣжество всего духовенства, на отрѣченіе отъ науки, на подавленіе

всякой свободы, наконецъ даже готовы терпѣть чудовищный половой развратъ въ самомъ монашествѣ, хотя непремѣнно тайный, необъявленный,—чтобы цѣною всѣхъ этихъ потерь, несчастій и униженія, однако сохранить *самый принципъ монашества, притомъ не униженный, а сколь можно возвышенный, прославленный*. Въ этомъ все дѣло!!! Скажите, объясните и докажите самому правдивому, самому праведному „святому" христіанскаго міра, живущему, положимъ, въ самую развратную монашескую эпоху, какъ было въ католичествѣ въ XVI вѣкѣ и въ X-мъ вѣкѣ, что „упразднить-бы монастыри и монашество, а пусть будетъ *каждый* семейнымъ — и тогда *пороки прекратятся*", и онъ, при всемъ сознаніи и внутреннемъ согласіи, тѣмъ не менѣе отвергнетъ это *моральное спасеніе* ради сохраненія *метафизическаго зерна*! Съ глубокой тоской, съ глубокимъ трепетомъ сердечнымъ—и все-таки отвергнетъ, сказавъ про себя: „лучше я повѣрю Христу, чѣмъ всему обвиненію міра и очевидности глазъ своихъ: ибо *зачѣмъ-же Онъ пришелъ*? Тогда настанетъ нравственность: но гдѣ-же будетъ *собственное Царство Христово?—Оно разрушится*". Пока есть хотя *одинъ* праведный монахъ среди тысячи развратныхъ, наконецъ, даже если всѣ 1001 монахъ развратенъ, *но принципъ монашества не отвергнутъ*: до тѣхъ поръ Царство Христово, хотя умаленное и подавленное, засоренное и почти разрушенное — однако *остается*. А 1001 счастливыхъ семьянина, будь они хоть добродѣтельны какъ Авраамъ, составляютъ только Царство Ветхаго Завѣта и *ни одной крупинки Новаго*. „А меньшій въ Царствѣ Новаго Завѣта больше самаго большого праведника Ветхаго Завѣта", сказалъ пришедшій не нарушить „іоты" въ этомъ Завѣтѣ. Поэтому пока держится принципъ *безсѣменности*, то хотя-бы ни одного

его исполнителя не нашлось — держится вся Церковь: ибо придетъ еще, придетъ новый, придетъ когда нибудь, и исполнитъ этотъ принципъ — и тогда *возстановится* разомъ вся Церковь въ главной мысли своей, въ главной задачѣ своей, въ великой темѣ, въ великомъ мотивѣ. Возстановится въ *особливомъ духѣ*, котораго нѣтъ въ тысячахъ и милліонахъ счастливыхъ семей. Нигдѣ нѣтъ, кромѣ—*келіи, монаха*.

Суть этой мысли или, общѣе, этого духа лежитъ въ неодолимой увѣренности:

— *Отъ безсѣменности спасеніе!*

Семейныя добродѣтели суть „немножко не тѣ“ добродѣтели; а если и есть пороки въ безсѣменныхъ и безсѣменности—то „какіе-то преходящіе и вообще ничего“... Тутъ именно сонмъ „своихъ людей“, одной *категоріи*. „Самыя добродѣтели противоположныхъ намъ — не нужны, и самыя пороки наши—извинительны“. Главное, чтобы „торжествовали *мы*“ и „наше *начало*“. „Міру предстоитъ погибнуть“... Добродѣтели семейныя потому ничто, что самая семья должна исчезнуть, переродиться въ что-то духовное: и тогда естественно *былыя* добродѣтели ея перестанутъ быть образцами-ли, правилами-ли, и вообще обратятся въ *ничто*. Какой интересъ, что нѣкоторыя деревья очень хороши въ лѣсу, который завтра сгоритъ? Если-же безсѣменные и оказываютъ недостатокъ, напр. участливости къ людямъ, чёрствости къ семьѣ, порой жестокости — тюрьмы, казни, инквизиція,—то вѣдь это *исправится* тѣмъ общимъ идеализмомъ, духовнымъ царствомъ, въ выработкѣ котораго состоитъ самая суть безсѣменности. „Все исправится“, — какъ только „мы успокоимся“: а „успокоимся мы“ тогда, когда „всѣ къ намъ придутъ“. „Пусть всѣ согласятся на безсѣменности: и мы растворимъ тюрьмы, и никогда, во-истину никогда болѣе не зажжемъ костровъ“! „Мы отпустимъ всякій грѣхъ, чрезмѣрный, — какъ отпускали всегда *своимъ*, безъ наказанія, по одному разсказу, развѣ съ легкимъ выговоромъ. Мы будемъ кротки: во-истину, мы *кротчайшіе* изъ людей! Ни казни, ни суда, ни наказанія — ничего не будетъ. Но не будетъ, когда всѣ придутъ къ намъ. И станутъ какъ *ангелы на землѣ*, въ земныхъ еще условіяхъ, но въ *небесномъ состояніи*, въ которомъ не посягаютъ, не женятся, не вожделѣютъ, не имѣютъ дѣтей. Мы предвозвѣстники этого новаго состоянія, преображенной земли и Новаго Неба. Аминь и борьба. Конецъ и начало. Геена и скрежетъ зубовный или вѣчная тишина Райскаго блаженства“...

Вотъ Церковь.
Вотъ Христіанство.
Вотъ христіанскіе народы.
Въ серединѣ всего этого лежитъ:

— *Иночество*!

Какъ кристаллъ внутри Церкви: и этотъ твердый кристаллъ нерастворимъ въ Христіанской цивилизаціи, и медленно ведетъ христіанскіе народы, какъ племена и кровь, какъ землю, и ведетъ само христіанство, какъ что-то слишкомъ сложное, состоящее изъ языческихъ и евангельскихъ началъ — къ разодранію, разрушенію и оставленію на землѣ „немногихъ избранныхъ“:

— *Царства безсѣменныхъ святыхъ*.

СССР. ИНСТИТУТ